ПИТЕР ХУК

ХАСИЕНДА

КАК НЕ СТОИТ УПРАВЛЯТЬ КЛУБОМ

[kʌbm'ctnyı uj'ɜ:nyı]

18 +

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Известный музыкант и продюсер, соучредитель и бас-гитарист групп Joy Division и New Order Питер Хук рассказывает историю знаменитого манчестерского клуба Haçienda (1982–1997), одним из организаторов и совладельцев которого он был. Это захватывающая история, напоминающая американские горки, полная взлетов и падений, успеха, рисков и оптимизма. Спорных моментов и проблем с полицией было немало, но заведение стало легендарным не благодаря им. Haçienda оказалась суперклубом еще до того, как появилось само это понятие. В своих стенах клуб сформировал жанр «мэдчестер» и способствовал рождению эйсид-хауса — отсюда эти два музыкальных жанра распространились по всему миру.

В fb2-версию не вошли годовые финансовые отчеты клуба Haçienda (прим. создателя файла)

-
- Виновники
- Предисловие
- Пролог. Одна ночь из жизни клуба, 1991 год
- 1980. «Если вы любите Deep Purple, вам точно понравятся эти ребята»
- 1981. «Двойная победа»
- 1982. «Мы не ощущали эти деньги своими»
- 1983. «Ну надо же, какими мы были дебилами!»
- 1984. «Это тоже наша работа»
- 1985. «Не надо было впускать его с этой чёртовой дрелью»
- 1986. «Мы тогда редко дрались, да и то между собой»
- 1987. «Мне это, должно быть, мерещится...»
- 1988. «Чудо, что кто-то ещё жив остался»
- 1989. «Мы просто не были созданы для бизнеса»
- 1990. «Объём передаваемой наркоты подогревал любопытство копов»
- 1991. Глава о том, как я впервые посетил женский туалет. Смотрелся он мило, спешу доложить
- 1992. «У нас была проблема. Мы всё ещё были в неадеквате»
- 1993. «Вы платите мне недостаточно, чтобы я тут кровью истекал»
- 1994–1996. «Альберт — восьмифутовый удав. Возможно, под диваном прячется»
- 1997. «Калькулятор сильнее оружия»
- Эпилог. Пятнадцать лет круглосуточных тусовок

- Послесловие. The Factory FAC 251
- Благодарности
- Библиография
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10

С любовью посвящаю книгу моей маме Ирене Хук

Покойтесь с миром:

Иен Кёртис, Мартин Хэннет, Роб Греттон, Тони Уилсон и Рут Польски.

Без вас Хасиенды бы не было.

Виновники

С самого начала было ясно, что проблем не избежать.

Действительно, когда в 2003 году Клод Флауэрс предложил мне написать книгу воспоминаний о Хасиенде, мне сразу пришла в голову известная цитата о шестидесятых: «Если вы их помните, значит, вас там на самом деле не было». Это как раз про Хасиенду.

Словом, мне нужна была помощь, и книга эта — плод совместных усилий. Затеял всё Клод, и он же помог мне вспомнить многое из того, что казалось забытым, а Эндрю Холмс восполнил недостающие факты и разобрался с документами.

Если вам что-то понравится в книге, то это моя заслуга. А если нет — все претензии к ребятам.

Предисловие

Мы облажались по-крупному, чёрт возьми.

Или нет?.. Иногда я размышляю над этим: на дворе 2009 год, а Хасиенда известна как никогда. Хотя денег она от этого приносить не стала — тут без перемен. Нынче исполняется двадцать один год эйсид-хаусу, и мы проводим «Вечеринки Хасиенды» по всей Великобритании. Мы также наладили производство CD, футболок, ботинок, открыток, плакатов, уникальных велосипедных рам и даже организовали художественный проект с Беном Келли — неплохо, правда? Что же в итоге из всего этого получится?

Похоже, наш менеджер Роб Греттон был прав по поводу Хасиенды. Прав он оказался и на поминках по Йену Кёр-тису, когда сказал, что Joy Division станут успешной группой через десять лет. Тогда это совсем не утешало, но он попал в точку: через десять лет Joy Division добились признания, которое сохранялось на протяжении двадцати и даже тридцати лет. Группа всё ещё популярна, и этим всё сказано.

Затем, когда мы оказались близки к банкротству, надо сказать добровольному, он посоветовал нам оставить за собой права на названия.

«Почему?» — спросил я.

«В будущем они смогут приносить прибыль».

«Исключено, — подумал я. — Кому какое дело?» Тогда всё это меня порядком достало.

Но ему было дело. Больше никто интереса не проявил, и я передал Робу деньги для выкупа прав на названия. Начался долгий период напряженной работы по исправлению недоработок, нескончаемые потоки документов и издержек на юридические услуги, разборки с незаконными торговцами. В итоге мы достигли цели и, надеюсь, сможем пожинать плоды своего труда.

Но сперва я должен рассказать историю клуба, не так ли? Рассказать, как Хасиенда повлияла на клубную культуру в Англии. Какие ошибки мы допускали и как, будучи полны оптимизма, получали новый урок.

Это была захватывающая история. Неприглядных моментов, связанных с клубом, было немало (криминал, наркотики, разборки, проблемы с полицией), но заведение стало легендарным не благодаря им. Хасиенда оказалась суперклубом ещё до того, как появилось это понятие. В своих стенах клуб сформировал жанр «мэдчестер», а в северной части Англии

способствовал рождению эйсид-хауса — отсюда эти два музыкальных жанра распространились по всему миру. Наконец, в клубе прошло столько великолепных концертов, что в голове не укладывается, особенно если учесть состояние публики.

Когда мы открывали Хасиенду, ребята из Factory и New Order не имели опыта коммерческой деятельности. Мы просто вложили свои деньги и доверились персоналу, в основном состоящему из наших друзей. Это была плохая идея. Друзьями становятся вовсе не из-за деловых качеств, но мы усвоили это на своём горьком опыте. Мы всё усваивали на собственном горьком опыте.

Группа New Order поначалу не сильно была вовлечена в дела клуба: первые годы я даже не задействовал своих знакомых, не говоря уже об участии в финансовой стороне вопроса. Сказать по правде, я не особо вникал в это. Я мог посещать клуб бесплатно, и этого было достаточно (некоторым членам группы иной раз и это не удавалось). Меня одолевали сомнения, и, несмотря на то что я официально владел клубом, обходившимся мне в кругленькую сумму, я абсолютно не ощущал его своей собственностью. Никто из нас не ощущал. Но по мере того как проблемы росли, нам нужно было принимать более активное участие в управлении. Так в 1988 году я стал одним из руководителей клуба. К тому времени уже никто не мог привести дела в порядок.

Но я уже слишком прочно увяз в этом бизнесе, чтобы выйти из него.

Как говаривал наш бухгалтер, «меня не волнует, насколько клуб убыточен, до тех пор пока я получаю зарплату». «А вот тогда, — добавлял он, — ударит так, что мало не покажется».

Однажды мы прикинули, что с открытия клуба в 1982 году до его закрытия в 1997-м каждый посетитель стоил нам десять фунтов. Мы потеряли так много из-за неумелого менеджмента и абсолютной тупости. Но мы были уверены, что вписываем свои имена в историю, а не зарабатываем деньги. Впрочем, если мне доведётся оказаться на мели, я прогуляюсь по Манчестеру и попрошу всех вернуть мне мою десятку.

Я поделюсь деньгами с остальными, честное слово.

С другой стороны, я уже никогда не узнаю, сколько денег мы на самом деле потеряли с Хасиендой, поскольку наш лейбл Factory, партнёр New Order по делам клуба, никогда не отчитывался перед группой. Нам не сообщали, сколько записей было продано в Англии и за её пределами.

Владелец Factory Тони Уилсон никогда бы не сказал, мол, в Китае продано сто тысяч записей New Order, так что заберите ваш гонорар. На самом деле Роб Греттон получал наши отчисления наличными, когда приходил в офис и требовал их. Если у Тони

были деньги, он расплачивался, а если денег не было, то он посылал Роба на фиг. Именно так они и управлялись с делами — при нашем одобрении, надо сказать. В этом заключались хаос, панк, анархия, и нам это чертовски нравилось.

Ну, по крайней мере тогда. Сейчас та жизнь кажется старым добрым беспределом, ведь помимо того, что мы не знали, сколько зарабатываем, мы также были не в курсе, сколько наших денег вкладывалось в Хасиенду, чтобы уберечь её от банкротства. Очевидно, что это была полная лажа, масштаб которой мы никогда не сможем определить.

Как говорила мне мама, упокой Господи её душу, «ты не попадёшь в беду, если будешь говорить правду, Питер». Давайте разберёмся, права ли она. Эта книга является правдой, чистой правдой и ничем кроме правды.

.. .Насколько я её помню.

Хуки, 2009

Пролог. Одна ночь из жизни клуба, 1991 год

Суббота, на часах одиннадцать, и я уже вполне готов взяться за дело. Сегодня мне предстоит важный вечер. Я буду стоять на входе в своём собственном клубе, в Хасиенде, самом масштабном и диком заведении в Манчестере, в Англии и, вероятно, во всём мире.

Почему я вынужден стоять на входе? Мы огребли немалых проблем. Проблемы, у нас, конечно, были всегда, но с таким числом жалоб на стоящих у входа в клуб охранников мы ещё не сталкивались. Руководители клуба сказали, что эти ребята в доле и что уличные банды с ними рядом не стояли. Это подтверждали полицейские и даже сами банды.

Тем временем жалобы поступали и от посетителей клуба, причём от женщин всё больше. Потасовки среди мужской части публики не были редкостью, но на этот раз под раздачу попадали и девчонки. Двое получили по затрещине, одной врезали кулаком, одну сильно избили, и ещё одна утверждала, что, обыскивая её на наркотики, охранник залез ей рукой в трусы.

Думаю, именно это и заставило меня принять меры, — жалобы на охранников от девчонок.

Главный охранник клуба Пол Кэрролл не замедлил мне возразить, что получить ножевое или пулю с таким же успехом можно и от женщины. «В любом случае, если ты, блин, такой умный, то почему сам не попробуешь постоять на входе?»

«Ну хорошо, — сказал я. — Я постою на входе в субботу, замётано. Ты можешь отдохнуть, Пол, я займусь этим».

Чёрт бы побрал мой длинный язык.

Я забираю детей и отвожу их к матери. Единственный положительный момент в жизни отца-одиночки заключается в том, что всегда есть кому оставить детей на вечер. Однако я не привык работать в субботу. Мне больше подходит пятница, так как я предпочитаю слушать музыку. А по субботам в Хасиенде слишком мажорная обстановка. Это касается как музыки, так и внешнего вида публики. Но сегодня я сделаю исключение.

Звоню своему приятелю Твинни и договариваюсь с ним о встрече в пабе Swan в Солфорде примерно на час дня. «Запасись кое-чем, — говорит он, — я буду не один».

Далее я добросовестно звоню своему другу в Чорлтон и договариваюсь о паре граммов колумбийского кокса на потом.

Что бы надеть на такую работу?..

Чёрный?

Слишком официально.

Что-нибудь повседневное?

Никакого авторитета.

Точно, лён! Костюм от Армани, белая рубашка и коричневые туфли — моя экипировка летом 1991 года. Решено.

Бог мой, как я взвинчен. Скорее даже напуган. Невероятно, чёрт побери, насколько опасно иной раз бывает стоять на входе. Заглянуть может и толпа с мальчишника из Лидса, и шайка бандитов, которые не собираются платить и требуют к себе особого отношения. При этом они норовят устроить разборку как на входе в заведение, так и при выходе, — всё это происходит у дверей клуба.

Я готовлюсь, принимаю душ и одеваюсь. Мой друг Рекс приносит мне стакан молока. Он давно, с четырнадцатилетнего возраста, любит Joy Division. И именно он был испытателем наших чемоданов для перевозки: мы закрыли его в одном из них и провезли пять этажей по лестнице. На какое-то время он остался без жилья и жил у меня, помогая на студии.

«Лучше наешься впрок», — говорит он с сильным блэкбернским/чорли акцентом.

Хороший он парень.

И наконец я готов. Заказываю такси, занюхиваю большую дорожку «спидов» и отправляюсь в путь. Как же воняет в этих витингтонских такси, чёрт побери. Я начинаю беспокоиться за свой костюм. Мы останавливаемся у дома моей подруги Венди, забираем её. Я ужасно рад её видеть, она прелестна! Некоторое время мы болтаем, она угощает меня из своих запасов, и я снова в ауте.

Солфорд, наконец-то я дома! Swan — это старый паб на Экклс-Нью-роуд, напротив Уистского автобусного парка. Здесь я провёл всю свою жизнь. Родился и вырос я в Орд-солле, в центре Манчестера. Когда мы основали группу в 1976 году, мы репетировали на верхнем этаже в Swan. Это стоило нам по 50 пенсов с каждого при условии, что мы покупали пирог и пинту пива. В то время с нами ещё не было барабанщика Стива. Затем Йен вернулся в Маклсфилд, и мы в основном стали репетировать там.

Та верхняя комната в Swan по сей день не изменилась. Картинки со стены были сняты, однако следы от осевшего сигаретного дыма по контуру всегда будут напоминать о них. Время от времени, когда меня гнетут мысли о том, как закончилась история Joy Division, или когда я устаю от проблем в New Order, я поднимаюсь наверх. Иногда всё это заставляет меня

плакать.

Но не сегодня. Сегодня я на взводе.

Я захожу в паб. Твинни уже там, с ним Кормак, Бэкетт и Джим Бесуик, который уже несёт первую пинту. Мне по душе эта традиция — не платить за первый бокал. Однако всё по-честному: позже я буду платить за них в клубе.

Сегодня в этом заведении особая атмосфера. Обычно тут как в простой дерьмовой забегаловке, куда ходят рабочие, но сейчас как-то слишком оживлённо. В чём дело? Я оборачиваюсь и вижу целую толпу людей в закутке, что не характерно для начала дня.

«Да, гвардия Солфорда», — смеётся Твинни.

Выясняется, что бандитская молодёжь разглядела в двух торговцах наркотой копов под прикрытием. Мужчина и женщина, разыгрывавшие из себя парочку, назначили здесь бандитам встречу, желая «провернуть дело» по-тихому. Но толпа вооружённых головорезов окружила их.

Я пошел посмотреть. Зажав бедолаг, как мышей, в углу, хулиганы заставляли их выкурить косяк, попутно готовя им дорожку «спидов». Чёрт возьми, ну и шутки! Похоже, их вычислили ещё на входе, и решили для начала поразвлечься. Вот же, блин! Спустя полчаса накуренные и втёртые копы были пинком под зад выпровожены на улицу. Скатертью дорожка!

А мы тем временем решили повысить градус. Ещё две пинты добавили мне храбрости для сегодняшнего вечера.

«У нас в Хасиенде проблемы, — говорю я ребятам. — Я во всём разберусь».

Парни смеются. День продолжается, воздух наполняется дымом травы, запахом пива ихкреветок с рынка. На повторе играет «Rhythm is a Dancer». Бэкетт почти продал машину, припаркованную рядом, однако повздорил с перспективным покупателем из-за того, что тот слишком сильно газовал, пока проверял двигатель. Он даже залез в машину того парня и стал копаться в ней. Офигеть. Когда начинает темнеть, мне предлагают одно за другим: гоночные велосипеды, CD-диски, стиральные машины, сигареты, конфеты и даже туры выходного дня в Турцию. Чёрт, конца этому нет. А на часах тем временем уже девять — как летит время! Пора браться за работу. Ребята идут по домам переодеться, а я направляюсь в Хасиенду.

Весь Манчестер гудит. Толпы людей повсюду. Боже, как я люблю этот город. Я реально горжусь быть частью его культуры. Огибая Динсгейт и двигаясь по Уитворт-стрит, я уже слышу звучащую в собранных при моём участии динамиках бас-бочку. Обожаю, когда эти звуки сотрясают оконные стёкла. Кому придёт в голову ставить стёкла в ночном клубе? Нам. Да, двенадцать

грёбаных стёкол сотрясались в такт, как сумасшедший мулла, зазывающий на молитву.

Я выхожу из машины. Что, красного ковра нет?

«Где тебя носило?» — спрашивает Пол Кэрролл.

Прекрасно. Я вхожу внутрь, иду к бару и забиваюсь в угол. Потом договариваюсь с Антоном, менеджером бара, что он будет приносить мне тройную водку с апельсином каждые двадцать минут. Спецзаказ. Я пригубил первую. Затем иду к двери. Давай, сюда неси.

Я проверил постоянных сотрудников у входа: Дэмиен Нунан, Пит Хэй, Стэв, несколько других, которым мне нужно кивнуть. Хорошие ребята. Они улыбаются, но почему?

Потому что это, блин, скучно. Между девятью и одиннадцатью вечера время тянется долго, посетителей лишь несколько человек, желающих, чтобы им продали дешёвые билеты «до половины одиннадцатого»[1], но все билеты распроданы. Как всегда. В баре мы еще раньше продали две тысячи билетов и наварили на каждом по два фунта сверх стоимости (но не говорите об этом лицензионной службе, поскольку считается, что клуб вмещает 1400 человек, ха-ха!).

Около одиннадцати вечера обстановка меняется. Поднимается суета, беспокойство нагнетается и грозит выйти из-под контроля. Внезапно все начинают бегать и орать, вытаращив глаза. Пабы закрываются, а всем хочется попасть внутрь, прежде чем образуется очередь. Наши вышибалы хорошо работают. Они уже опознали в некоторых типах участников мелких банд. Двое пьяных, получив затрещину, отправляются вон.

«Пока все проходит неплохо», — думаю я, потягивая свою третью порцию. Кто-то спорит по поводу списка приглашённых гостей. Он называет себя братом Барни[2]. Каждый вечер сюда приходит по пять-шесть братьев-сестёр участников New Order. Парень как следует получает и, как побитая дворняга, бредёт прочь.

Тут всё начинается.

Один из охранников на входе разговаривает с приятелем. Я наблюдаю за ними, но вдруг приятель исчезает. Как сквозь землю проваливается. У меня сразу всплывают в памяти фильмы о Диком Западе, где герою тупо проламывают голову. Негодяи успевают убежать по Уитворт-стрит, до того как нашим парням удаётся что-либо сделать. Охранник заботливо придерживает истекающую кровью голову своего приятеля.

«Джон, Джон!»

Вот дерьмо! Но он поднимается, чувствует себя нормально. Чёрт!

Тут появляется Антон с моим спецзаказом. Я хватаю его за плечо и требую сократить интервал до десяти минут.

Сердце начинает колотиться, но позже успокаивается. Один из старой гвардии Солфорда отказывается платить два фунта, которые нам необходимо получить, чтобы сохранить лицензию. С ним одна очень известная сол форд екая девчонка, всё серьезно. Дэмиен начинает орать, и к нему присоединяются остальные. Чёрт возьми! Внезапно двум парням из одной опасной группировки надоедает, что им отказывают, и они начинают ломиться. Их вышвыривают, но в отместку они принимаются швырять в дверь бутылки. Наш охранник бросается в погоню и, к несчастью для хулиганов, догоняет их на ступеньках зала для игры в пул. Мне потребовалось время, чтобы усвоить, что существует два вида вышибал. Одни — большие и мускулистые, мы все их знаем и любим, а другие — маленькие и шустрые, хорошо развивающие скорость, подобно львам и гепардам.

Но, чёрт побери, хватит уже с меня!

Смотрю на часы. Сорок пять минут одиннадцатого. Пол Кэрролл и Дэмиен ржут как ненормальные, наблюдая, как я уползаю, поджав хвост.

Добро пожаловать в Хасиенду.

Просочившись через знаменитые двери с вырезанным на них номером 51, я вытираю ноги о половичок с номером 51.

Заведение заполнено почти под завязку. Я ощущаю волнение. Всех ли я здесь знаю? Думаю, что да.

Направляюсь к бару. Этот путь кажется мне вечностью, и я уже совсем раскис. Мне снова нужна выпивка. Я иду к своему углу под лестницей, где тусуются управляющие клубом Энг Мэттьюс и Лерой Ричардсон. Я прохожу и наблюдаю за всем этим цирком. Вышибалы ржут над тем, как я сегодня справился с ролью охранника на входе. Уроды. Появляется Стэв, чтобы «присмотреть за мной», как он говорит. На самом деле он хочет немного наркоты. Пол обычно шлёт его на фиг, но я делюсь с ним, и вместе мы смеёмся.

Я начинаю привыкать к обстановке. Эта ночь хороша: нескончаемый поток друзей, знакомых драгдилеров, толпы девчонок. Я в тот период был разведён, но в клубе мне никогда не удавалось как следует «замутить». Похоже, девчонки приходили послушать музыку, а не для того, чтобы найти себе парня. А может, я просто был слишком упорот, чтобы что-то делать.

А вечер в самом разгаре, и я поднимаюсь в кабинку ди-джея. Стучу в дверь. Мне кажется, что проходит целый час. Наконец Грэм Парк впускает меня.

«О, Хуки, привет! Вот тебе кассета», — говорит он и передаёт

мне запись.

«Зашибись, запись субботнего концерта с прошлой недели, — думаю я. — Как мило с его стороны», — продолжаю я думать, не зная, что он втихую продаёт их по десять фунтов, зарабатывая на этом от пятисот до тысячи фунтов за вечер. Славный малый. Жаль только, что мы не уличили его раньше.

Так о чём это я? Ах да, дорожки! Я достаю кокс, раскладываю его на столе и погружаюсь в мир безумия. Море рук, свет огней, и всё двигается под низкочастотное «туц-туц-туц». До чего же хорошо жить и быть владельцем Хасиен-ды! А что было до этого, я не могу вспомнить.

Позже я присоединяюсь к парням. С нами мой приятель Трэвис.

«Сбегай и приведи мне тех ребят из Солфорда», — говорю я, и он уходит в чёрный угол ниши. Эти ниши знали все посетители. В каждой тусовались те или иные группировки, а конкретно эту мы называли адом. Если вы зайдёте туда без разрешения, вам двинут в ухо или, если повезёт, просто вытолкнут. Даже я не рискнул бы сунуться туда без Кормака или Твинни. Мои ребята, старая гвардия, находятся во второй нише. Трэвиса уже реально долго нет, и он возвращается с разбитым носом и говорит, что ему здорово влетело.

Теперь я зол и несусь к двери, чтобы найти Пола или Дэмиена. «Да сколько можно это терпеть!» — ору я.

Ути-пути, я уже вою как маленький мальчик: «Чёртовы уроды!»

«А не фиг быть таким придурком», — отвечают они и снова ржут. у

«Ну ладно», — говорю я и бегу к Сюзанне, которая заведует кухней.

«Твоё ведро вон там», — говорит она.

Ещё один плюс работы управляющего: когда мы строили чёртов клуб, мы не предусмотрели достаточно туалетов. Для того, чтобы отлить, приходилось чертовски долго ждать. Плюс ко всему в сортире я всегда с кем-то ругался. Вот так я и стал счастливым обладателем ведёрка из-под майонеза Hellmann's со своим именем на нём. Ведёрко это как раз хранилось в кухне. Все шутили над этим, но ровно до тех пор, пока шутникам не приспичивало. Сюзанна, например, придумала шутку: просить людей подержать ведро. А потом, когда они спрашивали, она сообщала им его предназначение. Что ж, университетов мы не кончали.

«Нет, детка, ссать я не хочу, спасибо, — говорю я ей. — Мне бы только передохнуть».

Восстановив силы, я выхожу, набираю группу вышибал, которые неплохо обращаются с бейсбольными битами, и посылаю их всех в дальний угол. Они отправляются туда и уделывают нескольких членов банды.

Оказалось, что они накрыли тайник с травой. Отменные парни у Дэмиена.

Итого за сегодняшний вечер произошло четыре драки, угроза оружием, два нападения на сотрудников бара, суровое наведение порядка в углу, купля-продажа наркоты в приемлемых масштабах (по крайней мере, приемлемых для нас).

Я улепётываю обратно в кабинку диджея, хочу притаиться там. Вскоре об этом забывают, так как все уже на ногах не стоят и ничего не замечают. «У нас тут всё серьезно». Приезжает полиция в надежде поймать сбежавших выпущенных под залог заключённых или зафиксировать употребление наркотиков — одним словом, доставить нам массу хлопот. Их сопровождают и охраняют от толпы наши вышибалы. Копы уезжают, облитые пивом и оплёванные, ничем на это не ответив. (Я не понимаю почему. Типа они так показывают, кто на самом деле сильнее?)

Затем появляются представители лицензирующих органов, которые начинают доставать Энг. В час сорок пять нужно заканчивать обслуживание и за пятнадцать минут собрать все открытые бутылки. Понятное дело, с этим больше всего проблем, поскольку никто не хочет расставаться со своей бутылкой (особенно бандиты, которые открыто презирают это правило). Но почему-то представители органов угрожают именно нам.

Проходит, кажется, всего несколько минут (слишком быстро!), часы показывают два ночи, и веселье заканчивается. Музыка вырубается, и толпа начинает скандировать: «Ещё одну песню! Ещё одну песню!»

Я говорю Грэму, чтобы поставил ещё одну.

«Ты уверен? — спрашивает он. — А Энг знает?»

Энг является владельцем лицензии и отвечает за то, чтобы мы закрывались в отведённое время, иначе представители властей могут нас закрыть.

«Конечно, она в курсе, — вру я. — Так или иначе, я тут главный».

Он включает «You Got the Love» Кэнди Стейтон. Я вскидываю руки вверх (прямо как Кэнди во время пения) и пою: «I know I can count on you». Каков придурок!

Зал гудит.

«Да! — ору я. — Да, да и ещё раз да!»

Но момент счастья быстро заканчивается. В кабинку влетает Энг и отвешивает мне тумака. Грэм уворачивается, а Энг снимает

иглу с пластинки.

«Тут инспекция! — кричит она. — Спрячь её на фиг!»

Упс, я снова это сделал. Я могу быть совладельцем Хасиенды, но руковожу клубом не я, хвала Всевышнему. Я робко выхожу из кабинки и спускаюсь за Энг по лестнице.

«А мы можем запереться в знак протеста?» — интересуюсь я.

Она бьёт меня в грудь чем-то тяжёлым: «Нет! Вот твой ящик пива, а теперь катись к чертям!»

Чудесно.

Мы встречаемся с ребятами, несём ящик к выходу, залезаем в двухдверный форд «Эскорт» и едем на афтепати в Солфорд. Мы отъезжаем. Водитель виляет.

«Не волнуйся, он не пил», — говорит мне Твинни.

Мы открываем банки, вставляем кассету в магнитофон, выкручиваем громкость на полную и едем. У светофора на Регент-роуд мы останавливаемся. Оу, впереди полицейская машина.

Полицейская машина! А у нас, господи Иисусе, при себе наркоты больше, чем в больнице «Хоуп». А я ещё и в стельку пьяный.

«Спокойно, всё в порядке», — говорит водитель. Но когда зажигается зелёный, он не едет вперёд. Он дальтоник и именно из-за этого так дёргается.

Внезапно копы стартуют за нами. Всё кончено. Нас вытаскивают из машины, водителя уводят. И как же мы попадём домой?

Один из копов поворачивается ко мне и спрашивает: «Вы Питер Хук из New Order?»

«Зашибись, он наш фанат», — думаю я.

Я улыбаюсь, смотрю ему в глаза и говорю, что это я. «Не подбросите до Солфорда, офицер?»

«Иди на фиг, мне всегда больше нравились The Smiths», — отвечает он.

Нас оставили добираться до дома пешком. Сегодня заночую у Твинни, а в одиннадцать уже буду пить первую пинту в Swan. Сгинь, тоска!

Прекрасная ночь.

1980. «Если вы любите Deep Purple, вам точно понравятся эти ребята»

По барам и пабам я хожу с пятнадцати лет, с 1971 года. Тогда паспортов не спрашивали, и если ты выглядел достаточно высоким (более пяти футов), то тебя без проблем обслуживали. Первым баром, в котором я побывал, был Church, находящийся в Солфорде. Мы ходили туда с Терри Мейсоном, моим старым школьным приятелем, которого я знал с восьми лет и которому довелось некоторое время побыть менеджером Joy Division.

Мы тогда были сьюдхедами (постскинхедовская субкультура). Я пришёл в бар и, дрожа от страха, заказал пинту пива.

«Вам горькое или помягче?»

«Нет, просто пива».

Хрен знает, что он мне налил, но я убрался в сопли с одной пинты. Выйдя из бара, я поскользнулся и упал на кучу собачьего дерьма, что стало отличным началом моей дружбы с алкоголем. Между прочим, весьма символично: начинаешь пить — будешь в дерьме, ха-ха!

С Бернардом Саммером я познакомился еще в школе. Мы стали лучшими друзьями и оставались таковыми многие годы. После окончания школы я работал в Манчестерской ратуше. Именно там я исполнил свой первый ди-джей-сет: ставил музыку во время празднования Рождества сотрудниками нотариального отдела ратуши в 1975 году. Просто не верится!

Мы с Барни ходили во все клубы Манчестера. Обычно публика состояла из девочек в туфлях на каблуках и юношей в белых рубашках и пиджаках. Для нас эта публика была одета слишком цивильно. К 1977 году панк-рок уже существовал, но играли его только на отдельных концертах, после которых жизнь возвращалась в прежнее русло. Ребятам вроде нас было некуда пойти и продемонстрировать свой внешний вид, — не было регулярных мероприятий. Мы нуждались в Хасиенде даже тогда. Идеи по поводу клуба зародились именно в то время.

После концерта Sex Pistols в Lesser Free Trade Hall в 1976 году мы с Барни создали группу. Сначала она называлась Warsaw, а затем — Joy Division. В том составе я играл на басу, Барни — на гитаре, а Йен Кёртис пел. После двух неудачных попыток мы нашли барабанщика Стива Морриса. Он откликнулся на объявление, которое я разместил в музыкальном магазине в Маклсфилде.

Будучи группой, мы уже могли посещать разные мероприятия

и играть там в своё удовольствие. Нам это очень нравилось, но всё равно клубная музыка Манчестера нас не устраивала. Моим любимым местом в то время был клуб Rafters. Барни, Терри и я ходили туда на концерты, которые устраивала контора Мартина Хэннета Music Force. Сам он играл на басу в группе Greasy Bear и совместно с парнем по имени Алан Уайз владел концертным агентством в Манчестере. Мартин имел незаслуженную репутацию самого быстрого промоутера в северной части Англии из-за своей привычки быстро удирать с деньгами, ха-ха! Совместно с Аланом Эразмусом (местным актёром и менеджером группы) он устраивал концерты по всему городу. Карьера Мартина началась именно тогда, ещё до того, как он стал продюсировать альбомы Joy Division.

Потом Алан Эразмус совместно с представителем Granada TV Тони Уилсоном занялся организацией клубных концертов, которые проходили под названием «the Factory». На этих концертах выступали и Joy Division.

Клубный концерт от Factory был проведён в заведении на восемьсот человек в клубе Russel, в Халме, или, если верить неразборчивой надписи на постере легендарного дизайнера Питера Сэвилла, «в клубе Russell, Ройс-роуд, Мосс-Сайд». На первом концерте выступали The Durutti Column и Jilted John. Joy Division впервые играли девятого июня этого же года, а на следующих концертах выступали Игги Поп и UB40, что говорило о высоком статусе мероприятий. Позднее в этом же году Factory Records выпустили четырёхтрековый миньон под названием «A Factory Sampler», спродюсированный в основном Мартином Хэннетом, который стал известен благодаря продюсированию ключевого миньона группы Buzzcocks «Spiral Scratch». На записи были треки от Joy Division, The Durutti Column, Джона Дауи и Cabaret Voltaire. В каталоге запись значилась под инициалами FAC 02 (номер FAC 01 был по настоянию Питера Сэвилла задним числом закреплён за постером, что положило начало своеобразной системе каталогизации). В доме Алана Эразмуса по адресу Палатин-роуд, 86, в Манчестере на первом этаже была создана контора Factory Records, состоящая из Эразмуса, Тони Уилсона и Сэвилла. В течение первого же года существования в качестве партнёров к конторе присоединились Греттон и штатный продюсер Мартин Хэннет.

Factory была создана двумя Аланами, Тони, Джоном Бриерли (владельцем студии Cargo в Рочдейле) и дизайнером Питером Сэвиллом. Джон отошёл от дел быстро, предпочтя своей доли

разовую выплату. Роб Греттон, который был диджеем на большинстве мероприятий в Rafters, стал нашим менеджером. Это было очень маленькое и замкнутое сообщество.

О семье Тони я знал с детства, ещё задолго до того, как встретил его. Его отец работал в табачном магазине на Ре-гент-роуд в Солфорде. Моя мама покупала там сигареты. Мне было около трёх лет, но даже тогда я понимал, насколько необычно выглядел мистер Уилсон по сравнению с остальными. Он носил кричаще броские галстуки-бабочки и костюмы, чем очень выделялся в Солфорде пятидесятых годов. Я был шокирован, когда узнал, что Тони — его сын.

Среди прочих людей из телевизора Тони был настоящей белой вороной. У него были длинные взъерошенные волосы, и он резко отличался от своих очень правильных коллег. При этом он имел успех благодаря своей экстравагантности. У них с Мартином Хэннетом было много общего — схожие манеры и внешность. Оба одевались необычно, как ранний Доктор Кто.

Тони был религиозным человеком, что не вязалось с его поведением. Он был немного старше нас, и мы относили его к другому поколению. Для нас он был выше по статусу, как босс, и часто именно он руководил нашими делами. Время от времени он проведывал нас, интересовался, как дела у группы, а мы даже немного робели перед ним из-за его успеха на телевидении. Он был очень влиятельным человеком, а мы представляли собой кучку задротов пролетарского происхождения из Солфорда. Много раз именно он воодушевлял нас продолжать работать. Он был полон энтузиазма и всегда упорно работал над проектами, в которые верил. У него были свежие идеи, но, как я позже понял, он любил приукрашивать вещи. Идеи отягощали его и со временем надоедали, не давали переключиться на новый проект, что расстраивало его. Это означало, что проект он запускал, после чего оставлял его воплощение другим, не всегда убедившись, что эти люди могут выполнить работу качественно. Ежедневное управление Factory он оставил Алану, но, в отличие от Тони, тот не очень ладил с людьми. Мне кажется, что они хорошо компенсировали недостатки друг друга.

Наш менеджер Роб Греттон оказался одним из наиболее важных людей в моей карьере. Когда мы начали работать вместе, он снимал комнату в Чорлтоне и был на мели. Вырос он в большой семье из рабочего класса в Уайтеншо. У Роба были ещё сестра и два брата. Семейные отношения очень много для него значили. На протяжении всей жизни ему было важно находиться рядом с близкими людьми. Отличительной чертой Роба была преданность, а ещё он обожал Манчестер. Город и работа на его

благо были его страстью.

Роб ненавидел свою прежнюю работу в манчестерской страховой компании Eagle Star Insurance. Деньги никогда не могли заменить ему свободу и развлечения. Ему не нравилось, когда ему указывали, что делать, поэтому он всегда сам искал возможности реализоваться. Первые концерты он устраивал в Oaks, в Чорлтоне. Я ходил туда, чтобы послушать Siouxsie and the Banshees и до сих пор храню билет с того раза. Позже Роб основал свой лейбл, чтобы выпустить сингл Panik. Забавно, что он украл нашего тогдашнего барабанщика Стива Бразердейла. Помимо этого, он работал тур-менеджером группы Slaughter and the Dogs, создал и продюсировал их фэнзин.

Некоторое время Роб и Joy Division вращались в одних кругах ещё до того, как он решил сотрудничать с группой. Если что, это мы пришли на его сцену, а не наоборот; когда мы только начинали играть, Роб уже всерьёз работал в манчестерской музыкальной сфер*е. Действительно, это было настоящее сообщество. Мы играли ради великой цели, были полны надежд поделиться с миром знаниями и изменить его к лучшему. Мы были бунтарями и ощущали желание сопротивляться системе.

Роб, как и все почти, кто был связан с Factory, был воспитан в католической семье. Лишь мы с Бернардом росли в протестантских семьях, что служило поводом для многочисленных шуток. Роб не особо рассказывал о своей духовной жизни, но было дело, что он и его девушка Лесли Гилберт работали в израильском кибуце. Для этого он даже оставил все дела на год, но в конце концов ему надоела пугающая и недружелюбная обстановка, ровно как и необходимость носить с собой винтовку. Он вообще не ладил с механизмами и не любил оружие. Удивительно, что он случайно не застрелил Лесли или себя.

Мы не много сотрудничали с Лесли. В первую очередь из-за того, что Роб очень старался разделять свою карьеру и личную жизнь. Он не любил, когда музыканты приводили на концерты своих девушек или жён (как было с Йеном).

В его понимании то, что происходило за кулисами, должно было там же и оставаться. А многое плохо сочеталось с семейной жизнью. Роб организовал всё так, что в дороге мы оказывались совсем другими людьми, как в повести «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда».

Насколько я помню, мы все время искали место для выступления. В 1979 году на концерте Factory в канун нового года Joy Division выступали вместе с Distractions и группой Section 25, также подписанной на лейбле.

Ранее этим утром Тони отправил Роба купить пиво в банках, чтобы продавать их за 50 пенсов каждую.

И во время выступлений Роб стоял за барной стойкой в надежде заработать таким образом. Разумеется, ни у кого не было наличности без сдачи, а про то, чтобы устроить кассу, он даже не думал. В конце концов он процедил: «Да пошло всё к черту, давайте просто раздадим банки». Что и было сделано.

Мы часто ходили в Ranch к друзьям владельца этого заведения — Фрэнка «Foo Foo» Ламара. Милый парень, который играл женские роли еще до Лили Сэвидж. Сотрудничая с Ranch и Metz, он был одним из владельцев клубов, которые стояли у истоков гей-квартала (Gay Village). Каждый четверг там проходили панк-концерты. Собирались ребята из Buzzcocks, Slaughter and the Dogs, Drones, Manicured Noise и все прочие, игравшие панк в Манчестере. Нужно было быть осторожными, поскольку неизвестно откуда могли заявиться «правые» тедди-бои[3] и поджидать нас. Пабы и клубы были опасными местами независимо от убеждений, которых вы придерживались.

Joy Division тоже выступали в Ranch. Однажды мы даже попробовали себя на конкурсе талантов в отеле Stocks в Уолкдене, недалеко от моего дома в Литтл-Халтоне. Это был один из тех концертов, когда группа выступает перед «жюри» (в нашем случае перед чуваком, который владел агентством, и его друганом). Эти люди решали, есть ли у группы потенциал. Перед нашим выходом Йену посчастливилось по ошибке зайти в гримёрную к вокалистке и увидеть её сиськи. Чему он был весьма рад.

Парень, который объявлял нас, типичный матёрый конферансье, спросил, как нас представить.

«Нуу, это...» — пробормотали мы и переглянулись.

«Хорошо, на что похожа ваша музыка?»

«Эээээ...»

Не получив от нас внятного ответа, он выдал гениальную фразу: «Если вы любите Deep Purple, вам точно понравятся эти ребята». Мы неуклюже вышли на сцену и сыграли две песни. Электричество периодически выключалось, поскольку мы перегружали аппаратуру. Туристическая группа пожилых дам из Фарнворта зажимала уши руками. Мы порвали зал, в этом не было никаких сомнений. Само собой, жюри не увидело в нас «потенциал», и контракта с агентством мы не заключили. Мы были очень напряжены в тот вечер. Но как только мы сложили наши инструменты в багажник моего старенького «ягуара», Йен сказал: «Да ладно вам! Ranch же открыт. Пойдёмте, сыграем там».

Так мы и сделали. Нам дали возможность выступить, и мы

раскачали зал как следует. Хорошее было время!

Несмотря на закрытие Electric Circus в октябре 1977 года, к 1978 году панк-рок уже был достаточно популярен, и концерты проходили постоянно. Единственное, что мешало нам посещать их каждый день, — нехватка денег. Мы могли позволить себе один или два концерта в неделю. Когда возможность пойти появлялась, у нас был богатый выбор мест: выступления в Rafters, Ranch, вечеринки Factory в Russel. Концерты проводились во всех уголках города. В одном заведении, которое называлось Squat, прочно засели хиппи. Панки тоже ходили туда — любая группа могла туда вписаться и выступить. На тот момент это было здорово, площадка была действительно хороша, но в течение следующего года они разошлись и с Ranch, и с Rafters и перестали приглашать исполнителей панк-рока.

Но нами двигали амбиции, мы хотели расширять географию выступлений. Joy Division довольно быстро сделались успешной группой, и концерты стали проходить не только в Великобритании, но и в Европе. Нам очень нравилось быть востребованными публикой, мы принимали любые приглашения выступить. Позже, когда более крупные концертные агентства начали нас звать и предлагать большие гонорары, мы смогли уволиться с рабочих мест. Казалось, что всё складывается максимально удачно: Роб организовывал нашу работу, Мартин Хэннет продюсировал наши записи, а Пит Сэвилл работал над их оформлением (он искренне полагал, что пластинки покупали благодаря его оформлению, а не из-за музыки). Лейбл Factory издавал наши записи, мы ощущали, что движемся в верном направлении.

К началу восьмидесятых уже шла подготовка американского тура. Мы выпустили альбом «Unknown Pleasures» и записали «Closer».

Всё оборвалось, когда Йен покончил с собой прямо накануне отлёта в Америку. Мы были в смятении, и как группа начали с чистого листа. Можно догадаться, что нам было очень нелегко, но это уже другая история.

Как бы то ни было, вместе с Барни и Стивом мы собрались с духом и решили продолжать играть. Мы назвали группу New Order. Барни стал основным вокалистом. Мы ездили с концертами втроём, играя песни с альбома, который должен был называться «Movement». Спустя некоторое время в качестве сессионного музыканта к нам присоединилась девушка Стива Джиллиан Гилберт, которая подыгрывала нам на гитаре и клавишных.

Если вы любили некоммерческую, андеграундную и нестандартную музыку в восьмидесятые, скорее всего, вы читали музыкальные еженедельники и слушали записи Джона Пила. Именно Джон Пил, оказывавший большую поддержку Joy Division, первым объявил на всю страну о смерти Йена Кёртиса. У еженедельников Melody Maker и New Musical Express были проблемы с персоналом (14 июня NME вернулся к своей деятельности после шестинедельного молчания, опубликовав на обложке фотографию Йена Кёртиса). Таким образом, за единственную своевременную (спустя почти две недели) публикацию некролога в музыкальной прессе отвечал Дэйв Маккалоу из журнала Sounds. Сообщение заканчивалось строками, выдержанными в высмеиваемом в то время высокопарном стиле: «Этот человек заботился о вас, этот человек умер за вас». В этой фразе отражалось то огромное влияние, которого сумели достичь Joy Division за относительно короткий срок. Они хотели вывести группу на более широкую аудиторию, выпустив «Love Will Tear Us Apart' сразу после смерти вокалиста Йена Кёртиса — эта идея нравилась руководству NME и Пилу. То обстоятельство, что вокалист покончил с собой, оставив потрясающую песню, добавило остроты: песня поднималась вверх в чартах синглов и попала в сетку дневного радио, вернув альбом «Unknown Pleasures' в хит-парады альбомов. В январе 1980 года песня прочно обосновалась в новых независимых чартах. В августе того же года она достигла 71-й позиции, а выход в июле альбома «Closer», занявшего шестую строчку, сильно повлиял на продажи записей.

Конечно же, интерес к обоим альбомам был вызван смертью Йена Кёртиса и несколько неоднозначным оформлением альбома, в котором Питер Сэвилл использовал фотографию гробницы семьи Аппиани. Некоторые расценили это как безвкусную отсылку к суициду. Ошеломлённый такими выводами Сэвилл заявил, что завершил работу над оформлением альбома ещё до смерти Йена Кёртиса.

По прошествии года популярность группы Joy Division была выше, чем когда-либо. Продажи обеспечивали финансовую поддержку для Factory, и уже можно было говорить о проектах масштаба Хасиенды.

В тот год случился захват иранского посольства в Лондоне, в Йоркшире орудовал серийный потрошитель, веяло угрозой ядерной войны, произошло убийство Джона Леннона. Это был мрачный год, унёсший столько жизней...

***

КЛУБЫ МАНЧЕСТЕРА, ВДОХНОВИВШИЕ НАС НА СОЗДАНИЕ ХАСИЕНДЫ

THE OASIS CLUB

Находился на Ллойд-стрит. Oasis представлял собой самое большое кафе с танцевальной площадкой на севере города. Клуб существовал в начале шестидесятых, в нём проходили концерты всех известных групп того времени, включая, разумеется, Beatles. К концу шестидесятых публика стала предпочитать клуб Twisted Wheel. Позже заведение стало Sloopy's, а затем — Yer Father's Moustache.

THE TWISTED WHEEL

Изначально, в 1963 году, Twisted Wheel был открыт на Брэзеннос-стрит. Там играли R&B и музыку из хит-парадов. В 1966 году клуб переехал на Уитворт-стрит, после чего получил репутацию лучшего клуба, в котором исполнялась музыка соул. В клубе проводились ночные концерты и выступления звёзд жанра того времени, включая Эдвина Старра и Бена Кинга. Клуб был настолько уникальным, что сформировал жанр «северный соул». Так или иначе, в 1971 году из-за торговли наркотиками клуб был закрыт. В 1999 году он вновь открылся на Уитворт-стрит.

PIPS

Находился на Феннел-стрит. В лучшие годы (конец семидесятых) имел шесть танцевальных площадок и был местом выступления многих музыкантов, чьи имена впоследствии стали известными в Манчестере. Здесь можно было встретить Питера Хука, Барни Саммера, Йена Кёртиса, Моррисси, Питера Сэвил-ла и Джона Мара. Были и клоны Дэвида Боуи и Брайана Фер-ри — их привлекала «Рокси рум», где можно было слышать, как диджей Дэйв Бут из Garlands ставит музыку Дэвида Боуи, Лу Рида, Игги Попа и Kraftwerk. Позже, в январе 1978 года, здесь прошёл первый концерт Joy Division под этим названием. В начале восьмидесятых клуб был закрыт, но вскоре открылся снова как Konspiracy. Однажды после концерта Roxy Music в Belle Vue в клуб не пропустили Брайана Ферри на том основании, что он был в джинсах.

THE RENO

Первый постоянный диджей Хасиенды Хьюэн Кларк делал первые шаги в музыке, играя джаз/фанк в Reno на Принсесс-роуд. Он находился рядом с Nile, в котором исполняли регги. Оба эти клуба имели не очень добрую славу, они отличались от городских

клубов Rafters и Rufus, где играла более мейнстримо-вая музыка. Преимущественно темнокожая публика отдыхала в клубе до пяти-шести утра. В воздухе витал густой дым от выкуренной травы, а танцы были до упаду. Позже Кларк присоединился к Fevers, где был замечен музыкантами A Certain Ratio и Тони Уилсоном.

LEGENDS

Находился на Принсесс-стрит. Клуб пришёл на смену Pips, став его главным конкурентом в Манчестере, особенно по четвергам. Однако по вечерам среды площадку в клубе занимал диджей Грег Уилсон, который впоследствии сыграл главную роль в формировании музыкальной политики Хасиенды. Он предложил публике новый, изысканный звук городского клуба, предназначенный вывести музыку из тупика жанра диско, — элек-тро. Но про него далее.

ELECTRIC CIRCUS

После концертов Sex Pistopls в Lesser Free Trade Hall в июне и июле 1976 года клуб стал одним из главных мест проведения панк-концертов наряду с Ranch и Rafters. В Electric Circus на Кол-лихёрст-роуд Sex Pistols сыграли два концерта, вдохновив местные группы. Именно в этих манчестерских заведениях, главным образом благодаря группе Buzzcocks, появился жанр, который позже назовут постпанком (но в то время все называли эту музыку просто «панк»). Ярлык получил распространение благодаря журналистам Джону Сэвиджу, Полу Морли, Мику Миддл-су и деятельности лейблов Rabid, Factory и New Hormones. Роб Греттон был частью этой сцены. Впервые он услышал Warsaw, когда работал диджеем в Rafters, а позже услышал ту же группу, но уже под названием Joy Division, после чего позвонил Барни из телефонной будки в Манчестере и предложил свои услуги в качестве менеджера группы. Предложение было принято. Electric Circus закрылся в октябре 1977 года, однако популярными местами проведения панк-концертов оставались Rafters, Ranch и находящийся в Чорлтоне Oaks.

THE FACTORY

Уилсон и Эразмус проводили вечеринки Factory в клубе Russell или в PSV в Халме с мая 1978 по апрель 1980 года, еще до того, как возникла идея о создании Хасиенды. Будучи ведущим So It Goes на канале Granada TV, Уилсон мог заманить в передачу участников концертов Factory. Передача сопровождалась интереснейшими биографическими данными об известных исполнителях, включая Public Image Limited, Pere Ubu, Magazine, Suicide, Игги Попа, Stiff Little

Fingers, The Pop Group, The Specials и Dex/s Midnight Runners. Публика с любовью вспоминает Red Stripe, пирожки с козьим сыром и музыку регги, которую ставил штатный диджей между выступлениями групп. Отмечают также, что музыкальное сообщество в клубе развивалось.

По правде говоря, на стадии проекта многие ожидали, что Хасиенда будет похожа на PSV, в котором было довольно темно и душно. В клубе были низкие потолки, и можно сказать, что он соответствовал расхожим представлениям о музыкальном клубе. Но задачей Хасиенды было сломать эти стереотипы и создать новые стандарты, что впоследствии и удалось.

1981. «Двойная победа»

Ребятам из New Order потребовалось немало времени, чтобы прийти в себя после смерти Йена. Мы испытывали сильнейшую боль, которая отзывается во мне и сейчас. Нет такого дня, чтобы я не думал о нём и о том, чего мы достигли вместе. Но к 1981 году мы снова штурмовали музыкальный олимп, ездили с концертами по замечательным клубам, побывали в прекрасных городах. Нам нравились некоторые злачные места, в которых мы были в Нью-Йорке: Hurrah, Danceteria, Tier 3 и Eden. В Манхэттене тогда можно было найти тёмные, занюханные клубики, такие как Fun House — просто сотрясавшаяся чёрная коробка, а затем посетить роскошные места с арт-инсталляциями, например Studio 54 и Area.

Но всякий раз мы возвращались на неизменную манчестерскую сцену. Можно сказать, что Тони и Роб пришли к мысли о создании своего клуба, вдохновившись заведениями Нью-Йорка. Помимо этого, посещение Америки положительно повлияло на организацию концертов Factory в клубе Russell.

Поначалу ребята из New Order не сильно вникали в эту идею. Мы были сосредоточены на написании музыки. В конце концов, однако, нам всё-таки пришлось вникнуть, поскольку Роб заводил разговоры о клубе при каждом удобном случае. Складывалось впечатление, что других тем для разговора у него нет. Он считал, что такие ребята, как мы, заслуживают своего места для тусовок и им мог бы стать предполагаемый клуб. Он утверждал, что, поскольку Манчестер был к нам благосклонен, мы должны отплатить тем же (очень альтруистично, надо признать, но мы не знали, что в итоге отплатить нам придётся всем, что мы имели как в материальном, так и в эмоциональном плане).

Он говорил, что покупка клуба обойдётся примерно в 70 000 фунтов. Будучи небольшим лейблом с несущественными издержками, Factory имела некоторые средства, которые можно было вложить. Можно было вложить деньги от продажи записей Joy Division, и, таким образом, лейбл оплатил бы половину расходов. Другая половина могла быть внесена участниками New Order, и, будучи инвестицией, эта сумма не облагалась бы налогом.

Серьёзно?? Мы не могли в это поверить. Тридцать пять тысяч. В то время как мы жили на двадцать фунтов в неделю. Где бы мы взяли столько денег?

«Мы используем выручку от продажи альбома «Unknown Pleasures», — ответил он. У него ещё была привычка поправлять

очки, когда говорил. — Мы вложим эти деньги, это будет хорошим стартом, и в конечном итоге нам будет где проводить время. Это двойная победа!»

Тут следовало иметь в виду, что в случае вложения в клуб денег с продажи записей Joy Division Дебби Кёртис, вдова Йена, получившая его долю от доходов группы, должна была стать партнёром клуба. Но это было исключено. Роб оставил её без доли, заявив про выручку с продажи записей New Order, а не Joy Division. Однако мне кажется, что на расходы по клубу пошла выручка с продажи записей обеих групп. Если подумать, записей Joy Division было тогда продано больше, то есть можно предположить, что выручка от них являлась основным источником дохода.

Как бы то ни было, мы согласились вложиться в клуб.

К тому времени к Factory присоединился ещё один человек — Говард Джинджер Джонс, местный промоутер, впечатливший Роба работой над успешным концертом New Order для Манчестерского студенческого союза. В беседе с Робом Греттоном он сказал, что хочет открыть клуб, альтернативный привычной манчестерской тусовке ребят в длинных плащах. Роб сразу увидел в нём родственную душу и предложил ему сотрудничество. Его задачей стал поиск места для клуба. Одним из наиболее привлекательных вариантов казался Tatler Cinema Club, но он был слишком мал. На Олдем-стрит располагался склад ковров (рядом с которым впоследствии возник бар Dry), он подходил идеально. Покупка не состоялась, но мы вдохновились и вместе усиленно искали другое подходящее место. Парни нашли здание Международного морского центра. Оно находилось на углу Уитворт-стрит, недалеко от клуба Russel, и имело большое открытое пространство. Немногим лучше упомянутого выше склада, но этого было достаточно, чтобы пробудить воображение Джонса, Уилсона, Греттона и Эразмуса. Парни арендовали здание. Заметьте, не приобрели его в собственность, а арендовали. Эта ошибка ещё даст о себе знать в будущем.

Масштаб планов рос, и к нам присоединился давний друг Греттона Майк Пикеринг. Они познакомились как болельщики футбольной команды «Манчестер Сити», когда удирали вместе от фанатов «Ноттингем Форест» после выездного матча. Майку было тогда шестнадцать. «Я шмыгнул в сад и спрятался за оградой, то же самое сделал и он, — рассказывал Пикеринг. — Так вот мы стали лучшими друзьями».

В 1979 году Пикеринг переехал в Роттердам и жил там с Гонни Ритвелд. Вместе они основали группу Quando Quango и

проводили мероприятия в сквоте на заброшенной водопроводной станции. Там он начал выступать как диджей (Chic and Stacey Lattislaw) и, поддерживая связь с Греттоном, приглашал выступать группы с Factory.

В туре участвовали группы A Certain Ratio, The Durutti Column, Section 25 и New Order. Это было наше второе выступление после смерти Йена Кёртиса. И именно там Грет-тон рассказал Пикерингу про Хасиенду.

Греттон обладал фантастическим талантом убеждения. Он мог в своих целях подбить человека на хулиганство — столкнуть кого-нибудь в бассейн или разгромить бар. Таким образом, уломать Пикеринга вернуться в Великобританию и взять на себя работу по регистрации клуба ему не составило труда. Когда вместо помещения ещё была «груда щебня», по словам Пикеринга, он вернулся в Манчестер, чтобы подготовить открытие клуба, который только предстояло создать.

Роб и Тони хотели открыть клуб, работающий без выходных. Они представляли, как кто-то, оказавшись в городе, сможет зайти выпить кофе или пива. И чтобы не было никакого дресс-кода. В первую очередь мы изменили лицо клубной культуры Манчестера, а другие заведения адаптировались к нашему уровню.

Нам нужно было лишь название, и Тони придумал его. Он взял его из книги *Leaving the 20th Century: The Incomplete Work of the Situationist International*, вышедшей ограниченным тиражом в 1974 году и ставшей чем-то вроде классики андеграунда. Она включала статьи из журнала Internationale Situationniste, в которых говорилось, что общество стало скучным и единственным способом вернуть всё в прежнее русло является создание дисгармоничных «ситуаций» путём смешения всех видов искусства, включая архитектуру. Роб и Тони видели клуб как площадку для воплощения этих идей. Ситуационизм был их коньком, не моим, однако некоторые тезисы были близки мне и нашему окружению.

И вы — потерянный, ваши воспоминания будоражит испуг, недоумение от несоответствия двух полушарий; заблудившийся среди Погребков Красных Вин Пали-Као, без музыки и географии, в вас больше нет желания укрыться вне города, в загородном доме, где думаешь о детях, а вино пьёшь, почитывая рассказы из старых альманахов. Из города больше не вырваться. Вы больше никогда не увидите загородный дом. Его просто не существует. Hacienda должна быть построена.

Иван Щеглов, 1953[4]

Тони использовал последнюю фразу: «Хасиенда должна быть построена». Она стала для нас призывом к действию и источником названия. В написании была добавлена седиль — согласно одной из легенд, с целью сделать буквы более похожими на номер 51 — предполагаемый номер клуба в каталоге. Именно так и возникло написание Haçienda.

«Панк был в упадке», — говорил Питер Сэвилл. Жанр бурно развивался около полутора лет, и все причастные к нему пытались понять, что же они создали. Было стойкое ощущение постреволюционного момента и необходимости строить будущее. Фраза о том, что Хасиенда должна быть построена, была крайне важна для нас тогда.

Но Сэвилл не видел себя в качестве оформителя клуба. Греттон и Уилсон показали ему выставочный зал для яхт. Он был сильно впечатлён масштабами и польщён таким предложением, но посчитал, что работа больше подойдёт для Бена Келли из Ben Kelly Design.

Живущий в Лондоне Бен Келли был ветераном панк-эпохи и свидетелем ее ключевых событий. Он был среди арестованных на печально известном выступлении Sex Pistols на речном пароходе в день королевского юбилея. Он провёл ночь за решёткой и получил два года условно. Бен оформил фасад магазина Малкольма Макларена и принадлежавший Вивьен Вествуд магазин одежды Seditionaries на Кингс-роуд. Панки Лондона, в большей степени, чем их манчестерские собратья, интересующиеся модой, могли купить футболки со знаком анархии, костюмы в стиле БДСМ и куртки с парашютными лямками. Помимо этого, Бен оформил офис Glitterbest HQ для Макларена и Sex Pistols, а позже их репетиционную комнату на Денмарк-стрит (когда он впервые приехал туда, по улице за ним таскался барабанщик Пол Кук, на котором были надеты одни лишь трусы). Затем Стив Джонс заказал у него кое-какие работы в своей квартире на Уэст-Хэмпстед. Задание было простым: «Мне все равно, что ты там сделаешь, лишь бы это впечатляло цыпочек». И это сработало: Келли помнит, как однажды утром увидел чуть ли не всю танцевальную группу Hot Gossip, выходящую из спальни Джонса. Ребята с Factory высоко ценили его вклад в историю панк-рока.

Келли и Сэвилл уже успели поработать вместе над обложкой сингла группы Orchestral Manoeuvres in the Dark (группа сотрудничала с Factory до перехода на лейбл Virgin, на котором у Сэвилла были знакомые), а также над вышедшим на Factory

релизом Section 25. Предполагалось, что работа над Хасиендой в целом будет сложной и многоаспектной.

«Я сел на поезд до Манчестера, встречать на красном скоростном автомобиле меня должен был Говард «Джинджер» Джонс, — сообщил Келли журналистке Миранде Сойер. — Мы отправились прямиком к месту, и там уже были мистер Уилсон и мистер Эразмус. Когда мы немного прошлись по объекту, Тони Уилсон спросил меня, хочу ли я эту работу. „Конечно же я хочу эту чёртову работу!“ — ответил он».

Его первой задачей было уладить противоречия между ребятами с Factory, которые были вдохновлены посещением клубов Нью-Йорка Fun House, Hurrah, Danceteria и Paradise Garage. Греттон и Уилсон, излагая свои впечатления, сыпали прилагательными вроде «тёмный», «насыщенный», «злачный». New Order тоже привлекали тёмные углы и исходившая от них аура.

Да, поскольку Греттон был тот ещё экстремал, предполагалось, что в клубе будет звучать не только танцевальная музыка. Хотелось создать такое место, где разные люди могли бы встречаться и проводить время. Эта идея пришла к ним под впечатлением от увиденных за время поездок трёхэтажных заведений, где танцевальные мероприятия и рок-концерты устраивались в разных помещениях на разных этажах. Как мы позднее с горечью осознали, проблема была в том, что в Великобритании того времени не было принято организовывать пространство таким образом, и даже усердие и кропотливая работа ребят из New Order тут не помогли.

Греттон и Уилсон не могли прийти к единому мнению относительно расположения сцены. Греттону нравилось место в дальнем конце зала, у бара. Уилсон предлагал расположить сцену с другой стороны, где её в итоге и установили. Греттон и Пикеринг были настроены на танцевальную музыку и выступления диджеев, а Уилсон предпочитал живую музыку. Кроме того, Хасиенда задумывалась как место для встреч и, таким образом, должна была работать в течение всего дня. Греттон позже заявил, что хотел иметь место для знакомства с девчонками, и в этом отношении его замысел практически совпадал с идеями Стива Джонса. Разница была лишь в том, что Греттон сказал это с долей шутки и, как написал журналист Джон Макрэди, скорее выпендривался и клуб ему был нужен, чтобы говорить о делах.

В конечном итоге было решено, что заведение будет танцевальной площадкой, клубом, баром, кафе, рестораном, местом для знакомств с девчонками и для обмена творческими идеями.

Сказать по правде, никто не знал, что такое Хасиенда и чем

она должна стать. Но Уилсон позже в своей типичной манере всё приукрасил и назвал предприятие «работой на благо общества» и «пространством, где люди могли встречаться и заниматься различной деятельностью».

Можно точно сказать, что мы все искренне хотели принести пользу Манчестеру, дополнить его чем бы то ни было. Всех приводила в ужас схема Beatles: «добился успеха, переехал в Лондон и потратил деньги там». Созданный битлами Apple HQ на Сэвилл-Роу был антиподом того, что хотели ребята с Factory.

Уилсон говорил, что отличие в Манчестере. «10CC, например, заработали кучу денег и построили в начале семидесятых Strawberry Studios. То есть когда Factory начала свою деятельность, прямо за углом была студия звукозаписи, основанная как международный проект. Таким же образом New Order, заработав немного денег и сложив их с деньгами других людей, смогли построить Хасиенду...»

Это не означало, что Роб и Тони имели равное влияние на организацию дел. С самого начала было понятно, что клуб — детище Роба. Как говорил об этом Тони, «идея создания Хасиенды принадлежала Робу, так как больше нигде в Манчестере ему бы не дали проводить диджей-сеты, — вот он и открыл для этого свой клуб». Надо отметить, что диджей-сетов Роб не проводил и предпочитал наблюдать за девчонками и бухать.

Не думаю, что Тони попытался бы создать клуб без поддержки Роба. Поначалу Роб сильно перетягивал одеяло на себя и оказывал психологическое давление на остальных. Он был в какой-то степени диктатор. Честно говоря, он пользовался тем, что мы не сильно сопротивлялись, и сам задавал нам вектор развития по многим вопросам.

Они зарегистрировались как FAC 51. Забавно, что тогда же я увидел, каким грабежом может быть оплата услуг юристов. Наш адвокат брал 5000 фунтов, в то время как зарегистрироваться самостоятельно стоило 175 фунтов. FAC 51 — записанный Тони номер в каталоге Factory Records. Компания являлась ООО, что предоставляло нам, акционерам, некоторые гарантии, поскольку кредиторы не могли прийти и забрать активы.

Наша частная жизнь и наша работа в качестве директоров Хасиенды не пересекались. Мне это нравилось, так как одно из главных условий владения ООО — предоставление годовой отчётности. Если компания не может этого сделать, её директоров преследуют по закону, компания объявляется банкротом, а активы переходят в распоряжение Британской короны. Даже если компания нанимает бухгалтера, за предоставление отчётности

отвечают непосредственно директора.

Постарайтесь запомнить это. И поверьте, что наши ошибки многократно давали о себе знать.

Сейчас уже можно сказать, что с бухгалтером нам повезло.

До 1981 года у Роба был бухгалтер, ведущий дела группы, которого выбрали за опыт работы с музыкальными коллективами. Но с ним у нас не сладилось, и к моменту открытия клуба у нас уже был другой бухгалтер — Кит Тэйлор.

Мы были для него уникальными клиентами. Насколько я понимаю, другими его клиентами были два газетных киоска в Читэм-Хилле. Но по какой-то причине Роб и Тони решили, что Киту следует вести бухгалтерию не только для Хасиенды, но и для Joy Division, New Order и Factory. Кит был еврейского происхождения, и мне кажется, что Робу с Тони это нравилось. Им нравилась идея держать бухгалтера-еврея, поскольку в то время нас ошибочно обвиняли в фашизме, указывая на названия коллективов Joy Division и New Order, а также на тот факт, что группа A Certain Ratio с Factory использовала нацистскую символику в оформлении одного из альбомов. Кит приезжал на каждую встречу под музыку немецкого гимна «Deutschland, Deutschland Uber Alles», смеясь при этом. Может, он думал о зарплатах?

Кит заявил, что управление в Хасиенде осуществляется плохо. Он настаивал на том, что штат клуба раздут, прибыли нет, а персонал получает слишком много (что было правдой). Но мы пожалели о том, что наняли его. У него было недостаточно навыков и опыта для такой работы, и он доставил нам массу проблем. И я думаю, что в большинстве ошибок виноват именно он.

Потихоньку дела New Order, Хасиенды и Factory незаметно для ребят из группы переплелись на всех возможных уровнях, но участники New Order в это не вникали. Мы оставались в стороне, что было странно, если не сказать безрассудно, особенно учитывая, какие деньги были вложены. Нас посвящали в дела клуба только в случае отчаянного положения. Всё оставшееся время нам позволяли (или даже советовали) не совать свой нос, и это нас устраивало. Мы были слишком заняты бухаловом и путешествиями. Нас особо не интересовало, сколько мы зарабатываем на альбомах и концертах, а ведь об этом стоило полюбопытствовать в первую очередь. Даже Барни, иногда раздражавший своей «щепетильностью», не проявлял интереса к финансовым вопросам. Это было скучно, и мы хотели, чтобы Роб этим занимался. В принципе мы и согласились участвовать потому, что нам было позволено зарыть голову в песок и не

поднимать её. Винить тут стоит только себя.

Выглядело всё просто нереально. Когда Роб привёл меня в здание, в котором предполагалось открыть клуб, там по-прежнему стояли яхты. Мы гуляли по зданию, и Роб говорил: «А вот тут у нас будет бар... А тут — сцена». «Да, точно!» — отвечал я, стараясь разделить его энтузиазм. Но на самом деле мне было неинтересно. И напрасно.

***

КЛУБЫ НЬЮ-ЙОРКА, ВДОХНОВИВШИЕ НАС НА СОЗДАНИЕ ХАСИЕНДЫ

AREA

Работал с 1983 по 1987 год. Был известен благодаря тематическим мероприятиям, например: «ночь», «сюрреализм», «великолепие». Темы менялись примерно раз в шесть недель, а концепты создавались известными артистами того времени, вдохновляя, таким образом, последователей.

THE LOFT

Дэвиду Манкузо часто приписывают создание современной танцевальной музыки прямо на вечеринках, проходивших в его доме на Бродвее. Он начал проводить их в 1970 году, вход был только по приглашениям. На этих мероприятиях, организуемых из любви к музыке, сформировалась своя сцена, состоящая в основном из темнокожих, латиноамериканцев и геев. Это же относилось и к клубам Gallery, Salvation и Sanctuary. Среди постояльцев были диджеи Фрэнки Наклз и Ларри Леван, осваивавший искусство создания миксов. Наклз переехал в Чикаго, где его выступления в ночном клубе Warehouse сформировали направление хаус. Леван остался в Нью-Йорке и открыл Paradise Garage.

THE PARADISE GARAGE

Как и Loft, это заведение было открыто не для всех. Там также не подавали еду и напитки. Вместо это отрывающаяся публика употребляла амфетамины, квалюд и ЛСД. Музыка была первостепенна, Леван ставил электронную подборку с упором на танцевальную музыку. Можно было услышать как песню Clash «Magnificent Seven», так и Sylvester, а другие исполнители включали в программу Грейс Джонс и Мадонну. Клуб вдохновил многих британцев, например Пола Окенфолда. Именно он помог сформироваться направлению эйсид-хаус на юге Англии. Команда

Factory также вдохновилась клубом и развивала направление на севере Англии.

DANCETERIA

Клуб существовал в Нью-Йорке с 1980 по 1986 год и находился на 21-й улице. Это заведение тоже повлияло на Хасиенду. Диджей Марк Камине был гвоздём программы, и именно его выступления помогли Майку Пикерингу определиться с музыкальной политикой клуба (об этом поговорим отдельно). Клуб, имеющий четыре этажа, был одним из любимых заведений Мадонны. Danceteria была сценой для Desperately Seeking Susan. В целом в клубе царила атмосфера настоящей вакханалии, играла музыка жанров хип-хоп, постпанк, диско и чиллаут.

HURRAH

Клуб был очагом нью-йоркской панк- и постпанк-сцены в начале 1980-х. Именно тут Рут Польски отбирала талантливых исполнителей до того, как перешла в Danceteria. Польски сильно помогла британским постпанк-группам пробиться в США и была ключевой фигурой в формировании связей между Манчестером и Нью-Йорком. Важную роль она сыграла и в создании Хасиен-ды. Она организовала тур Joy Division 1980 года и тур A Certain Ratio. Вместе с Тони Уилсоном они в течение шести недель записывали их дебютный альбом и проникались ночной жизнью города. Там они связались с молодыми и задорными музыкантами из ESG, активными участниками клубной сцены. Они выступали на разогреве у A Certain Ratio, затем записывались у Мартина Хэннета, сформировав еще один канал связи между Factory и «Большим яблоком»[5]*. «Мы в какой-то степени вернули частичку Нью-Йорка в Великобританию, — сказал Мартин Москроп из A Certain Ratio. — То же самое с New Order. Когда они приехали в Нью-Йорк, они ещё играли рок-музыку. Но затем их акцент стал смещаться в сторону танцевальной музыки. Они тоже возвращали частичку Нью-Йорка в Манчестер».*

FUN HOUSE

Находился по адресу 26-я Уэст-стрит, 526. Лучшим временем заведения можно считать начало 1980-х. Именно в этом клубе Джон «Jellybean» Бенитез, ставший впоследствии бойфрен-дом и продюсером Мадонны, зарекомендовал себя как диджей. В 1983 году продюсер Артур Бейкер представил ему в клубе раннюю версию песни New Order «Confusion», которая была очень тепло принята.

ROXY

Находился по адресу 18-я Уэст-стрит, 515. Клуб работал с 1978 по 2008 год и был основным конкурентом легендарного клуба Studio 54. При этом в нём был самый дорогой проход на танцевальную площадку, «плавающие полы» и арена для катания на роликах, стоившие 500 000 долларов.

WBLS И KISS FM

Приезжавшие группы были впечатлены разогревающими публику миксами, игравшими перед входом, которые ставили работавшие при клубах радиостанции. Тони Уилсон увлёкся творчеством диджея Фрэнки Крокера в WBLS, в то время как New Order предпочитали знаменитые миксы от Шепа Петтибона.

1982. «Мы не ощущали эти деньги своими»

Работа над Хасиендой продолжалась, Келли работал над заказами руководства Factory, наслаждаясь данной ему свободой: «Большой бар, маленький бар, еда, сцена, танцевальная площадка, балкон, коктейль-бар внизу».

Келли говорил, что источником его вдохновения было само строение и ещё «моя уверенность в том, что я знаю, каким должен быть клуб для Factory и New Order».

Сэвилл был согласен с тем, что клуб должен быть трёхмерным выражением идей Factory. Поэтому эстетской стороне было уделено максимальное внимание.

И все это стоило кучу денег. Откуда же они брались?..

Первый альбом New Order и последняя запись, спродюсированная Хэннетом, The Movement», вышел в 1981 году. Он и обособленные синглы «Ceremony", «Everything's Gone Green' и Temptation' составляли основу независимых чартов. Отдельным участникам группы порой удавалось наслаждаться результатами своего труда. Но в целом деньги утекали в «дыру под названием Хасиенда», как говаривал Хэннет.

Это была большая дыра. Первоначально бюджет был наивно оценен примерно в 70000 фунтов, а окончательная стоимость составила 340 000 фунтов. Сумма была поделена между Whitbread Brewerie, вложившими 140 000 фунтов, New Order / Joy Division, которым изначально следовало внести 35 000 (группа внесла более 100 000), и Factory, выплатившей остальное.

Говард Джонс, получивший задачу найти сумму, достаточную для воплощения замыслов Бена Келли, вспоминал, что имел «эмоциональные перепалки» с Уилсоном из-за денег. Но споры исправно заканчивались передачей нового чека.

«Тони нравилось показывать, что я слишком сильно давлю на Factory Records, чтобы FAC 51 состоялся», — говорил он.

До того, как мы про это узнали, ребята стали вносить изменения в планы интерьера, что увеличило бюджет до 155 000 фунтов. Примерно тогда Роб перестал консультировать нас по финансовым вопросам.

Вдобавок к амбициозным планам Бена они забыли учесть местные правила строительства. Они представили на рассмотрение проект, который включал уже существующий деревянный балкон, что само по себе было неплохой идеей,

поскольку не нужно было тратиться на создание нового, но балкон не соответствовал требованиям пожарной безопасности, и его пришлось реконструировать, что увеличило расходы почти на 45 000 фунтов.

Только подумайте: строительство Хасиенды в 1981 году обошлось в 344 000 фунтов, что можно сравнить с нынешними тремя миллионами. Если сегодня вы потратите три миллиона на клуб, люди решат, что вы рехнулись.

Но мы с ребятами из New Order смеялись над неурядицами и перерасходами. Другого участия мы не принимали. Было бы по меньшей мере странно наблюдать за тем, как тратятся такие суммы денег в то время, когда каждый из нас жил на двадцать фунтов в неделю. Мы не ощущали эти деньги своими.

Единственный раз мы вспомнили, что тоже участвуем в делах клуба, когда спорили по поводу расположения сцены. Можно было расположить её в конце основного бара или в центре. Мы все хотели, чтобы сцена находилась в конце, но угадайте, куда её поместили? В середину. Я уверен, что Тони распорядился так назло нам.

Наиболее существенным вкладом в клуб я считаю своё решение поместить сцену в центр зала. Я не хотел, чтобы сцена была в конце, поскольку в этом случае она захватила бы пространство и мы бы получили концертный зал. Но наша главная идея заключалась в обратном: мы хотели сделать зал для дискотек. Именно я предложил устроить танцевальную площадку в центре и разместить там сцену. Таким образом она не искажает пространство зала, но группы, использующие мощную световую аппаратуру, не могут там играть, так что за этот выбор я в своё время порядком огрёб.

Тони Уилсон, из книги ***The Haçienda Must be Built****, вышедшей под редакцией Джона Сэвиджа*

По мере завершения строительных работ становилось очевидно, что кризиса нам не избежать. И мы заняли деньги у Whitbread. В Великобритании это довольно распространенная практика. Вы берете деньги в долг, но подписываете ограничительный контракт с пивоварней. И как только вы подписываете этот контракт, вы уже не можете предлагать свои варианты цен на оптовые поставки любого пива. В этом и заключалась сделка. Согласно условиям пивоварни, мы могли одолжить у них деньги, но при этом лишались всех скидок на поставку до тех пор, пока долг не будет выплачен. Мы не подозревали, насколько серьёзные последствия это может иметь,

пока не открыли клуб.

Из-за этого контракта мы терпели убытки, которые не могли возместить. На самом деле наши продажи пива были одними из самых крупных на северо-западе Англии, но из-за контракта мы так и не извлекли из этого прибыль. Какой-нибудь маленький паб мог платить Whitbread десять пенсов за пинту, а Хасиенда, которая по идее должна была получать скидку за объём, платила за пинту один фунт. Мы ничего не заработали на продаже разливного и бутылочного пива, и некоторое время спустя наш менеджер повадился незаметно покупать дешёвое пиво у Макго и продавать его из-под полы, чтобы поправить финансовое положение клуба. Надо сказать, что не мы продавали больше всех пива в Манчестере. Больше всех продавали Old Monkey на Портланд-стрит и паб Holt's, где пинта стоила один фунт. Они однозначно были чемпионами.

Другой существенной ошибкой, допущенной из-за нашей неподготовленности, было заключение договора об аренде. Владельцы здания, оказавшиеся конченными подонками, требовали заключить договор на двадцать пять лет. И мы согласились. Они даже использовали старую как мир уловку, заявив, что у них уже есть заинтересованный покупатель и нам лучше поторопиться. И угадайте, что было дальше? Конечно же мы повелись на это. И стали почётными обладателями дорогущего клуба с арендой на четверть века.

Следующую ошибку допустила группа. Вероятно, самую существенную ошибку из возможных.

Нас убедили подписать личные гарантии перед банком, арендатором, пивоварней и ещё чёрт знает перед кем, что сделало нас персонально ответственными за наши долги. До этого мы были акционерами в компании с ограниченной ответственностью, и наши личные активы были защищены этим статусом. Теперь же, если клуб разорится, а мы не выплатим долги, мы будем нести за это ответственность (читай: нас вздрючат). В случае банкротства банк мог конфисковать наши дома, машины, первого ребенка, — всё, что значилось за нашими именами, могло пойти в счёт выплаты долга. Для Роба, бывшего азартным игроком, это был приемлемый риск.

Когда мы вникли в суть дела, то всерьёз обеспокоились возможными последствиями. И в течение многих лет это висело над нами как дамоклов меч. По крайней мере, Роб был повязан с нами. Он тоже выступал поручителем и спустя пару лет по ряду причин чуть не лишился дома.

Стоит ли говорить, что мы стали уходить в минус с того самого момента, как наняли архитектора?

Однажды кто-то спросил меня, кто виновен во внезапной кончине Хасиенды. И на тот момент в качестве ответа я назвал имя Бена Келли.

Сейчас уже я понимаю, что это не так и что все мы были не без греха. Но начал всё именно Бен.

По всем работам, что он для нас делал, начиная с Хасиенды и заканчивая нашим баром Dry, офисом Factory Records и даже квартирой Тони Уилсона, установленный бюджет был значительно превышен. Ответственные люди давали Бену полную свободу действий и сами активно способствовали тому, чтобы он развернулся по полной. Он милый парень, но никогда до этого не работал над клубом и сам это признавал. В итоге дизайн Хасиенды обошёлся на 5000 процентов дороже. Первое впечатление входящих обычно было «вау!», но к концу дня публику мало заботят архитектурные изыски. Люди просто хотят послушать группы с приличным звуком и свободно подвигаться. Позже, уже в эпоху эйсид-хауса, танцуя в забегаловках, открыть которые ничего не стоило, они получали такое же удовольствие, как в Хасиенде, на которую ушло целое состояние. Так что насколько Бен повлиял на успех Хасиенды — это вопрос.

Нужно сказать, что он создал уникальный, культовый дизайн помещения, прошедший проверку временем. Отдадим ему должное: объект до сих пор является достопримечательностью и остаётся классикой жанра.

Когда работы были завершены, можно было сказать, что это «не клуб и не дискотека, а настоящая театральная сцена, в декорациях которой максимально эффективно использованы самые обычные материалы».

Стены имели оттенки холодного, воздушного, сине-серого цвета. Pigeon Blue BS409, если быть точным. Несущие элементы конструкции здания были скорее подчёркнуты, нежели спрятаны. Балки и подпоры были обмотаны броскими чёрно-жёлтыми полосками, что в сочетании с дизайном Питера Сэ-вилла отсылало к ранним концертам Factory с плакатом «Наденьте защиту для ушей».

Келли описал дизайн как кричащий «визуальный каламбур». Цвет ряда железных колонн предназначался для предупреждения: будь осторожен, ты не знаешь, с кем можешь столкнуться на танцевальной площадке. «Типичный дизайн танцпола даже не обсуждался», — говорил он, и я уверен, что он поддерживал Уилсона в вопросе расположения сцены, желая подчеркнуть, что место является клубом, а не концертной площадкой. Помимо этого, размещение балок со световой аппаратурой позволяло

подобрать свет под мероприятие, а не наоборот (когда мероприятие определяется размещением световой аппаратуры).

В общем, Келли создал особую атмосферу как внутри клуба, так и снаружи. Это был город внутри города, с тротуарами, площадями и барами, столбами и светоотражателями, балками и лентами, указывающими маршруты по зданию. Материалы были подобраны практичные. На танцевальной площадке был сделан упругий пол под клён. Этот материал использовался в профессиональных танцевальных залах и отличался высокой прочностью. Барные стойки были из бетона и гранита. Именно благодаря дизайну и подобранным материалам за пятнадцать лет работы клуб внешне ничуть не изменился, а ремонт в основном сводился к дополнительному покрытию краской цвета Pigeon Blue BS409.

И всё же шизофрения по поводу назначения заведения продолжалась. В нём наличествовали: кафе/ресторан, сцена, танцевальная площадка, три бара на разных этажах — Gay Traitor, Kim Philby и Hicks. Это означало, что можно было танцевать, выпивать, есть, смотреть выступления групп, и всё это, как говорилось в книге Бена Келли Plans and Elevations, в «радующей глаз обстановке. Заведение также пригодно для различных видов деятельности, способно к реконструкции под различные цели и задачи, меняет привычную обстановку и бросает вызов сформировавшемуся формату танцевального зала и клуба».

«Но в клубе нет укромных уголков», — выразил сомнение Ричард Бун, менеджер Buzzcocks и промоутер концертов в Манчестере, помогавший Joy Division.

Он был прав. В отличие от других клубов, в Хасиенде не было VIP-зоны. Тогда это, безусловно, казалось ошибкой, но в лучшие времена это было частью политики клуба. Отсутствие VIP-зоны означало, что знаменитости ходили среди обычных посетителей, вместо того чтобы скрываться за бархатными верёвками. Можно было прийти в Хасиенду и оказаться рядом с Шоном Райдером или танцевать рядом с Йеном Брауном.

Как я и говорил, когда мы открыли заведение, ещё одной лажей оказалась диджейская кабинка, которая изначально располагалась в аппаратной комнате сбоку от сцены. Окно в кабинке было маленьким, а это значило, что диджей мог видеть танцевальную площадку, только встав на ящик. Магнитофоны находились в конце кабинки, напротив окна. Таким образом, чтобы ставить записи, диджеям приходилось поворачиваться к окну спиной. Это было абсолютно нерационально. В итоге мы переместили кабинку на балкон.

Стеклянная крыша так и не была покрашена. Почему? Этого я не знаю. Может, это была идея Бена? Надо бы спросить его. Ему, должно быть, нравилось, как это выглядит. Летом в клубе было светло до поздней ночи. При этом возникало ощущение большого пространства. Обычный дизайнер установил бы низкие потолки, более соответствующие обстановке, но Бен подошёл к вопросу с точки зрения архитектора, а не посетителя клуба.

Все думали, что эта идея — чёртово безумие, но, с другой стороны, именно за это она им нравилась. Помещение выглядело прекрасно… Для художественной галереи. Для клуба оно было слишком ярким, очень непохожим на остальные клубы. Особенно это ощущалось, когда внутри было мало народу. Складывалось впечатление, будто Тони и Роб специально выбрали помещение, наименее пригодное для создания здесь клуба — громадное пустое здание. Это в стиле Роба. Он всегда был на редкость упёртым. Прямо представляю себе картину: Роб смотрит на этот выставочный павильон для яхт и говорит: «Да, вот тут-то и будет клуб!»

Можно было вечно спорить на тему, следовало ли клубу иметь претензию на артистичность, однако менее изысканный клуб не устроил бы Роба, Тони и, вероятно, нас тоже. Мы бы были владельцами обыкновенного клуба, каких тысячи. А мы хотели чего-то действительно особенного.

Ребята также не осознавали масштабов своей репутации среди любителей музыки. Одно упоминание о Factory могло бы принести им целое состояние и обеспечило бы публикой независимо от выбранного места. Но их амбиции требовали большего. Нормальные люди изменить мир не способны. Главное в жизни — оставить что-то после себя. Именно поэтому мы создали самый необычный клуб на планете.

В Хасиенде очень рано сложилась своя эстетика оформления. Жёлто-чёрные полоски стали культовыми. С первого взгляда можно было понять, что вы в Хасиенде. Роб поручил Сэвиллу разработку всех плакатов и рекламных объявлений клуба, вновь предоставив ему полную свободу действий. С давних пор существовали правдивые шутки о том, как Сэвилл постоянно срывал сроки по проектам Роба. Они часто ругались и резко спорили. Позже значительная часть рекламных материалов была поручена Тревору Джонсону, манчестерскому дизайнеру. Он часто использовал работы Питера как отправную точку. Мы фактически сформировали штатную команду дизайнеров.

Что касается Хасиенды, многие клубы с тех пор копировали различные её детали оформления. Надеюсь, что их дизайнеры так же не укладывались в бюджет и срывали сроки.

Тони Уилсон рассказывал: «Примерно за неделю до открытия я показывал кому-то здание, и меня спросили, для кого я строю эту хренотень. Мы ответили, что строим для молодёжи. "Ты когда последний раз её видел? Это было в Rafters вроде бы, девять месяцев назад. Она была одета в плащи и что-то длинное серое и слушала группу, игравшую в углу. Так зачем ты строишь гламурную нью-йоркскую дискотеку?" И я не знал, что ответить на это».

Мартин Хэннет был по-прежнему сильно недоволен проектом и ясно давал это понять приходящим в студию группам. Он хотел вкладывать деньги в то, что считал основным продуктом лейбла — в музыку. В лучшем случае он хотел студию, а если повезёт меньше — новый синтезатор Fairlight CMI Series II, который использовался Кейт Буш, Жаном-Мишелем Жарром и великим соперником Хэннета Тревором Хорном. Известно, что незадолго до открытия клуба музыкальный волшебник с Factory подал в суд на лейбл, в создании которого участвовал, — пытаясь тем самым помешать открытию и требуя ещё больше денег со своей доли в компании. Это было началом конца его сотрудничества с Factory...

Удивительно, но клуб занял лишь часть пространства в здании. Оставались ещё три этажа над Хасиендой и всё левое крыло, которое мы называли Roundhouse (у него был отдельный вход). В основном эти помещения простаивали, и мы постоянно говорили о том, что их нужно сдать в аренду, но дальше разговоров дело не зашло. Там репетировали группы (некоторое время The Stone Roses, а также Doves и Happy Mondays), но очень недолго. Единственным, что обеспечило бы нам более длительную аренду, могло стать открытие борделя, что, по мнению Тони, было уже слишком даже для нас.

Наибольшую сложность представлял подвал. Там находился знаменитый бар Gay Traitor, в котором были установлены двойные двери. Люди вечно пытались пройти через них, но двери были заперты. Если бы им удалось попасть внутрь, они бы обнаружили огромный склад, заваленный постерами и прочим барахлом. На другом конце находились другие двери, к которым вёл пандус. За ними — берег канала. Справа была ещё одна дверь и ещё одно помещение. Оно не было таким обшарпанным и позже стало нашим салоном причёсок Swing, который служил гримёркой для музыкантов. Переодевшись (и сделав все, что делают музыканты в гримёрках перед выступлением), они выходили на сцену по узким лестницам.

Казалось бы, у нас было всё, что нужно для клуба. Но всё

равно накануне открытия Терри Мейсон, активно участвовавший в строительных работах, и наш технический тур-менеджер Корки Колфилд пропадали в клубе вместе с Аланом Эразмусом, помогая ему с последними деталями. Корки, уже имевший на тот момент опыт работы в клубах, огляделся и спросил, где у нас гардероб, а то он, мол, его не заметил.

«Гардероб? Вот блин...»

Они забыли про гардероб. Не имея времени на перепланировку, они решили использовать для гардероба крошечную кладовку возле входа.

Одним из прекрасных доказательств популярности Factory я считаю ажиотаж с членством. Комиссия по лицензированию сработала чудесно и решила ограничить нас лицензией «только для членов». И мы были вынуждены перейти к плану Б.

Только у нас его не было, и эта проблема с членством постоянно занимала наши умы. Но когда мы взялись за дело, последовали фантастические результаты.

Это напоминает мне вот о чём: недавно одна девушка обратилась ко мне и попросила подписать её членскую карточку Хасиенды. Карта имела номер 6724. Я прифигел, поскольку думал, что мы напечатали только две тысячи карт. Но, похоже, количество владельцев карт приближалось к семи тысячам. Каждая стоила 5,25 фунта. (Раз уж мы заговорили об этом, почему не 5,1? Только представьте себе: номер FAC 51 в нашем каталоге за 5,1 фунта. И как только Тони не додумался до этого?) Клуб мог бы заработать более 35 000 фунтов. Я позже поинтересовался у Майка Пикеринга, почему эта цифра не фигурировала в отчётах. Он был не в курсе.

Люди со всего мира становились членами клуба, понимая, что могут никогда не попасть в саму Хасиенду. Но они хотели внести свой вклад в наше дело. Это великое признание наших заслуг. Многие до сих пор дорожат своими членскими картами.

Дизайн этих карт разработал Сэвилл, и доставлены они были позже назначенного срока. По этой причине для открытия пришлось напечатать временные карты, что стоило нам больших расходов. Да, членские карточки сейчас достояние коллекционеров, но эти временные представляют гораздо большую ценность. Помимо этого, Сэвилл отвечал за приглашения на открытие клуба, с которыми тоже опоздал.

Приглашения предназначались музыкантам и журналистам, которые были движущей силой музыкальной сцены Манчестера. Они и так пришли. Уилсон сказал, что те, для кого построили клуб, могут прийти в следующий вечер и послушать Cabaret

Voltaire.

21 мая 1982 года выступал комик Бернард Мэннинг. Динамики гудели и фонили, и все согласились, что ещё очень много куда расти. Хьюэн Кларк был диджеем в тот вечер. За живую музыку отвечали ESG, которые, случайно или намеренно, прекрасно соответствовали задумкам Хасиенды. Трио молоденьких сестёр (за ними присматривала их мама) из Нью-Йорка, ESG играли низкочастотный, сдержанный фанк, направление, вдохновлявшее исполнителей в жанрах нью-вейв, панк и хип-хоп. В то время они были основной группой нью-йоркской клубной сцены, сильно впечатлившей руководство Хасиенды и обеспечившей возможность выступлений Public Image Limited и A Certain Ratio. Выступление последних привлекло внимание Тони Уилсона. Он, в свою очередь, пригласил их на Factory в 1981 году для записи миньона «You're No Good», который продюсировал Хэннет. Запись включала модный и повлиявший на целое поколение трек «UFO», использовавшийся для многих семплов.

«Мы были ещё детьми, — рассказывает о выступлении в Хасиенде певица Рени Скроггинс. — Было интересно, что мы выступаем в новом месте, не в Бронксе. Когда меня спрашивают, каково это, выступать на открытии клуба… Что сказать… Повсюду были опилки. Строительные работы ещё не были завершены. В моей памяти отпечаталось, что было много опилок и много выпитого кофе. Не могу сказать, что это приятные воспоминания. И звук ещё только тестировался — настоящее сумасшествие».

В тот вечер клуб был заполнен до отказа (по словам Уилсона, пустовал он следующие пять лет). Посетители с трудом справлялись с системой электронных билетов у бара — подобная использовалась в супермаркетах и в Danceteria. Но за океаном эта система распространения не получила, и спустя несколько месяцев от неё отказались. Посетители мероприятия вспоминают запах краски, доски на полу и то, что в клубе было светло, просторно и очень холодно.

Я пошёл на открытие клуба со своей тогдашней девушкой Айрис. Как и все, мы получили приглашение по почте.

Диджеем был отличный парень, фирменно шепелявящий Хьюэн Кларк. Из-за дефекта речи мы дразнили его фразой «Хашиенда долшна быть поштроена». Он работал с нами долгие годы. Человеком он был тихим и скромным. Я не помню особо, какие у него были музыкальные предпочтения, но в целом у меня остались самые лучшие воспоминания о нём. Повального увлечения диджейством тогда ещё не было. На открытии он

выступал между другими музыкантами, но никто не обращал внимания, какие записи он ставил.

Ведущим был Бернард Мэннинг. Он был комиком и владельцем всемирно известного Embassy Club на Рочдейл-роуд в Манчестере (заведение пережило и его самого, и наш клуб). Я жил там недалеко, в Мостоне. Робу и Тони казалось, что в этом будет определённая ирония — вставить его в программу открытия. Для них он представлял образец старой школы, свойственной пролетарскому клубу, на смену которому должна была прийти Хасиенда. Аудитория была ошарашена, и это понятно. А что касается Мэннинга, он с первого взгляда определил, что клубом управляют кретины. Он ржал как ненормальный, когда мы пытались заплатить ему. Он повернулся ко мне, Робу и Тони и сказал: «Оставьте деньги себе. Ведь вы никогда раньше не управляли клубом, правда?»

Мы озадаченно уставились на него, не понимая, о чём он.

«Чёрт возьми, возвращайтесь к своим делам. Управление клубом не для вас. Бросайте это, пока ещё не поздно». И вышел.

Мы усмехнулись, думая: «Ну мы ему ещё покажем!»

В тот вечер Мэннинг решил, что всё обречено на провал. Никто в зале не мог разобрать, что он говорил через усилитель, поскольку аппаратура и акустика в зале были ужасными. И это озадачило аудиторию. Возможно, выступление Хьюэна я не запомнил по этой причине тоже. Звук был ужасен, реально невыносим. Если поначалу я чувствовал себя немного в стороне от дел, то ужасное качество звука (особенно позже, на концертах) не могло оставить меня равнодушным, и мне пришлось подключиться. И, слава богу, мне удалось исправить ситуацию. Спустя несколько месяцев, когда Крис Хьюитт из Tractor Music исследовал нашу аппаратуру, он обнаружил, что работают лишь два динамика из двадцати. Остальные восемнадцать сразу сгорели. (Очередная подстава, на этот раз от Court Acoustics, содравших с нас 30 000 фунтов за так называемую первоклассную технику.)

Оказалось, что Хасиенда, один из крупнейших клубов своего времени, держалась на системе громкой связи.

Вкратце, этот концерт был настоящим кошмаром. А от клуба, который ассоциировали с Factory, такого качества не ожидали.

На следующем концерте действительно играли Cabaret Voltaire. Уилсон сказал, что они привлекали аудиторию лет семидесяти пяти. Этим ознаменовалось начало первой голодной декады Хасиенды — времени, когда клуб сильно опережал своё время, опережал все веяния моды и тренды, опережал свою аудиторию.

Майк Пикеринг часто повторял: «Если бы мы только могли перенести клуб по кирпичику в Нью-Йорк».

Тогда же клубным диджеем, задачей которого было формирование звука Хасиенды, был Кларк. Он играл на каждом концерте вплоть до 1984 года. Учитывая тот факт, что клуб связан с Factory Records, одним из классических независимых лейблов, можно смело сказать, что руководство клуба не имело предубеждений (или было безумным, чёрт возьми), раз уж первым постоянным диджеем стал уроженец Ямайки, игравший джаз-фанк и соул, ветеран Reno и позже Fevers, где в основном предпочитали джаз-фанк.

Как так вышло? Играя в Fevers, Хьюэн заметил двух прилично выглядевших белых ребят, сидящих в углу. Однажды они подошли и представились: мы Мартин и Саймон из A Certain Ratio. Они всё время подходили к Хьюэну и спрашивали о музыке, которую он ставил: латиноамериканская, бразильская, самба, латинский джаз. Разумеется, A Certain Ratio были подписаны на Factory, где их менеджером был Тони Уилсон. Они переживали «переходный период», который позже

был показан в сатирическом ключе в фильме «Круглосуточные тусовщики», но, как оказалось, они были на шаг впереди планеты всей. Отправляясь в тур по Великобритании, они решили взять на разогрев не группу, а диджея. И подходил ли для этого Хьюэн? Ещё как, именно он сыграл концерты, сотрудничая с менеджером ACR. Они поддерживали любимого ди-джея Фрэнки Крокера, который работал в WBLS в Нью-Йорке.

В процессе переговоров Уилсон сказал, что планирует открыть клуб через два года и хочет, чтобы Кларк играл там. «Да, отлично», — подумал Кларк. Так что когда появилась Хасиенда, Уилсон исполнил задуманное и пригласил Кларка.

Вышло так, что первый постоянный диджей клуба не крутил записи Joy Division, New Order и The Smiths, а также не ставил записи групп с Factory, Rough Trade и Cherry Red. Он ставил Sugarhill, Роя Айерса, Гила Скотта-Херона и Херби Хэн-кока, перемежая их более популярными песнями того времени, когда нужно было привлечь аудиторию. Чаще всего, пожалуй, звучали следующие пять треков:

1. Yazoo — «Situation' (даб-микс Франсуа Кеворкяна)

2. Шарон Редд — «Can You Handle It?'

3. Q — The Voice of Q'

4. D Train — «You're the One for Me'

5. The Peech Boys — «Don't Make Me Wait' (оригинальный 12-дюймовый даб-микс).

The Thompson Twins, Heaven 17 и ABC также были в их числе, как и хиты электронной музыки «Buffalo Girls' от Малкольма Макларена, «Don't Make Me Wait' от ImpLOG и Walking on Sunshine' от Rockers Revenge.

Эта музыкальная политика была продиктована Уилсоном. Действительно, Кларк вспоминает, как Уилсон говорил ему, что негритянская музыка станет новой коммерческой танцевальной музыкой, даже при том что в Хасиенду приходили панки и готы, с нетерпением ожидавшие продолжения вечеринок Factory, проводимых в PSV. «Могикане и всё тут, — вспоминает Кларк, у которого развилась паранойя после того, как панки отказались танцевать под типичные зажигательные африканские мотивы, которые были бы очень кстати в Reno. — Тони зашёл в кабинку и сказал: "Замечательно, продолжай, дорогуша". А я подумал: так ведь никто не танцует».

Пройдёт время, и они начнут танцевать. На тот момент Хасиенда была известна своими легендарными живыми концертами.

Трудности, с которыми мы столкнулись во время открытия, лишь усугубились. Да, на открытии клуб бьш набит битком, но тогда был бесплатный вход и выпивка, — чего вы ещё ожидали? Зато потом посетителей можно было пересчитать по пальцам.

Несмотря на это, Тони и Роб всеми силами старались, чтобы клуб был открыт каждый день, а также во время ланча в субботу и воскресенье. Они хотели, чтобы у членов клуба всегда было куда пойти. Если вы застали Хасиен-ду, то точно знаете, что клуб едва ли можно было назвать самым уютным местом для дневного отдыха. Из-за стеклянной крыши днём внутри было слишком ярко, а огромные размеры создавали ощущение холода и вызывали дискомфорт. Это как пытаться расслабиться в музейном кафе. Такая атмосфера никого не привлекала.

Мы наняли шеф-повара. Я там питался, поскольку он был действительно хорош. Он готовил восхитительные блинчики с курицей в сливочном соусе. Они были великолепны. Конечно, будучи совладельцем, я не должен был платить за еду в Хасиенде и считал, что это крайне выгодно. Но как мало я знал о том, что на самом деле отдавал целое состояние. Он недолго проработал, всего несколько недель, поскольку готовил только для меня. Печально. Он был мастер.

Мы возложили странные надежды на наш клуб, поскольку никакой клуб не бывает открыт семь дней в неделю. Здравый смысл должен был нам подсказать после первого месяца (в

течение которого мы совсем не заработали денег, так как в дневное время никто не приходил и полный штат работал в пустом клубе), что нужно немедленно что-то менять. Но клуб продолжал работу в прежнем режиме ещё около двух лет, пока кого-то не осенило: «Да какого лешего мы вообще делаем!» Безумие.

А какого лешего мы делали? Возможно, Роб ставил на то, что люди изменят своё отношение и повалят толпой. Он был маньяк в этом плане. Однажды на пароходе, идущем во Францию, я видел, как он делал ставки до тех пор, пока не остался последним на палубе. Он буквально вывернул свои карманы наружу — только что слоника не показал, и лишь когда остался совсем без денег, пошёл спать.

Поначалу вход в Хасиенду был бесплатным с понедельника по четверг (для членов клуба, так как первые два года у клуба была лицензия «только для членов»). Прошедшие внутрь стремились попасть в бар Gay Traitor. «У нас собиралось человек пятьдесят или шестьдесят, которые просто сидели и выпивали. Им это нравилось», — вспоминает менеджер Говард Джонс. В дни больших концертов (New Order, Culture Club, Bow Wow Wow) посещаемость могла быть высокой, до 1400 человек, согласно данным Джонса. Также по выходным приходило «не менее тысячи человек». «Финансовые затруднения были вызваны тем, что клуб был открыт каждый вечер в течение первых шести месяцев».

Насколько я помню, даже в выходные собиралось две или три сотни человек, но тут данные расходятся.

Лучшим в ранних днях Хасиенды было то, что каждый концерт был связан непосредственно с идеей клуба, а не с другими диджеями или концепциями. И это производило свой эстетический эффект. Мы наняли Клода Бесси для видеоинсталляций, которые играли важную роль в создании атмосферы. Первое, что замечали многие посетители — нарезки из фильмов, приколы, которые он проецировал на экраны. В начале восьмидесятых подобной деятельностью занимался также Стив Моррис. Из-за этого у нас были проблемы с еврейским сообществом в Манчестере, так как Бесси активно использовал нацистскую символику, вставляя речи Гитлера (это было очень по-панковски) и прочий фото- и видеоматериал. Он создавал что-то вроде авторского комментария по поводу современных событий.

Кто-то заметил это и вообразил себе разнообразные про-нацистские послания. Это напоминает историю с A Certain Ratio и

New Order. *Jewish Chronicle* обвинил Тони. Никаких последствий это не имело, поскольку все всё понимали, но Тони был рад, что попал на обложку *Jewish Chronicle*. Это было его первое фото на обложке.

В какой-то степени мы пытались сделать хип-хоп-клуб, похожий на клубы в Нью-Йорке — с различными помещениями и мероприятиями: показы мод, концерты и прочее в том же духе. Но долгие годы наш клуб был лишь местом проведения концертов. Ничего другого у нас не получалось.

Нью-йоркское влияние исходило от Рут Польски. Рут — неизвестная героиня своей эпохи. Она была первым американским промоутером, погрузившимся в британскую панк-и постпанк-сцену. Многие группы обязаны ей своим первым туром по Америке.

В американских клубах нас больше всего впечатлило то, что мы проходили бесплатно. Все с трепетом относились к группам: «О, чувак, ты из New Order? Проходи».

Если бы мы пришли в клуб в Лондоне и сказали, что играем в группе, нас бы тут же послали к чертям.

Америка поразила нас. Для молодых парней из Англии это было всё равно что получить ключи от кондитерского магазина с надписью «бери, что захочешь». И девчонок было легко охмурить, не то что в Англии, где им было пофиг на то, что ты играешь в группе. Американцы в целом более открыты в вопросах секса. В Англии для того, чтобы переспать с девушкой, нужно было жениться. Но в Америке, увидев чехол от гитары и услышав английский акцент, какая-нибудь девчонка давала обязательно. Мы отрывались там по полной.

Именно поэтому New Order так много ездили по США в восьмидесятые. Погода была прекрасная, и мы могли ходить по любым заведениям бесплатно. Европа по сравнению с Америкой была настоящей задницей. В течение многих лет мы были нацелены на Америку и играли там тур за туром. К сожалению, позже мы обнаружили, что почти все заработанные в турах по Америке деньги уходили в Хасиенду. Наши концерты обеспечивали работу клуба.

Первый концерт New Order в клубе состоялся 26 июня 1982 года.

Когда мы играли в клубе в первый раз, Роб попросил нашего звукача Оззи подключить большой усилитель. Я думаю, что мы явно выделялись, будучи самой громкой группой. Саундчек прошёл успешно, но, когда мы начали играть, на первом же

аккорде вырубилось электричество на сцене. Похоже, ребята хотели немного сэкономить (впервые), установив тринадцать усилителей вместо положенных пятнадцати. Оззи использовал фольгу, чтобы мы могли продолжать, пока наш тур-менеджер обмахивал аппаратуру, поддерживая её работоспособность. Несмотря на это, отличный был концерт. Полный аншлаг. Заработанные деньги, как и в случае со всеми другими концертами, осели где-то в недрах клуба.

Так часто получалось, когда клубу действительно были нужны деньги: мы играли, а клуб забирал выручку, что злило Бернарда не на шутку.

Мало того: с трудом сводя концы с концами, мы при этом были довольно щедры к выступавшим в клубе группам. Роб изначально платил им фиксированную сумму, гонорар не зависел от количества проданных билетов. Это было необычно: во времена Joy Division промоутеры заявляли нам что-то вроде: «Мы заплатим вам сто фунтов плюс пятьдесят процентов с первых четырёхсот билетов, а после четырёхсот и до шестистот — девяносто процентов, бла-бла-бла...» В какой-то степени для группы это была награда за то, что у неё много слушателей, а для владельцев клуба — страховка на случай, если никто не придёт.

Всё просто, не так ли? Но Роб ненавидел эту систему. Он считал, что она слишком сложная и муторная. Его главной целью было уберечь группы от тех разочарований, через которые прошли Joy Division во время туров, а именно от промоутеров, которые заявляли: «Ой, ну вы включили в список гостей кучу друзей, я не могу вам заплатить». Он хотел поступать проще, говоря музыкантам: «Приходите играть в Хасиенду, мы заплатим вам тысячу фунтов независимо от того, сколько человек придёт». Он хотел, чтобы клуб был кооперативом для музыкантов. Пускай звук был дерьмовым, но мы платили хорошие деньги, что способствовало формированию прекрасных отношений.

Типичная история получилась с концертом Teardrop Explodes в мае 1982 года. Они в то время были очень успешны, и Роб заплатил им три тысячи фунтов за «секретный» концерт (ну, чтобы создать антураж тайного мероприятия и тем самым привлечь аудиторию).

Но мы сделали его настолько секретным, что пришли всего восемь человек.

***

РАСПИСАНИЕ МЕРОПРИЯТИЙ ХАСИЕНДЫ ЗА 1982 ГОД

Май

21 мая, пятница: OPENING NIGHT Бернард Мэннинг; ESG

22 мая, суббота: Cabaret Voltaire

27 мая, четверг: Teardrop Explodes

29 мая, суббота: 23 Skidoo

Июнь

1 июня, вторник: Vic Goddard; Subway Sect

8 июня, вторник: Джон Купер Кларк

11 июня, пятница: James King & the Lone Wolves

15 июня, вторник: Orange Juice

19 июня, суббота: Culture Club

22 июня, вторник: Defunkt; The Higsons; The Kray Brothers

23 июня, среда: The Durutti Column

26 июня, суббота: New Order (первый концерт группы из целой череды подобных в качестве фандрэйзера для клуба). **Сет-лист:** «Dreams Never End», «586», «Procession», «Chosen Time», «Truth», «Senses», «Ultraviolence», «Everything's Gone Green», Temptation», «In a Lonely Place'

29 июня, вторник: Swamp Children; 52nd Street

Июль

3 июля, суббота: Funkapolitan

7 июля, среда: Liaisons Dangereuses

9 июля, среда: A Certain Ratio. **Сет-лист:** «Kether Hot Knives», «Back to the Start», «Showcase», «I'd Like to See You Again», «Tumba Rumba», «Skip Skada», «Axis», «Sommadub», «Who's to Say», «Hot Nights», «Guess Who», Touch», «Knife Slits Water»

14 июля, среда: Echo & the Bunnymen

17 июля, суббота: Simple Minds

19 июля, понедельник: Blancmange. **Сет-лист:** «Can't Explain», «I Would», «I've Seen the Word», «Kind (Save Me)», «Running Thin», «Feel Me», «Cruel», Wasted», «Waves», «God's Kitchen», «Living on the Ceiling», «Sad Day», «Kind (Save Me)»

22 июля, четверг: The Birthday Party

28 июля, среда: Buzz

30 июля, пятница: J. Walter Negro & the Loose Jointz

Август

11 августа, среда: Allez Allez

13 августа, пятница: Delta 5; Secret Seven

14 августа, суббота: Bauhaus

17 августа, вторник: Rip, Rag & Panic

19 августа, четверг: Bow Wow Wow
21 августа, суббота: The Jazz Defektors
25 августа, среда: The Associates

Сентябрь
2 сентября, четверг: Tik & Tok
6 сентября, понедельник: W.B.
9 сентября, четверг: The Pale Fountains
13 сентября, понедельник: Аннет Пикок
20 сентября, понедельник: Yazoo
21 сентября, вторник: Mark Stewart's Mafia
23 сентября, четверг: The Durutti Column
27 сентября, понедельник: The Appollinaires
29 сентября, среда: Maximum Joy

Октябрь
4 октября, понедельник: Уильям С. Берроуз; Psychic TV(публика сидела)
5 октября, вторник Джа Уоббл
6 октября, среда Palais Schaumburg
7 октября, четверг The Psychedelic Furs; Sisters of Mercy
12 октября, вторник Blue Zoo
13 октября, среда: Brilliant
15 октября, пятница Pulsallama
17 октября, суббота: Blancmange; Fiat Lux
18 октября, понедельник: Гаспер Лавал
22 октября, пятница: Eddie and Sunshine
25 октября, понедельник: Дэвид Томас
26 октября, вторник: Cabaret Voltaire (с видеотрансляцией)
27 октября, среда: J. Walter & Members
28 октября, четверг: Buzzz
29 октября, пятница: The Thompson Twins; Tears for Fears

Ноябрь
5 ноября, пятница: Ludus
9 ноября,вторник: Swans Way
11 ноября, четверг: The Higsons
12 ноября, пятница: The Honeymoon Killers
17 ноября, среда: Big Country
19 ноября, пятница: Hey Elastica
22 ноября, понедельник: Грегори Айзекс; Майкл Смит
24 ноября, среда: Orange Juice; Strawberry Switchblade
26 ноября, пятница: Sandi & the Sunsetz
29 ноября, понедельник: Palais Schaumburg

Декабрь
6 декабря, понедельник: Dillinger
10 декабря, пятница: Grandmaster Flash
13 декабря, понедельник: Томас Долби
17 декабря, пятница: Blancmange
22 декабря, среда: A Certain Ratio

***

ИЗ ЗАЯВКИ НА ПОЛУЧЕНИЕ ЧЛЕНСТВА В ХАСИЕНДЕ
FAC 51 The Haçienda
11/13 Whitworth Street
West Manchester M3 3AL

Назначение: клуб, дискотека, видеотека, концертная площадка
Телефон: 061-236-5051
Открыт: 21 мая 1982 года
Ресурсы: 3 этажа, 3 бара, танцевальная площадка (136 м2), сцена (72,25 м2), ресторан, балконы, подвал
Вместимость: 1650
Танцевальная площадка, звук и освещение: управляющие устройства от Gamma, освещение 15 000 Ватт, 43 км 1,5 мм кабель
Видео: 2 x 2540 мм маломощных экрана, 2 видеопроектора и силовые установки Sony VPK 720PS
Цвета: Pigeon Blue, Poppy, RAF Blue Aztec Gold, Salmon Red, Black, Aluminium, Pale Gold, Goose Grey, Signal Red & Light Orange
Подход: индустриальная утопия
Генеральный директор: Говард Джонс
Организация концертов: Майк Пикеринг
Дизайн: Бен Келли / Питер Сэвилл (графика)
Освещение, звук, видео: Мартин Дисней
Вход: только для членов клуба
Членство: 5,25 фунта в год
Возрастные ограничения: с 18 лет
Подача заявления: фотография из паспорта, конверт с обратным адресом, чек на оплату на счёт FAC 51Ltd., направленный в Хасиен-ду, 11/13 Whitworth Street West, Manchester, M3 3AL
Намерения: сделать уютное место. «Хасиенда должна быть построена»

Согласно лицензионным условиям, только члены клуба Хасиенда могут находиться в здании. Мы приложили все усилия для того, чтобы сохранять максимально низкие цены за вход и напитки.

Членский билет стоит 5,25 фунта в год. Мы думаем, что это небольшая плата за то, чтобы держать руку на пульсе.

«Из города больше не вырваться. Вы больше никогда не увидите загородный дом. Его просто не существует. Hacienda должна быть построена».

***

FAC 51 THE HAÇIENDA: ЗАЯВЛЕНИЕ НА ПОЛУЧЕНИЕ ЧЛЕНСКОЙ КАРТОЧКИ

Имя:
Адрес:
Дата рождения:
Что вы хотите от Хасиенды:

Я старше 18 лет
Я согласен с правилами клуба

Подпись:
Вход только для членов клуба
Только для официального использования

N:
A:
DOB: Марка

***

ДВАДЦАТЬ ЛУЧШИХ ТРЕКОВ ХАСИЕНДЫ ЗА 1982 ГОД

Опубликовано в вышедшей в конце года новостной листовке

1. Марвин Гэй — «Sexual Healing»
2. Grandmaster Flash and the Furious Five — «The Message'
3. ABC — «Poison Arrow»
4. D Train — You're the One for Me'
5. Soft Cell —'Torch'
6. Rockers Revenge — «Walking On Sunshine'
7. Junior — «Mama Used to Sa/

8. The Associates — «Party Fears Two'
9. New Order — «Temptation»
10. Yazoo — «Only You/Situation'
11. Dazz Band — «Let It Whip'
12. Kid Creole and the Coconuts — «I'm a Wonderful Thing Baby'
13. The Peech Boys — «Don't Make Me Wait'
14. Roxy Music — «Avalon'
15. Альтон Эдварде — «I Just Wanna'
16. Патрис Рашен — «Forget Me Nots'
17. Kool and the Gang — «Get Down On It'
18. Spandau Ballet — «Instinction'
19. A Certain Ration — «Knife Slits Water'
20. Soul Sonic Force — «Planet Rock'

***

ЦИТАТЫ И ФАКТЫ

Страница писем Джона Сэвиджа содержит следующие перлы: «В законных жалобах 04408 и 01510 указано, что цена за пинту лагера в Philby Bar возросла с 66 до 70 пенсов, а три фунта за концерт Bauhaus — неоправданная цена». Также была просьба улучшить качество чипсов, установить телефон общего пользования и список звучащей музыки, а под номером 00419 местный промоутер Алан Уайз написал «письмо протеста: "Тут настолько скучно, что никогда сюда не зайду"».

FAC 51, the Haçienda Newsletter 6

Очень удачно при оформлении клуба был использован [цвет] International Orange, поскольку это живой, оригинальный и насыщенный цвет. Где-то между страстным красным и стимулирующим умственную деятельность жёлтым. Оранжевый цвет изобилует энергией и всегда будет использоваться, чтобы передать энергию и оптимизм.

Inner Spaces, BBC2, 2004

Открытие клуба: Тони Уилсон жаловался на акустику помещения. Это дерьмо, то дерьмо, бла-бла-бла, говорил он. Спустя шесть лет он уже не жаловался. Спустя шесть лет он, затаив дыхание, говорил о высокой крыше, готических соборах и о гимнах богам.

Питер Сэвилл

Получить членскую карту Хасиенды стоило 5,25 фунта.

Членство давало скидку в один фунт на всё, и это значило, что каждый второй раз вы проходили бесплатно. Напитки были тогда дешёвые, как в пивных. Многие заявлялись в клуб, чтобы нажраться в стельку, а в результате могли оказаться на полу и слушать Уильяма Берроуза, читающего свои грязные книги вслух.

Джон Макреди

1983. «Ну надо же, какими мы были дебилами!»

В январе печатная реклама обещала: «В течение следующих двух месяцев Хасиенда вернётся к концертам групп, которых мы считаем лучшими. Мы больше не будем доверять работу над звуком разогревающих групп звукооператорам хедлайнеров. У вас есть шанс проявить себя надлежащим образом».

Но времена для клуба были нелёгкие отчасти потому, что он опережал своё время. Майк Пикеринг прославился тем, что приглашал группы, которые лишь месяцы спустя добивались успеха, в связи с чем ходила шутка, что другим промоутерам нужно всего лишь пригласить те же самые группы, только на полгода позже, — и коммерческий успех обеспечен.

В то время как кто-то извлекал выгоду из прозорливости руководства клуба, Хасиенда приобретала репутацию достойного, стильного заведения, полного высоких устремлений, но не посетителей. Благородная, но при этом губительная политика клуба состояла в том, что кухня кормила не столько посетителей, сколько персонал, выступающие группы получали больше стандартной ставки независимо от размера аудитории, мелкое воровство являлось делом обычным, а бюджет был значительно превышен. Для руководства управление клубом было постоянным испытанием.

В то время единственным, что позволяло клубу существовать, был успех Joy Division и New Order. Мы принесли Factory столько денег, что они могли позволить себе хотя бы какое-то время быть с нами любезными. А клуб тем временем терял в среднем 10 000 фунтов в месяц, и значительную долю расходов составляла заработная плата. Руководство клуба из принципа хорошо платило работникам, ожидая от них хорошей отдачи.

Но это было лишь в теории, а в действительности получалась фигня. Некоторые приходили на хорошо оплачиваемое место только для того, чтобы обогатиться за наш счёт. Они, должно быть, думали, что у нас круглый год Рождество, блин. Всё строилось на неуместном доверии, в результате чего нас кидали.

Однажды весной мне позвонил мой приятель Энди Фишер, хорошо зарекомендовавший себя как промоутер. В разговоре он упомянул, что всегда различит на улице возвращающегося с работы сотрудника бара Хасиенды.

Я посмеялся вместе с ним: «Это ведь шутка?»

«Нет, это правда, — сказал он. — Работника бара из Хасиенды, идущего ночью с работы домой по Оксфорд-роуд, видно с первого взгляда».

«Но как?» — я был озадачен. Они ведь выглядели обыкновенно. И мы особо не вводили дресс-код...

«Ты действительно хочешь знать?» — спросил Энди.

«Валяй, умник!»

«Они исправно тащат домой ящик пива».

Так оно и было. Изо дня в день в конце смены каждый из них прихватывал с собой ящик и шёл домой. И вдруг я понял: всякий раз, когда мы проводили инвентаризацию, обнаруживалась нехватка того-сего, и никто не был в курсе, куда девалось пиво. Похоже, кое-кто из персонала знал куда.

Я задолбался спрашивать, куда всё девается. «Куда делись все лампочки?» Распорки, стойки, прожекторы, проекторы слайдов — некоторые предметы исчезли, и мы остались с дешёвым и обшарпанным барахлом. Оказалось, что один из световиков, в прошлом тур-менеджер, заработавший себе дурную славу, втёрся к Робу в доверие и в результате открыл собственную компанию, которой управлял прямо из своей квартиры в Халме. Компания сдавала в аренду нашу долбаную световую аппаратуру. Его поймали лишь тогда, когда он пытался предложить свои услуги моему знакомому тур-менеджеру. Очевидно, он потихоньку вынес имущество клуба, складировал у себя дома и таким образом открыл свой бизнес. Ему могла позвонить группа и сказать: «нам нужны двадцать прожекторов, несколько рэковых стоек, пара переключателей и пульт режиссёра по свету». И он предоставлял им аппаратуру из Хасиенды. Когда мы это обнаружили, ребята всё забрали, наваляв ему по полной.

Спустя несколько лет он снова пришёл в клуб и обратился к администратору Фионе Аллен, которая позже стала известна благодаря шоу Smack the Pony. «Как дела? Можно зайти?» — спросил он.

Она ошарашенно посмотрела на него, не веря, что он отважился заявиться.

Она позвала охранника: «Дэмиен, вышвырни этого придурка прямо в канал».

«Без проблем», — ответил тот.

И вышвырнул. Поднял и бросил в воду. Затем вернулся на своё место и — что мне нравится больше всего — даже не спросил её, что к чему.

В те годы воровство такого масштаба было обычным делом. Охрана в восьмидесятых была на редкость вялой, так что видеомагнитофоны, вертушки диджеев, осветительные приборы,

динамики, наличность из кассы и прочее пропадало каждую неделю. Воровали всё, что можно было своровать. Размеры здания требовали тщательного присмотра, ведь любой урод мог зайти и взять всё, что угодно. Это случалось, даже когда клуб был открыт. Здание было огромным, и мы не могли за всем углядеть.

На каждом мероприятии кто-нибудь из сотрудников обязательно подходил и говорил: «Ой, кто-то только что упёр видеомагнитофон из видеобудки и убежал». Нам портили жизнь как извне, так и изнутри.

Помню, как световик New Order Энди Лиддл, укладывая аппаратуру для тура по Америке 1993 года (Technique tour), с особым удовольствием продемонстрировал Робу два диапроектора, взятых напрокат в бирмингемской осветительной компании. На них всё ещё было нацарапано «FAC 51»: их украли, продали и сдали нам же в аренду. А Роб в своё время купил их на собственные деньги, чтобы оживить клуб.

Вдобавок ко всему мы продолжали совершать дорогостоящие ошибки. Как выяснилось, наш собутыльник C.G., отвечавший за звук, имел грандиозное заблуждение, о котором мы узнали, только когда Крис Хьюитт со смехом сообщил мне, сколько он зарабатывал, меняя динамики. Пятьсот фунтов в месяц. Я не понимал, как это получалось. Почему динамики нужно было менять так часто? Я орал на диджеев, убеждавших меня, что они тут ни при чём. Загадка да и только.

Потом уже как-то ночью, напившись, я коротал время в диджейской кабинке; вошёл C. G. и начал выключать магнитофоны и прочую технику, — не отключив перед этим усилители. Раздался оглушительный треск динамиков. Ну хотя бы загадка прояснилась. C.G. думал, что всё естественно…

Таким образом, персонал либо тырил наше имущество, либо творил фигню иного рода. Клуб всё время пустовал, а наша политика держать его открытым дорого нам стоила. Ну, по крайней мере, мы использовали клуб как средство продвижения групп с Factory, не так ли?

Не так. Группы с Factory редко выступали в Хасиенде. Менеджеры групп просили Тони организовать концерт, но, по всей видимости, им с Робом это было не особо интересно. Тони использовал заведение как расширенную и улучшенную версию изначального клуба Factory в Халме, приглашая эстетских исполнителей. К сожалению, в большинстве своём группы эти были маленькими, а помещение — большим. Прикидывая, в какую сумму обходится содержание клуба, понимаешь, что маразм только крепчал. Чтобы покрыть расходы, нам нужно было набить клуб битком, а для этого приглашать только тех

исполнителей, которые могли бы собрать четыреста человек. Из этого безрассудства очевидно, как мало внимания мы уделяли планированию, но наша задумка состояла в том, чтобы продвигать своих любимцев, а в то время это были характерные британские постпанк-инди-группы.

Существовала небольшая когорта постояльцев — эстетов и выпендрёжников, которые не хотели идти в Fagin's и другие типичные клубы города, поскольку там тусовались толпы пьяного быдла. Они приходили в Хасиенду, где чувствовали себя в безопасности. Продажа билетов на тот момент по-прежнему составляла серьёзную проблему. Мы вовсю старались увеличить число посетителей. Само здание отпугивало многих, дерьмовый звук был досадой для любителей музыки, а те, кого нам удавалось завлечь внутрь, обнаруживали, что клуб пуст и неуютен. В результате группы начали заявлять, что не будут больше тут выступать, несмотря на щедрый гонорар.

В тот год мы выпустили «Blue Monday». Релиз состоялся 7 марта, запись попала в чарты дважды, во второй раз — благодаря популярности среди отдыхающих, которые услышали песню за границей во время летнего отпуска, а вернувшись в Великобританию, купили запись (зачастую спрашивая в магазинах сингл «New Order' группы Blue Monday).

Запись стала самой продаваемой пластинкой всех времён и продержалась в чартах тридцать четыре недели.

Во многом благодаря фильму «Круглосуточные тусовщики» зародилась легенда о том, что каждая копия «Blue Monday» стоила Factory Records лишних денег из-за сложного конверта с вырубкой дизайна Питера Сэвилла. Это не совсем так. Действительно, макет представлял собой тройной конверт ручной работы (как полагал Стивен Моррис, дороже всего обошлось то, чего народ даже не понял). Получалось, что из-за дизайна лейбл терпел убыток в десять пенсов с продажи каждой копии, а первый тираж составил более двух миллионов. При последующих тиражах «хита выходного дня» расходы на издание были сокращены за счёт более дешёвого варианта конверта, и «проблема» таким образом решилась.

'Blue Monday" был не единственным проектом, на котором лейбл потерпел убытки из-за своих чрезмерных амбиций. Добавьте сюда и Хасиенду тоже.

Например, выступавшие группы в красках описывали уют нашей гримёрной. Они рассказывали, как комнаты были заставлены цветами и выпивкой, насколько Хасиенда приятнее остальных заведений и как в конце своего выступления они

получали видео от режиссёра Малкольма Уайтхэда. Мы бесплатно отдавали видеозаписи, в то время как могли зарабатывать на этом по примеру других заведений.

В тот год выступали Frankie Goes to Hollywood, и Роб Греттон настаивал на том, чтобы гостеприимство Хасиенды соответствовало Paradise Garage в Нью-Йорке. Гримёрная была украшена даже лучше обычного, её буквально завалили фруктами и цветами. Главный холл тоже весь декорировали цветами.

Администратор бара Лерой Ричардсон припоминает, что клуб был слишком щедр при выдаче напитков персоналу, в то время как инвентаризация выявляла значительную нехватку. Ричардсон говорит, что персонал не воровал напитки, просто никто не учитывал того, что бралось. Система обслуживания клиентов также была необычна: один работник принимал заказ и передавал его другому для исполнения — таким образом, два сотрудника обслуживали одного клиента. Ещё одна опрометчивая идея, криво срисованная с Нью-Йорка и стоившая клубу денег.

Вы можете решить, что ущерб в 3000 фунтов от сверхсекретного концерта Teardrop Explodes должен был преподать нам бесценный урок бизнеса. Но нет. Мы продолжали в том же духе, как будто это было делом чести.

Наша реклама по-прежнему носила хаотичный характер (время выпуска афиш могло варьироваться), зато с приезжими группами мы обращались как с королями. Позиция Роба была такова: «Если кто-то играет в моём клубе, я отношусь к нему так, как хотел бы, чтобы относились ко мне» — к сожалению, это означало, что мы понесём убытки на каждом концерте, а группы будут думать: «Выступать тут здорово, не правда ли?» (Справедливости ради хочу сказать, что Tears for Fears играли за 150 фунтов, о которых они договорились до того, как взлетели на первое место в чартах, — зал на их выступлении был забит. Это было очень достойно, парни.)

Мы раздавали наличные деньги каждый день. Иногда буквально разбрасывались ими, как будто у нас было по десять рук, как любил говорить Барни.

Помню, как, придя на первую вечеринку по случаю дня рождения Хасиенды в мае, я направился в гримёрную, где с радостью обнаружил огромные запасы пива и других напитков, всё было бесплатно. Это всё равно как умереть и очутиться в раю. Ведь мы всё ещё перебивались с хлеба на воду, а в Хасиенде было всё, что мы хотели, — пиво и еда, специально для нас.

Лишь годы спустя я понял, что New Order же за это и платили. Ну надо же, какими мы были дебилами! Мы просто как

свиньи не видели дальше своего корыта. Музыканта отвлечь легко: покажи ему бесплатную выпивку — и он забудет (и простит) многое.

Сколько же у меня было ошибочных представлений. Всё, что происходило в Хасиенде, я никогда не связывал с нашими деньгами. Я полагал, что все, кто там работал, имеют ту же цель, что и я, — добиться успеха. Я думал, что все осознают, чем занимаются. И я сильно заблуждался.

*Для обзора о клубе в **Local Times** корреспондент Роберт Кинг взял интервью у Роба Греттона в расположенном внизу баре Gay Traitor.*

«Каких людей вы надеетесь привлечь в клуб?»

«Людей с двумя руками и ногами».

Кинг написал, что публика представляла собой «парад причёсок». «Клубов, где люди носят чёрные пальто в июне, много не бывает», — добавил он.

По крайней мере, они приходили в клуб. Концерт Culture Club в 1982 году дал старт успешному субботнему мероприятию, во время которого толпа модников танцевала под Heaven 17, ABC и Soul Sonic Force. Но даже этого было недостаточно. И это была не совсем та аудитория, которую мы хотели привлечь.

«Нет на Земле человека, испытывающего большее отвращение к Simple Minds, чем я, — скулил Тони Уилсон в разговоре с писателем Миком Миддлсом, пришедшим на концерт группы. — Это дерьмо оскорбляет меня, оскорбляет сам факт, что это происходит на сцене нашего клуба, да ещё и при заполненном под завязку зале. Если это — действительно то, что хочет публика Манчестера, то мы совершенно напрасно теряли время. Но я рад, если этот вечер оплатит другие, более важные».

По правде говоря, на этом концерте зал был заполнен лишь наполовину. Simple Minds не сильно изменили положение дел.

Это означало, что клуб не только не состоялся как источник прибыли, но и не соответствовал своей цели — сконцентрироваться на музыке, а не на моде, быть местом тусовок для Factory и их друзей, местом, где можно носить любую одежду. Клуб именно что был «модным» (в кавычках). Вдобавок пятничные концерты не были раскручены должным образом.

Все перемены происходили благодаря Пикерингу. В тот год он посетил Нью-Йорк со своей группой Quando Quango. Ди-джей и в то время бойфренд Мадонны Марк Камине сделал на их песню «Love Tempo' ремикс, который диджей Ларри Леван проигрывал в Paradise Garage. В результате Quando Quango получили приглашение выступить живьём в Garage. Наслаждаясь ночной жизнью Нью-

Йорка, Пикеринг побывал также в Danceteria, Fun House и Loft. Для него, как и для New Order, это стало музыкальным откровением.

В Danceteria Пикеринга поразили миксы Каминса из альтернативной электронной музыки вроде Мэна Парриша. Дома этого попросту не было. А в Paradise Garage, месте, которое Пикеринг описал как «рай», Роб Греттон сказал ему: «Это то, что нужно. Именно это мы и должны делать. Именно таким должен быть наш клуб».

В клубе много внимания уделялось музыке и аудитории, алкоголя даже не было в меню. Диджей, в отличие от британских, вообще не использовали микрофоны, а играли миксы. Это было как раз то, чего хотел Пикеринг. Он хотел привлечь темнокожую аудиторию, посещавшую в Англии Legends. А белые модники в чёрных пальто к этому просто привыкнут, полагал он.

Для достижения своей цели он в первую очередь позвал диджея Грега Уилсона, основного музыканта Legends. Там он был известен за то, что познакомил Манчестер с направлением электро.

Нью-йоркское движение электро, во главе которого стоял диджей Afrika Bambaataa, должно было обеспечить основу для направлений техно и хаус, благодаря которым Хасиенда впоследствии стала известна. Источником вдохновения служили зарождающееся хип-хоп-движение, выверенные синтетические ритмы Джорджо Мородера и Kraftwerk, а также характерные шумы драм-машины Roland TR-808. Холодный, но при этом фанковый саунд, с характерным манчестерским уклоном.

Именно это сделало Грега Уилсона популярным. Он покончил с диджейским стёбом и предложил публике миксы, обеспечившие клубу аншлаг. В 1982 году, в тот же месяц, когда мы открыли Хасиенду, он был приглашён на легендарное шоу Майка Шефтса TCOB на Piccadilly Radio. В передаче звучала музыка электро, ознаменовавшая наступление эры мик-сов, под влиянием которой сформировалось поколение городских музыкантов и диджеев (не в последнюю очередь это касается Джеральда Симпсона, известного как A Guy Called Gerald, который с ностальгией вспоминает, как бегал за кассетами C90 и ожидал выхода программы в эфир).

В феврале того же года Уилсон появился в программе The Tube на канале Channel Four. Там он продемонстрировал ведущему Джулсу Холланду своё новое искусство микширования. В результате белая часть аудитории начала подсаживаться на его программу на Piccadilly. Это привлекло внимание Пикеринга, который вернулся из США, вдохновлённый Danceteria и Paradise Garage, и был намерен расширять музыкальные горизонты Хасиенды. Он втайне негодовал, что в клубе выступают группы, и хотел, чтобы репертуар больше походил на то, что он слышал в

Нью-Йорке: прекрасный звук в сочетании с разномастной толпой, танцующей под разнообразную музыку.

Он решил поменять музыкальную политику клуба, пригласив не только Грега Уилсона, но и Джона Трейси и Чеда Джексона. Уилсону было поручено внести изменения в программу пятничных мероприятий, внедрив электронное звучание, «обкатать таким образом программу из Legends на новой аудитории».

Мероприятие получило название Fridays Go Truly Transatlantic, в анонсе сообщалось, что Грег Уилсон исполняет «новейший фанк и танцевальную музыку». Премьера состоялась в пятницу 19 августа. С тех пор по пятницам звучала музыка темнокожих (клуб хотел завоевать темнокожую публику), а субботы проводились в более привычном для белой аудитории Factory стиле, в который вдруг вклинивалась странная вставка от Грега Уилсона, который подрабатывал на этих вечерах, пытаясь познакомить толпу с пятничным саундом.

По пятницам можно было услышать, как Уилсон ставил «White Lines» от Grandmaster Flash и Melle Mel (который он получил из-за рубежа в сентябре того же года), посреди нового звучания хип-хопа. Джон Трейси предпочитал миксы, включавшие Simple Minds, Вилли Хатча, Игги Попа и Шарон Редд. Его любимой песней была «Shout' от Лулу, а заканчивал мероприятие он часто мелодией из ***Thunderbirds****.*

Помимо отделения на субботних мероприятиях, Трейси выступал по вторникам, проводя The End: A No-Funk Night. Мероприятие было самым популярным вплоть до середины 1984 года. Снова был приглашён Грег Уилсон, так как клуб решительно вознамерился открыть для аудитории новые музыкальные формы, несмотря на противостояние со стороны посетителей, один из которых даже написал жалобу, где сетовал на распространение «джаза, фанка, диско, как бы это всё ни называлось». Так или иначе, курс на расширение репертуара хоть и обозлил тогдашнюю аудиторию, но позже принёс выгоду. Хасиенда просвещала своих посетителей, готовя их к полистилистическому рэйву и мэдчестеру за годы до их появления.

Более того, легендарное пребывание Уилсона на Piccadilly имело тот же эффект. После Уилсона пришёл Стю Аллан, широко известный тем, что был первым радиодиджеем, продвигавшим чикагский хаус в середине восьмидесятых. Позже он переключился на поколение диджеев. Он работал с такими исполнителями, как Лоран Гарнье и, опять же, с Джеральдом Симпсоном, который зажёгся идеей послать свои треки на передачу. Алан пустил его кассету в радиоэфир, объявив его как «парень по имени Джеральд из Халма». Это имя запомнилось, и пути Хасиенды и «парня по имени

Джеральд» вскоре пересеклись.

Грег устраивал вечера фанка и музыки темнокожих с расчётом на белую аудиторию. Я помню, как он подошёл ко мне и спросил разрешения сделать ремикс на «Blue Monday*. Я послал его на фиг, решив, что это самое омерзительное, что мне когда-либо предлагали. С чего бы нам позволять кому-то искажать нашу композицию! Как же меняются времена. Сейчас ремиксы зачастую звучат лучше оригиналов.

Кроме этого момента, я ничего про Грега не помню, но знаю, что он сделал оригинальный микс из трека «Walking on Sunshine' группы Rockers Revenge и «Confusion' New Order. Первый мэшап.

Также Уилсон руководил Broken Glass Crew, командой брейк-дансеров, в которую входил Пол «Kermit» Леверидж, основавший позже с Шоном Райдером из Happy Mondays проект Black Grape.

В ноябре того года в газете Observer появилась статья, в которой речь шла в основном о Broken Glass Crew, регулярно выступавшей в Хасиенде команде брейк-дансеров из десяти человек. Было неясно, вдохновляли ли они когорту людей в плащах на танцы или наводили на них ужас, но смотрелось это впечатляюще. Менеджер Говард Джонс сообщил Observer о том, что участие брейк-дансеров не было частью большого плана: «Мы лишь хотим, чтобы в клубе что-то происходило, хотим знать, что не упустили возможность». В той же статье приводились слова постоянной посетительницы клуба Сью Смит. Она говорила, что сбита с толку музыкальной политикой клуба и «американской танцевальной музыкой».

«Но я готова смириться с музыкой для ценителей подделок, мне она ужасно нравится!» — заключила она с восторгом.

Клуб обеспечил тур Broken Glass Crew с Quando Quango и собственно Грегом. Это была наша попытка распространить клуб по всей Англии. Я не в курсе, как всё прошло, но предполагаю, что ничего не вышло. Перемены воспринимаются постепенно, народ нужно соблазнять. Клуб в первые годы посещало мало людей, так как никто ещё не знал эту музыку.

Клуб всё так же был убыточен, но мы не догадывались, что способствовали формированию всей этой грёбаной современной диджей-культуры, оплачивая эксклюзивные выступления диджеев в нашем клубе.

Я лично всегда был циничен по отношению к диджеям. Думал, что они сукины дети и невежды, получающие слишком много денег. Так что, став одним из них, я прекрасно вписался.

Кто-то вроде Карла Кокса сейчас может получить целую кучу денег за выступление. Однажды накануне Нового года он заработал миллион, выступив на одной вечеринке, а затем, перемахнув через линию перемены даты, выступил в качестве хедлайнера в другом месте, заработав ещё один миллион. Если бы не Хасиенда, эта культура никогда бы не возникла. Мы несём за неё ответственность. Мы приучили публику ценить диджеев как настоящих звёзд или эстрадных артистов, и в первую очередь этому поспособствовал Роб, который мыслил сильно наперёд. Он всё время говорил про открытие диджейского агентства Хасиенды, поскольку уже тогда обнаружил возможные перспективы. «Диджеи — следующая веха, новые суперзвёзды, которых мы должны сформировать», — говорил он и ставил музыку хаус на танцевальных мероприятиях. Люди откликались плохо, ведь он слишком опережал события. Они с Майком Пикерингом всё время увлекались новыми направлениями задолго до того, как те становились мейнстримом.

Самые ценные советы нашей группе дал продюсер Артур Бейкер. Михаэль Шемберг, продюсировавший наши видео и заведовавший офисом Factory в Манхэттене, сказал Робу: «Этот Артур Бейкер великолепен. Свяжи его с New Order». И мы полетели в Нью-Йорк записываться на его студию Shakedown Studios.

Артур Бейкер был лучшим из нью-йоркских продюсеров. Этакая приятная и весёлая версия Мартина Хэннета. Благодаря Артуру мы открыли для себя хип-хоп и танцевальную музыку: «A.E.I.O.U» от Freez, Grandmaster Flash, Afrika Bambaataa. Артур как раз ими интересовался. Он был панком от электроники, и поначалу с ним было страшно работать. Это оказались первые сессии записи, к которым мы ничего не готовили заранее. Но «Confusion» получилась отлично. Он привил мне любовь к электронной музыке.

В тот год Happy Mondays впервые играли в Хасиенде в рамках регулярно организуемого Пикерингом поединка групп. Это было их второе выступление, на сцене творился полный бардак, и они заняли последнее место. Но их басист Пол Рай-дер был курьером Питера Хука — он всегда просовывал мне в дверь демо-записи. Именно тогда я получил запись «The Egg», которую передал Тони Уилсону. Группа была, как и я, из Литтл-Халтона, и мне очень хотелось дать им шанс показать себя. Я был в ярости, когда Тони Уилсон поручил продюсировать их Барни. В итоге они оказались всего лишь ещё одним успешным релизом Factory.

В том году распались The Smiths, которые выступали в

Хасиенде трижды. Первый раз — в поддержку альбома 52nd Street в феврале. Потом в июле. Сцена была завалена цветами — тогда начинал формироваться имидж и характер группы. «Они символичны по меньшей мере по трём причинам, — заявлял Моррисси журналу Sounds. — Мы представили их как антидот для Хасиенды, когда играли там. Их звучание было стерильным и нечеловеческим. Нам хотелось воплотить гармонию с природой, а также показать Манчестеру немного оптимизма, который символизировали цветы. Манчестер до сих пор живёт как во сне. Но верное средство от этого — Factory».

Когда The Smiths вернулись в Хасиенду в ноябре, зал был полон посетителей и цветов, что создавало незабываемую атмосферу, благодаря которой концерт впоследствии считался самым масштабным из всех мероприятий Хасиенды (этот концерт и концерт New Order были единственными ан-шлаговыми мероприятиями за первые два года). Это же отметил и Тони Уилсон в беседе с писателем Джонни Роганом: «Это был один из величайших моментов в истории Хасиенды. Я был горд. История Манчестера знает несколько великих концертов: Eagles в Palace, Лу Рид во Free Trade Hall, Joy Division в Derby Hall, в Бери. Такие вещи запоминаются навсегда, и выступление The Smiths в Хасиенде — тоже один из таких концертов».

Возможно, это и стало частью музыкальной истории, но меня не было на концерте The Smiths в Хасиенде, хотя я случайно видел их, когда они поддерживали Ричарда Хэлла в Rafters. Меня концерт не впечатлил, но во мне слишком силен дух соперничества, и я всегда был настроен против The Smiths. Так было с самого начала. Возможно, из-за того, что я считал, что они звучат как рок-н-ролл из бара, как полная противоположность того, что мне нравилось. Поэтому я не пошёл на их концерт. С другой стороны, скажу честно, было очевидно, что они делали хорошую музыку и собирались расти дальше.

Мне нравятся The Fall. Всегда нравились. Они отыграли множество концертов в клубе. Но, по моему мнению, Марк Э. Смит — сукин сын. Конченый придурок. Да ещё и гордится этим. Одна из его бывших девушек рассказывала, что иногда он ел на завтрак кукурузные хлопья, поливая их пивом «Гиннесс» и сдабривая своим любимым стимулятором. Он это отрицает, отчего мне только смешнее. Видать, вот почему у тебя такие здоровые зубы, Марк. Да-да, мы большие друзья.

Я помню, как выступали OMD. Они звучали великолепно, так как у них был хороший усилитель, которому не могла помешать плохая акустика зала. Освещение на концерте также было на

высоте. Это, наверное, стоило очень дорого, но дало свой эффект.

Если посетителей на концертах в Хасиенде было достаточно, то, несмотря на плохой звук, всё проходило хорошо благодаря атмосфере. Толпа работала как барьер для звука, урезая эхо и усиливая акустику. Но на малолюдных концертах недостаток посетителей и плохой звук взаимно усугубляли положение. Ужасная ситуация.

Некоторые из наиболее интересных концертов манчестерская аудитория совершенно проигнорировала, людей на них приходило еле-еле.

Например, концерт Джона Кейла. Одного из моих кумиров. Мне нравится его работа в составе Velvet Underground, нравится запись Нико «Chelsea Girls», которую он продюсировал, нравятся его сольные работы.

Я оценил его сольные проекты ещё до Velvet Underground, хотя большинство людей знакомились с его творчеством в обратном порядке. Его музыку я услышал, когда в семидесятых работал в порту — неполный рабочий день в столовой, где я продавал талоны на еду. Работа позволяла мне питаться бесплатно. Денег у меня тогда не водилось, так что это было очень кстати. Так или иначе, парень, работавший во время ланча, любил слушать Джона Кейла и был настоящим фанатом. Мы общались в пятиминутных перерывах между сменами, и в результате я взял у него послушать все альбомы. С тех пор я тоже фанател от Кейла. Именно поэтому концерт в Хасиенде так разозлил меня: он был великолепен, но пришло всего сорок человек. Причем большая их часть болтала весь концерт.

Кейл играл на фортепиано и акустической гитаре, его музыка была очень тихой. И эта их болтовня меня просто выбесила. Марк Рили из The Fall, в настоящее время радиоведущий, был возмущён не меньше моего, мы с ним курсировали по залу, одергивали болтавших и велели им заткнуться.

В девяностых Кейл некоторое время жил с Нико в Манчестере. Я никогда с ним не встречался, но его кандидатуру пару раз предлагали на роль продюсера New Order, хотя ничего из этого не вышло.

В 1986 году Нико дала в Хасиенде один концерт. Stockholm Monsters, ещё одна группа с Factory, ездили тогда с ней в тур. В Манчестере она жила с промоутером Аланом Уайзом. Принимая меня в своем доме, она говорила с немецким акцентом: «Здравствуй, Питер, как ты?» — «У меня всё хорошо, душечка. А ты как?» — «Хорошо, но я ненавижу Алана. Он придурок».

Она постоянно говорила, как ей противен Алан за то, что норовит поиметь её в зад. Он любил её, но она уже давно сидела

на наркоте, а наркоманов секс не интересует. Наркотики уничтожают либидо.

Она была угрюмой и несчастной женщиной, что было неудивительно, ведь она покинула Джима Моррисона в Лос-Анджелесе и поселилась в съёмной комнате в Прествиче.

Когда New Order были не в студии и не в туре, я всегда выполнял чёрную работу в Хасиенде, присматривая за аппаратурой и усилителями приезжающих групп и получая десятку за ночь. Тоже прибавка к доходу. В этом была своя ирония, если учесть, сколько моих денег клуб терял каждый вечер. Потом я стал отвечать за безопасность за сценой и привлёк к себе в помощники участников Stockholm Monsters: Слима, Чопа, Джеда, Шена и Тони.

Я рулил звук во время концертов Monsters, два или три года ездил с ними в туры, продюсировал их записи. Нам было легко работать вместе, мы были прекрасной командой.

У нас было здоровое чувство юмора. Мне нравилось устраивать шоу и изображать из себя начальство перед группами. Да, это отвратительно, я знаю. Помню, как вышвырнул Пита Мёрфи из Bauhaus за шесть слов, которые он сказал Слиму, когда забыл свой бейджик для прохода за сцену: «Да ты знаешь, кто я такой»?

«Ха-ха, да, я знаю. Пошёл вон, говнюк!» — ответил ему я.

Тур-менеджер умолял нас впустить его, и мы смягчились. Мёрфи до сих пор этого не забыл. И напомнил мне, когда я играл свой диджей-сет после его мероприятия в 2008 году. Удивительно. Но концерт Bauhaus был хорош. После мы все-таки пропустили Пита за сцˆну. Я помню, что угорал от смеха из-за их басиста, выступавшего в тёмных очках — чтобы выглядеть круто. Будучи пьяным, он сыграл «Bela Lugosi's Dead' на другой струне безладового баса. Приятно осознавать, что подобное случается не только со мной.

Работать в охране было здорово, так как можно было смотреть на выступления групп со сцены. То, что я был совладельцем клуба, ничего для меня не значило. Меня по-настоящему захватывало другое — быть на сцене с группами.

Особенно хочу отметить The Birthday Party: эта группа стала одной из моих любимых за всё время, одной из немногих, в которой я сам хотел играть. Трейси Пью был моим кумиром. Они потрясно выглядели и звучали просто великолепно. Честно говоря, они были близки мне по духу.

Когда они распались в 1984 году, Ник Кейв продолжил свою карьеру, сформировав Nick Cave & the Bad Seeds (хотя какое-то время их называли Nick Cave and the Cavemen). В тот год они

играли в Хасиенде. Я работал в эту ночь. Никогда не забуду, как кто-то выкатил на сцену гранёную пивную кружку, а Ник Кейв врезал по ней кулаком и разнёс на куски. Это сильно впечатлило меня. Вероятно, было больно, но он этого не показал. Настоящий класс.

Среди любимых исполнителей также были Bow Wow Wow. Мы с Робом видели их в сентябре 1980 года в Red Parrot в Нью-Йорке (это случилось во время первого тура New Order по Америке, после нашего концерта в Maxwell's в Нью-Джерси, где у нас украли всю аппаратуру). Нам здорово понравилось их выступление. Они очень впечатляли как группа: басист, гитарист и барабанщик играли великолепно, и всем нравилась вокалистка Аннабелла Лвин. Но у них была самая отвратная туровая команда из всех, какие я видел. Реально кучка гоноватых уродов. Даже не знаю, как мы сдержались в тот вечер. Они просто замучили менеджера сцены Терри Мейсона.

На тех концертах было много народу, но другие мероприятия проходили с переменным успехом. Мы столкнулись с обычным отношением промоутеров, а именно с логикой в духе «если мы позовём одну группу, то придут четыреста человек, а если позовём три группы, то придет тысяча двести». Но так в принципе не бывает. Те же самые четыреста человек любили все три группы, так что нам не удавалось увеличить аудиторию. Это были одни и те же люди. Мы потеряли из-за непопулярных концертов намного больше, чем заработали на успешных.

Мы организовали несколько рэперских концертов, и, несмотря на их репутацию, все выступления прошли без проблем. Не помню, чтобы с такими мероприятиями, да и с другими тоже вообще были проблемы, за исключением дерьмового концерта Jesus & Mary Chain в 1985 году. О нём я расскажу позже. До середины восьмидесятых рэперы не имели успеха. Мы терпели большие убытки, и Роб перестал их приглашать. Тогда они начали выступать в других местах.

***

РАСПИСАНИЕ МЕРОПРИЯТИЙ ХАСИЕНДЫ ЗА 1983 ГОД
Январь

14 января, пятница: The Kray Twins; Dog Musicians

21 января, пятница: James; Discobolisk

24 января, понедельник: Кёртис Блоу

26 января, среда: New Order. **Сет-лист:** "Your Silent Face», «Temptation», «Ceremony», «Leave Me Alone», «Denial», «586», «Age

of Consent», «Blue Monday»

28 января, пятница: Chameleons; Foreign Press

Февраль

3 февраля,четверг: Section 25

4 февраля, пятница: 52nd Street; The Smiths. Сет-лист (The Smiths): «These Things Take Time», "What Difference Does it Make?», The Hand that Rocks the Cradle», «Handsome Devil», «Jeane», *What Do You See in Him?», «Hand in Glove», «Miserable Lie'

10 февраля, четверг: Fad Gadget

11 февраля, пятница: Jo Boxers

16 февраля, среда: Divine

18 февраля, пятница: Animal Nightlife

24 февраля, четверг: The Birthday Party (большая часть этого концерта вместе с прошлогодним была издана на видео под названием Pleasure Heads Must Burn)

Март

2 марта, среда: The Virgin Prunes

3 марта, четверг: Eurythmics

9 марта, среда: The Pale Fountains

10 марта, четверг: Джон Кейл

15 марта, вторник: Spear of Destiny

23 марта, среда: The D Notes

30 марта, среда: The Undertones

Апрель

4 апреля, понедельник: Orange Juice

7 апреля, четверг: Big Country

13 апреля, среда: Clock DVA

20 апреля, среда: The Gun Club; Sisters of Mercy

21 апреля, четверг: Клаус Шульце

Май

4 мая, среда: Little Steven & the Disciples of Soul

5 мая, четверг: Vicious Pink

11 мая, среда: The Box

13 мая, пятница: Prince Charles & the City Beat Band

18 мая, среда: Secret Seven

20 мая, пятница: Вечеринка в честь годовщины клуба

21 мая, суббота: SURPRISE SATURDAY

24 мая, вторник: Tales from the Newgate Calendar (игровое шоу)

25 мая, среда: Tales from the Newgate Calendar

26 мая, четверг: Роберт Палмер

Июнь

1 июня, среда: Tales from the Newgate Calendar
2 июня, четверг: The Bat Cave
6 июня, понедельник: Tales from the Newgate Calendar
8 июня, среда: Shriekback; Ховард Девото
9 июня, четверг: Hey Elastica
16 июня, четверг: Fun Boy Three
17 июня, пятница: Hunters and Collectors
22 июня, среда: Кёртис Мэйфилд
23 июня, четверг: Set the Tone
24 июня, пятница: SAS
19 июня, среда: A Certain Ratio; Quando Quango

Июль

1 июля, пятница: Мэтт Фреттон; Porch Party
6 июля, среда: The Smiths. **Сет-лист:** «You've Got Everything Now», «Handsome Devil», «Reel Around the Fountain», "What Difference Does it Make?», Wonderful Woman», «These Things Take Time», «Hand in Glove», «I Don't Owe You Anything», «Miserable Lie», «Accept Yourself'
8 июля, пятница: Funk (Хьюэн Кларк; Колин Кёртис)
12 июля, вторник: Defunkt
13 июля, среда: The Alarm
14 июля, четверг: Ховард Девото; The Wake
17 июля, воскресенье: Newgate 2
20 июля, среда: New Order. **Сет-лист:** «Blue Monday", «Age of Consent», «Lonesome Tonight», «Your SilentTace», «Leave Me Alone», «586», «Denial», «Confusion», Temptation», Thieves Like Us», «In a Lonely Place», «Everything's Gone Green'
22 июля, пятница: Джа Уоббл
27 июля, среда: The Fall
28 июля, четверг: Animal Nightlife

Август

3 августа, среда: Roman Holiday
5 августа, пятница: Лидия Ланч
11 августа, четверг: Cabaret Voltaire
12 августа, пятница: The Peech Boys
14 августа, воскресенье: SUNDAY BODEGA Эндрю Берри
17 августа, среда: Einstűrzende Neubauten
19 августа, пятница: TRANSATLANTIC Грег Уилсон
20 августа, суббота: Джон Трейси; Грег Уилсон

25 августа, четверг: King; Гэри Кроули

28 августа, воскресенье: FUNK ALL-DAYER Майк Шафт; Колин Кёртис; Грег Уилсон; Jonathan; Клемент Андерсон; Пол Диксон; Carlos

30 августа, вторник: THE END: A NO-FUNK NIGHT Джон Трейси

Сентябрь

1 сентября, четверг: CLUB NIGHT Хьюэн Кларк

2 сентября, пятница: FUNK NIGHT Грег Уилсон; Neutriment

4 сентября, воскресенье: Марк Берри

6 сентября, вторник: THE END: A NO-FUNK NIGHT Джон Трейси

7 сентября, среда: Violent Femmes

9 сентября, пятница: Orchestral Manoeuvres in the Dark

11 сентября, воскресенье: Марк Берри

13 сентября, вторник:

14 сентября,среда:

18 сентября, воскресенье:

20 сентября, вторник:

22 сентября, четверг:

25 сентября, суббота:

28 сентября, среда:

THE END: A NO-FUNK NIGHT
Джон Трейси
Brilliant
Марк Берри
THE END: A NO-FUNK NIGHT
Джон Трейси
Sisters of Mercy
Марк Берри
Beast

Октябрь

6 октября,четверг: Eddie and Sunshine

7 октября, пятница: Элвис Костелло

12 октября, среда: The Respond Package

13 октября, четверг: Джон Фокс

19 октября,среда: Алан Вега

20 октября, четверг: Fad Gadget

26 октября, среда: S.P.K.

28 октября, пятница: FUNK NIGHT Грег Уилсон

Ноябрь

2 ноября, среда: Test Department
6 ноября, воскресенье: Sheer Image
16 ноября,среда: S.P.K.
17 ноября, четверг: Icicle Works
19 ноября,суббота: Frankie Goes to Hollywood
23 ноября,среда: Divine
24 ноября, четверг: The Smiths; James. **Сет-лист (The Smiths):** «Handsome Devil», «Still 111», This Charming Man», «Pretty Girls Make Graves», «Reel Around the Fountain», «Miserable Lie», This Night has Opened My Eyes», "What Difference Does it Make?», «Hand in Glove», «You've Got Everything Now», These Things Take Time», "This Charming Man», «Accept Yourself «, «Hand in Glove'
30 ноября, среда: The Virgin Prunes

Декабрь
1 декабря,четверг: China Crisis
7 декабря, среда: The Gun Club
8 декабря,четверг: Cocteau Twins. **Сет-лист:** «When Mama was Moth», The Tin-derbox», «Glass Candle Grenades», «In Our Angelhood», «From the Flagstones», «My Love Paramour», «Sugar Hiccup», «Hitherto»,«Musette and Drums»
14 декабря, среда: Killing Joke
15 декабря,четверг: Spear of Destiny
16 декабря, пятница: The Fall
20 декабря, вторник: THE END: A NO-FUNK NIGHT Джон Трейси
23 декабря, пятница: ALAN WISE PARTY
28 декабря, среда: The Durutti Column
29 декабря, четверг: The Durutti Column (не подтверждено)
30 декабря, пятница: GINGER'S GOODBYE PARTY

***

ЦИТАТЫ И ФАКТЫ

В октябре 1983 года перед коллективным выездом на природу все ввалились в автобус до Блэкпула. Нэйтан МакГоф, ставший впоследствии менеджером Happy Mondays, был одет в форму скаута, а участников не пускали в пабы за крашеные волосы. Фотографа Кевина Камминса тошнило на аттракционах.

В ноябре 1983 года Дэйв Хаслам открыл свой фэнзин Debris, на страницах которого рассказывалось о инди-сцене Манчестера. Debris устраивали мероприятия в Хасиенде, а сам Хаслам,

разумеется, стал одним из постоянных диджеев клуба.

Я всегда ездил с New Order и Quando Quango, и всё время в Нью-Йорк. «Love Tempo» от Quando Quango великолепно прозвучала в Paradise Garage. Мы подключали аппаратуру, когда Ларри Левая играл диджей-сет. Я пошёл в Loft и был просто поражён, как мальчишка. Так что, вернувшись в Хасиенду, я сказал всем: «Это именно то, что нужно». И выключил микрофон. Вы знаете, будущее было за этим подходом.

Майк Пикеринг на djhistory.com

Это было как BBC от мира ночных клубов. Это был спонсируемый творческий центр, который не предполагал особого успеха... в котором осуществлялись творческие поиски и эксперименты. Дотаций не было; похоже, это был проект New Order.

Промоутер Пол Конс

***

ДЕСЯТКА ЛУЧШИХ ТРЕКОВ С ПЯТНИЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В ХАСИЕНДЕ ЗА 1983 ГОД

1. The SOS Band — «Just Be Good to Me'
2. The B Boys — «Two, Three, Break'
3. Captain Rapp — «Bad Times (I Can't Stand It)'
4. Cybotron — «Clear'
5. Hashim — «Al-Naafiysh (The Soul)'
6. Hot Streak — «Body Work'
7. Shannon — «Let the Music Pa/
8. Time Zone — «The Wildstyle'
9. Two Sisters — «High Noon'
10. Unique — *What I Got is What You Need'

1984. «Это тоже наша работа»

В 1983 году в итоговом обзоре клубных мероприятий за прошедший год от журнала City Life про Хасиенду было написано следующее: «Выносящий мозг нью-йоркский электронный бит Грега Уилсона поддерживался публикой и светомузыкой… Любопытно, что звук тонул в обширных пустотах Хасиенды».

Но Грег Уилсон не собирался купаться в лучах славы от City Life. В 1984 году он перестал играть диджей-сеты, собираясь уделять больше времени менеджменту Broken Glass Crew и, возможно, попробовать себя в музыкальном продюсировании (хотя ему приходилось возвращаться к диджейству). Его отход от дел был на руку Пикерингу, который не разделял сосредоточенности Уилсона на электро. Пикеринг любил электро; пожалуй, он даже предпочитал это направление музыке ребят с пышными причёсками и готике, которая играла в другие вечера. Но он хотел, чтобы эта музыка входила в репертуар клуба, не исключая всего остального.

«Я сказал Грегу то же самое, что и Хьюэну, — сообщил он писателю Тиму Лоуренсу. — Я сказал, что хочу получить универсальное смешение стилей, которое услышал в Нью-Йорке. Хочу, чтобы электро было частью клубного репертуара, но не единственным жанром. Это касается и другой музыки».

Оттесненный было Хьюэн Кларк вернулся к выступлениям по пятницам, когда играли смесь электро, джаза и соула. Оживление вносили танцы под джаз от Foot Patrol и Jazz Defektors.

Таким образом, в начале 1984 года в распоряжении Хасиенды было много талантливых диджеев, причем благодаря ассоциациям с популярной Factory клуб имел репутацию самого современного и стильного заведения. Он оказался идеальным местом для съёмок специального эпизода The Tube каналом Channel Four. Речь шла о начинающей певице из Нью-Йорка, девушке известного нью-йоркского диджея Марка Каминса. Ну, вы понимаете…

Думаю, что Мадонна стала настоящим подарком для Марка Каминса, нашего друга и её менеджера.

Он спросил, можем ли мы устроить ей концерт. И раз уж была трансляция эпизода *The Tube* из Хасиенды, Роб решил пригласить её. Вы можете найти ролик на YouTube. Там присутствовали Джулс Холланд и Пола Йейтс.

Во время дневных съёмок она спела две песни под фонограмму. Получается, что первое появление Мадонны на британском телевидении — это тоже наша работа. Мы снова опережали тренды. Мы уже знали о ней благодаря её знакомству

с Каминсом, Jellybean и Артуром. В Великобритании она в принципе не была известна. Но её появление в Хасиенде всё изменило. Первые её шаги на пути к покорению мира, Господи, прости.

Звёздный состав Factory также засветился в тот раз на The Tube. Выступала группа, в которую входили Барни, Дональд Джонсон, Вини Рейли и несколько других ребят с лейбла. Я в тот день не играл — не знаю почему. Обычно я соглашаюсь выступить при первой возможности, но вместо этого три дня программировал драм-машину DMX для трека, который хотели приготовить на основе «Blue Monday» от New Order, «Shack Up' от A Certain Ratio и «Love Will Tear Us Apart' от Joy Division.

Утром перед концертом мне нужно было сопроводить жену в мебельный магазин, потом поспешить обратно и завершить программирование драм-машины, чтобы успеть вовремя к саундчеку звёздного концерта.

Я отвёз жену в магазин, помчался домой, закончил программирование, сел в машину и погнал в Хасиенду. По дороге меня остановили копы, выписав штраф за превышение скорости. Козлы. Когда я приехал в клуб, Барни сказал, что он изменил порядок песен. Не знаю, почему тогда меня это удивило, ведь это было очень типично.

Так или иначе, запись прошла успешно. Поскольку эпизод попал на The Tube, это привлекло к нам аудиторию совсем иного рода. Мы уже привыкли быть в центре всеобщего внимания, поэтому историческую значимость этого момента осознали значительно позже.

Мадонна нас с Робом впечатлила.

«Мы пригласим её выступать сегодня, когда съёмки закончатся», — сказал Роб. Мы прошли в гримёрную, где она находилась со своей танцевальной труппой. «Кхм... Привет! Я Роб Греттон, управляющий клубом. Как насчёт выступить сегодня? Я заплачу пятьдесят фунтов».

Она посмотрела на него.

«Отвали», — протянула она с плаксивым «нуу-йоook-ским» акцентом и отвернулась. На этом в тот раз всё и кончилось. Но были ещё две истории, связанные с её приездом.

Во-первых, кто-то залез к ней в сумку в гримёрной. Когда она вернулась в отель, то обнаружила, что её капитально обчистили.

Вторая легенда гласит, что они с Марком Каминсом останавливались в доме Майка Пикеринга в Чорлтоне. После мероприятий в Хасиенде они оба очень устали. Они поймали такси, чтобы доехать до квартиры Майка. Сейчас дома ленточной застройки в Англии имеют дверь в подъезд и входную дверь, и

каждая открывается ключом.

Майк оставил ключи Мадонне и Марку, чтобы они могли попасть в дом, но они, совершенно пьяные, с этим не справились. Они успешно открыли первую дверь, вошли внутрь, и дверь с ключами в замке захлопнулась за ними.

Они заперли сами себя. Утром Майк проснулся и услышал, как его жена открыла дверь и через нее ввалились Марк и Мадонна.

Не знаю, какая история правдива.

Ещё одно примечательное событие того дня — интервью с Моррисси и Робом. Не знаю, почему, но Моррисси всегда ненавидел Joy Division. Вероятно, Роб уловил это, и, когда камеры выключили, он повернулся к Моррисси и сказал: «Моррисси, твоя проблема в том, что у тебя всегда была кишка тонка убить себя, как это сделал Йен. Ты, мать твою, завидуешь ему». Его как ветром сдуло, но видели бы вы его лицо. Я чуть живот не надорвал со смеху.

Вход по приглашениям был бесплатным.

В тот день, как мы уже знаем, выступал звёздный состав Factory, а также Jazz Defektors.

Их руководителем была Элли Грэй, лидером — Солтс, постоянный посетитель клуба, один из немногих темнокожих в то время. Группа выходила на сцену клуба при первой возможности, набирая известность благодаря музыке и внешнему виду. На них были подобранные по цвету костюмы 1950-х годов, брюки с высокими поясами, купленные в секонд-хендах и на благотворительных распродажах. Они тоже должны были участвовать в передаче ***The Tube****, но в день съёмки персонал Мадонны настоял на том, чтобы она пела под фонограмму две песни, а это значило, что одну песню придётся вырезать. Это была песня Jazz Defektors. «В танцах она бы с нами не потягалась», — с сожалением сказал Солтс.*

Это событие повлекло за собой другие. Спустя годы Тони Уилсон ужинал с Мадонной. «Я собрался с духом, посмотрел на Мадонну через столик и спросил, в курсе ли она, что первым местом, где она выступала за пределами Нью-Йорка, был наш клуб в Манчестере. Она холодно на меня взглянула и ответила, что, вероятно, это у неё в памяти не задержалось».

Какая прелесть.

Между тем диджей Грег Уилсон был не единственным, кто покинул Хасиенду. Говард Джинджер Джонс, директор и менеджер клуба, отчалил в самом конце 1983 года. Прощальная вечеринка состоялась 30 декабря.

Он говорил, что хочет новых ощущений. Услышав о The Stone Roses, он задумался о карьере музыкального менеджера и недолго действительно был их менеджером. Своё заявление он подал во время празднования Хэллоуина в клубе. В результате к началу 1984 года у клуба не было ни директора, ни кого-либо достаточно квалифицированного или, по крайней мере, желающего выполнять эту работу. Так началась позорная эпоха «административного комитета», товарищества, в которое входили Майк Пикеринг, менеджер бара Пэнни Хенри и Элли Грэй. Ещё участвовали Греттон и Уилсон. Грэй была администратором со времени открытия Хасиенды и прекрасно представляла ее финансовые проблемы. «Дебиторы всегда пытались подобраться к Джинджеру, но он всё время был недоступен», — сказала она Джону Сэвиджу. Когда сформировался административный комитет, её задачей стало держать судебных приставов подальше от клуба. При этом она вспоминает, что в самом начале комитет работал хорошо, «хотя никто не знал, чем он занимается».

К тому времени мы допустили почти все возможные ошибки. Нам следовало тут же или даже еще раньше привлечь профессионального управляющего клубом, но мы всегда нанимали друзей, поскольку с ними было приятно работать, даже если работу эту они в гробу видали.

Когда Джинджер отошёл от дел в 1983 году, его место заняла Пэнни. Она жила в доме Алана Эразмуса на Палатин-роуд, одновременно являвшемся штаб-квартирой Factory, и имела все основания получить эту должность: она была старым другом.

Думаю, что идея коллективного управления Хасиендой принадлежала именно ей, и внезапно она, Элли и Майк Пикеринг стали всё решать путём голосования. Например, повышение цен. Очевидно, что персонал не хотел, чтобы клуб был дорогим заведением для их друзей. Их не заботило, приносит Хасиенда прибыль или нет. И каждый раз, когда предметом голосования становилось повышение цен, они голосовали против.

«Так, на этой неделе пиво подорожало, нам нужно поднять цену за пинту. Кто за?»

Разумеется, никто. Цены оставались низкими, но в то же время никто не принимал мер по сокращению расходов, что означало ещё большие убытки. Говорили, что «народ» нас любит. Мы не только продавали самое дешёвое пиво в Манчестере, но и не повышали цены по субботам. Есть среди владельцев пабов и клубов неписаный закон, согласно которому в субботу цены на всё повышаются на десять пенсов. Вы делаете накрутку просто потому, что таков рынок (то есть недовольны все). Хасиенда так

никогда не делала, поскольку персонал голосовал против. Они никогда не упускали возможность упустить возможность, как говорится. Поскольку деньги на финансирование клуба поступали за счёт New Order, Joy Division и Factory, об убытках не беспокоились.

Я считаю, что идея коллективного управления клубом была нелепой, поскольку члены коллектива ничем не рисковали. Персонал, кажется, думал примерно так: «Ой, да они, блин, рок-звёзды и миллионеры, — сделаем дешёвое пиво для наших друзей».

Рок-звезда и миллионер? В каком месте?

Похоже, такой точки зрения придерживались все. Однажды я приехал в город и припарковал машину около клуба. Это была новая «Ауди», корпоративная машина, точнее, машина New Order. Когда я вышел из клуба, то обнаружил, что она насмерть раскурочена. Кто бы это ни был, постарался он знатно: фары, двери, крыша и лобовое стекло — всё было разбито. В гневе я влетел обратно, но столкнулся с выходящим Тони Уилсоном.

«Хуки, дорогуша, что случилось?» — спросил он. Тони тогда всех называл «дорогуша».

Указывая на свою искалеченную машину, я прошипел: «Какие-то долбаные твари разнесли мою машину в хлам».

«Что же, дорогуша, за неё заплачено», — сказал он и убежал, оставив меня в недоумении.

Даже если и так, его слова не утешали.

Мы продолжали совершать ошибки. В частности, перекрашивали заведение каждую неделю, и это стоило огромных денег. Причем вместо того, чтобы вымыть поддоны для краски и валики, их выбрасывали, а потом шли в B&Q и покупали новые. Уже после того, как мы объявили себя банкротами, я нашёл гору старых инструментов — целый грёбаный Эверест с двумя шерпами[6] и палатками. Мы всё просрали.

Помимо этого, нас в прямом смысле ограбили. Как-то утром в понедельник работники клуба подсчитывали прибыль, прежде чем положить её на счёт в банк. Уборщики тоже были здесь, делали свою работу. Всё как обычно после выходных.

Внезапно в клуб ворвались вооружённые люди и, угрожая пистолетами, всех связали и забрали деньги.

Полицейское расследование не дало результатов, и мы решили забыть об этом происшествии. Однако спустя три недели один из сотрудников клуба сказал уборщице: «Отличный загар! Ездила в отпуск?»

«Да, — ответила она. — Хочешь, покажу фотки?»

«Конечно».

И та показывает фотографии с Барбадоса или откуда-то ещё, и среди них—снимок, на котором она на пляже в обнимку с одним из ограбивших нас ублюдков. Это был её парень.

Попалась.

Что бы ни происходило, Хасиенда была прекрасным местом для тусовок. Внизу находилась парикмахерская Swing, где висело объявление для студенток: «требуются модели». Стоило там появиться, как парикмахеры-мужчины соблазняли посетительниц, обещая бесплатный проход в клуб. Такой вот уход за собой.

Но в основном она была местом отдыха. Своего рода культовым, но никак не источником прибыли. Там перебывали все группы Factory в полном составе. Там я получил первую бесплатную услугу — стрижку за счёт Neil, Neil, Orange Peel. И это было единственное, что они заплатили в качестве аренды. В итоге Swing закрылись, но остались тазы — странное напоминание о том, что тут было.

Жалобные заявления Хьюэна Кларка о размещении диджейской кабинки стали легендарными, и в 1984 году, наконец, случилось. К сожалению, клубу это опять стоило дополнительных денег. Решили, что кабинку следует перенести из комнаты, находящейся сбоку от сцены (диджей не мог видеть аудиторию оттуда), на балкон, где была сооружена деревянная основа. Бен Келли явно возражал, но идея оказалась хорошей, в результате открывшей путь для новой эры диджеев-суперзвёзд. Образом клуба становился окружённый дымом диджей, взирающий на творящееся внизу безумие и простирающий над толпой руки — почти как Христос.

Эта эпоха наступала. Клуб уже начинал работать больше как площадка для мероприятий, но в нём по-прежнему проходили легендарные концерты.

Когда New Order не были на гастролях, я всегда посещал выступления групп. Иногда я встречал там Барни, хотя мы никогда не тусовались. Мы могли кивнуть и сказать друг другу «здорово», но общаться нам не приходилось. Мы были из разных компаний. Если мы где-то и пересекались, то только в New Order.

Мы были испорчены большими потоками людей, проходившими через нас в то время. С одними мне нравилось общаться, с другими — нет. Независимо от мероприятия, сближаться с кем-либо мне не приходилось. Я полностью согласен с тем, что «не следует встречаться со своими кумирами». А что если они окажутся отвратительными или самыми обычными людьми? Ох, с возрастом я хорошо это усвоил.

Помню, как встретил Джонатана Ричмена. Он, будучи в

бешенстве, настаивал на том, чтобы играть без подзвучки, чтобы было слышно только его голос и акустическую гитару. Пришли двести человек, и никто его слышал. Народ либо смеялся над ним (поскольку он выглядел как сбежавший из дурдома), либо игнорировал его. Концерт оказался абсолютным провалом, хотя и очень смешным. Забавно, но пару месяцев спустя я видел его аналогичное выступление в клубе Алана Уайза Six Six Six на Феннел-стрит — абсолютно потрясающее. Его подход сработал в маленьком помещении, но провалился в большом. Некоторые концерты именно такие: всё зависит от площадки.

Джонни Сандерс (ещё один мой кумир) исполнял «Chinese Rocks' трижды за выступление. В итоге его, мягко говоря, добил рок-н-ролльный образ (бывший вокалист New York Dolls боролся с героиновой зависимостью и умер в возрасте тридцати восьми лет при загадочных обстоятельствах). Досадно, что Heartbreakers были первой группой, которых мы разогревали в Rafters, но мне это нравилось. Мне нравится этот экстремальный образ жизни, нравится быть его свидетелем.

Ещё я был большим поклонником Pogues, несколько раз блестяще выступивших в качестве хедлайнеров. Я слышал их где-то ещё. Однажды New Order были хедлайнерами на фестивале WOMAD, который устраивал Питер Гэбриэл на острове Уайт. Наши палатки-гримёрные находились по соседству, и мы по ошибке завалились к Pogues. Там были напитки и большой буфет, и это дарило ощущение гостеприимства.

Потом мы вернулись в нашу гримёрную, а там оказался осёл. Реально — большой, мать его, бурый осёл!

Мы вывели его и потащили в гримёрную Pogues, где он съел всё, что было прописано в их райдере. Ещё мы стырили выпивку. Они были в бешенстве, когда приехали. Гомерически смешно. Я часто думаю, что же в итоге случилось с тем ослом. Выбрался, наверное.

При участии Криса из Tractor я закончил переподключение новой звуковой системы с усилителями. Крис имел немалый опыт в этом. Позже мы с ним были совладельцами студии звукозаписи Suite 16 в Рочдейле. Автором названия снова выступил Тони Уилсон. Раньше там находилась студия Джона Брирли Cargo, где мы записывали первый сингл, изданный на Factory, а позже создали «Atmosphere». Сейчас он продаёт связанные с Joy Division реликвии. Всякий раз, когда вы видите в продаже что-то связанное с Joy Division, знайте, что это продаёт Крис Хьюитт. Похоже, он неплохо обеспечил себя, скупая вещи Joy Division и продавая их снова и снова.

Я был очень горд новой системой усиления. Она звучала

значительно лучше прежней и стоила всего тысячу фунтов. Я её подключил и впоследствии контролировал. Каждую пятницу приходил её настраивать. На специальные мероприятия, например для большого количества выступающих, мы брали напрокат дополнительные усилители.

Эта аппаратура работала до 1988 года, когда мы потратились на большую акустическую систему от Wigwam Acoustics (однако изначальная система стоила ещё дороже). Благодаря ярко выраженным низким частотам она вызывала неприятные ощущения в носу и терроризировала публику целую неделю. В итоге мы снизили громкость со 140 до 130 децибел, после того как стали получать звонки от врачей: слишком много пациентов с «проблемой Хасиенды». Звук при этом стал отчётливее. Мы установили её в середине восьмидесятых, чтобы улучшить акустику. Это стоило ещё тридцать тысяч. Над дизайном работали Питер Сэвилл, Бен Келли и специалисты из Солфордского университета. Установкой занималась специальная компания. Выглядело стильно и просто фантастически. Но это ничего не изменило, чёрт побери. Иногда она падала сверху, как гильотина, всякий раз прихватывая добрую половину пластика с потолка. Но были в этом и приятные стороны. Энг Мэттьюс раздавала ошарашенным и перепачканным извёсткой посетителям бесплатные карточки пожизненного членства. Словом, конструкция стала настолько опасной, что мы были вынуждены её разобрать. (Однако получилось так, что большая часть системы всё ещё функционирует в клубе Tokyo Project в Олдеме, а микшерный пульт и вертушки диджеев находятся в Digital, в Ньюкасле. Их владелец Аарон Мэлор установил также здоровый кусок танцпола Хасиенды в другом своём клубе — Atomic в Эштоне. Вот это я понимаю: преданный фанат.)

В 1984 году Пикеринг придумал проводить вечеринки Nude по пятницам и рулил там звуком. Эти мероприятия клуба остались в числе самых знаменитых и определённо шли дольше всех. Вечеринки Nude стали известны в 1987 и 1988 годах. Хасиенда была одним из немногих мест в Великобритании, где могли выступать Пикеринг и впоследствии Грэм Парк.

Изначально Nude представляли Пикеринг и Эндрю «Марк» Берри из парикмахерской Swing, игравший джаз, сальсу, мотаун, поп, хип-хоп и электро. Наконец-то Пикеринг получил эклектику наподобие той, что он слышал в Нью-Йорке. Он вносил свой вклад. По прошествии двух-трёх недель Nude стали масштабным мероприятием, привлекавшим ещё более разноплановую аудиторию, чем вечеринки Грега Уилсона. Ребят с замысловатыми

причёсками и готов вытесняли. Посетители переобулись в кроссовки. Именно тогда началась эра гопничества.

А тем временем The End: A No-Funk Night Джона Трейси хоть и начал год с выступлений новых диджеев, (включая Сюзанну, которая позже заведовала кухней), пришёл к своему логическому завершению. Какое-то время это было самое успешное мероприятие клуба. Но поскольку публика привыкла слушать разную музыку (Nude по пятницам, Hot Хьюэна Кларка по субботам), оно теперь стало восприниматься странным анахронизмом. Работа над альбомом «Confusion' New Order соединила электро и хип-хоп, рок и танцевальную музыку...

***

РАСПИСАНИЕ МЕРОПРИЯТИЙ ХАСИЕНДЫ ЗА 1984 ГОД

Январь

3 января, вторник: THE END: A NO-FUNK NIGHT Джон Трейси; Сюзанна

4 января, среда: CLUB NIGHT Хьюэн Кларк

6 января, пятница: Easterhouse

7 января, суббота: Джон Трейси

11 января, среда: Red Guitars

13 января, пятница: A Certain Ratio

18 января, среда: Specimen

20 января, пятница: The Wake; Del Amitri

25 января, среда: Prefab Sprout; The Daintees

27 января, пятница: The Tube Live (the Factory All Stars; Марсель Кинг; The Jazz Defektors; Breaking Glass; Мадонна (дебют на UK-TV)

Февраль

1 февраля, среда: The Chiefs of Relief (ex Bow Wow Wow)

2 февраля, четверг: Reggae

3 февраля, пятница: Bourgie Bourgie

10 февраля, пятница: Burning Spear; Spartacus

15 февраля, среда: The Cramps; Playn Jayn

17 февраля, пятница: Pink Industry

20 февраля, понедельник: FILM NIGHT

22 февраля, среда: Membranes; Tools You Can Trust

23 февраля, четверг: Dead or Alive

24 февраля, пятница: Томас Долби; Dekka Dance

29 февраля, среда: Fad Gadget

Март

2 марта, пятница: My American Wife

5 марта, понедельник: Sanitorium (фильм)

7 марта, среда: Cook da Books

9 марта, пятница: Хьюэн Кларк

10 марта, суббота: Whodini

16 марта, пятница: The Lotus Eaters

22 марта, четверг: Джулиан Коуп

23 марта, пятница: Johnny Thunders and the Original Heartbreakers

28 марта, среда: Reflex

29 марта, четверг: The Three Johns; Terry Duffy

30 марта, пятница: Orange Juice; The Go-Berweens

Апрель

3 апреля, вторник: THE END: A NO-FUNK NIGHT

6 апреля, пятница: The Chameleons. **Сет-лист:** «Don’t Fall», «Return of the Roughnecks», «A Person Isn't Safe Anywhere These Days», «Thursday's Child», «Here Today», «Pleasure and Pain», «Perfume Garden», «Mon-keyland», «Second Skin», «One Flesh», «Paper Tigers», «In Shreds», «Singing Rule Britannia (While the Walls Close In)», «Splitting in Two», «Up the Down Escalator», «Don't Fall'

11 апреля, среда: Grandmaster Flash

13 апреля, пятница: Xmal Deutschland

19 апреля, четверг: Nick Cave & the Cavemen

26 апреля, четверг: Spear of Destiny; Shillelagh Sisters

27 апреля, четверг: Swans Way

Май

3 мая, четверг: Prefab Sprout; The Moodists

11 мая, пятница: Dead or Alive

17 мая, четверг: FASHION SHOW

18 мая, пятница: Prince Charles and the City Beat Band

21 мая, понедельник: SECOND BIRTHDAY PARTY

23 мая, среда: The Cramps

30 мая, среда: Мэри Уилсон

Июнь

1 июня, пятница: Пол Хэй; Lloyd Cole & the Commotions

5 июня, вторник: Cabaret Voltaire

8 июня, пятница: Sex Gang Children

9 июня, суббота: Шарон Редд

14 июня, четверг: Play Dead

20 июня, среда: The Bluebells; Friends Again

21 июня, четверг: King
22 июня, пятница: A Certain Ratio
29 июня, пятница: The Fall; Life. **Сет-лист (The Fall):** «Smile», «Lie Dream of a Casino Soul», «Craigness», «2 x 4», «God Box», «Kicker Conspiracy", «C.K.E.E.P.», «Lay of the Land», «Elves», «Oh! Brother», «Garden», «Hey Marc Riley", «I Feel Voxish», Tat Trip Dispenser'

Июль
4 июля, среда: New York
12 июля, четверг: The Go-Betweens; Microdisney
19 июля, четверг: Пит Шелли
20 июля, пятница: Зеке Манийка; Colour Code
25 июля, среда: Shriekback
27 июля, пятница: Джонатан Ричмен

Август
10 августа, пятница: Section 25
16 августа, четверг: The Armoury Show
17 августа, пятница: Salty Sea Dogs Birthday Thing
21 августа, вторник: THE HOMETOWN GIG
23 августа, четверг: Easterhouse; James
29 августа, среда: Johnny Thunders and the Heartbreakers; Марк Райли

Сентябрь
1 сентября, суббота: HOT
4 сентября, вторник: THE HOMETOWN GIG
5 сентября, среда: Section 25
7 сентября, пятница: Arrow
13 сентября, четверг: The Cult
19 сентября, среда: Фредди МакГрегор; General Smiley
20 сентября, четверг: Lloyd Cole & the Commotions
27 сентября, четверг: Working Week

Октябрь
2 октября, вторник: THE HOMETOWN GIG
3 октября, среда: Том Верлен; The Room
4 октября, четверг: Afrika Bambaataa (перенесено с 15 июня)
10 октября, среда: Hanoi Rocks
11 октября, четверг: Everything But the Girl
12 октября, пятница: NUDE Майк Пикеринг
13 октября, суббота: HOT
16 октября, вторник: THE HOMETOWN GIG
18 октября, четверг: The Fall (перенесено с 25 октября)

19 октября, пятница: NUDE Майк Пикеринг
20 октября, суббота: HOT
23 октября, вторник: THE HOMETOWN GIG
24 октября, среда: General Public
25 октября, четверг: Floy Joy
26 октября, пятница: The Gun Club
27 октября, суббота: HOT Хьюэн Кларк
31 октября, среда: Bronski Beat

Ноябрь
1 ноября, четверг: New Model Army
2 ноября, пятница: NUDE Майк Пикеринг
7 ноября, среда: Orange Juice
9 ноября, пятница: NUDE Майк Пикеринг
15 ноября, четверг: Alien Sex Fiend
16 ноября, пятница: NUDE Майк Пикеринг
17 ноября, суббота: Circus Circus
20 ноября, вторник: THE HOMETOWN GIG
21 ноября, среда: March Violets, Inca Babies
22 ноября, четверг: NUDE Майк Пикеринг; Nasty's Mime Act
23 ноября, пятница: The English Menswear Collection
28 ноября, среда: Kane Gang

Декабрь
4 декабря, вторник: Spear of Destiny
5 декабря, среда: Wah
6 декабря, четверг: STYLE IN OUR TIME (hair/fashion event) The Jazz Defektors; Frankie's Angels
7 декабря, пятница: NUDE Майк Пикеринг
8 декабря, суббота: DANCETERIA COMES TO THE HAÇIENDA Марк Каминс
11 декабря, вторник: THE YEAR'S BEST OF THE HOMETOWN GIG
12 декабря, среда: The Durutti Column with The Riverside Orchestra. **Сет-лист:** «Sketch for Dawn», «Sketch for Summer», «Mercy Theme», «A Little Mercy», «Without Mercy Suite», «The Room», «A Silence», The Beggar», «Missing Boy", «Ornithology», «Prayer», «Friends in Belgium'
13 декабря, четверг: Ли Перри
14 декабря, пятница: NUDE Майк Пикеринг
21 декабря, пятница: A NUDE NATIVITY Майк Пикеринг
22 декабря, суббота: ELEGANT PARTY NIGHT
24 декабря, понедельник: HOLY SOAP The Jazz Defektors
28 декабря, пятница: NUDE

29 декабря, суббота: GENDER BENDER PARTY NIGHT
31 декабря, понедельник: (UN)HOLY SOAP The Jazz Defektors

***

ЦИТАТЫ И ФАКТЫ

На мероприятии Style in Our Time в декабре в числе моделей, присоединившихся к Jazz Defektors и Frankie's Angels, был Пол Коне, ставший позже промоутером клуба и организатором новой вечеринки для геев Flesh.

В ноябре в Хасиенде выступали Twentieth Legion. Среди них был Дамиан Лэниган, которого так вдохновил этот опыт, что он решил основать собственный лейбл. Однако передумал и в итоге создал ситком Massive, в котором снимался Ральф Литтл, исполнивший роль Питера Хука в фильме «Круглосуточные тусовщики», и который был посвящен амбициозным ребятам из Манчестера.

Я не мог найти диджея. Они все хотели болтать, работали как запрограммированные. В результате я решил, что могу лучше, и организовал пятничные мероприятия. Это была настоящая смесь музыки от сальсы до северного соула, и это реально сработало».

Майк Пикеринг, djhistory.com

1985. «Не надо было впускать его с этой чёртовой дрелью»

В феврале 1985 года немецкая индастриал-рок-группа Einsturzende Neubauten привезла на концерт пневматическую дрель. На своём выступлении они включили её и принялись сверлить центральную колонну. Толпа, как и мы, была зачарована. Даже если бы горел Рим, мы бы продолжали развлекаться, — никто даже не попытался остановить парня с дрелью. И ничего, что эта колонна держала всё здание. «Давай, продолжай!» — кричали мы.

Я думал, что это уморительно. Но Терри Мейсон был иного мнения, он запаниковал и бросился на парня, чтобы спасти клуб от разрушения. Идиоты, не надо было вообще впускать его с этой чёртовой дрелью. В итоге Терри с помощью вышибал удалось забрать дрель. Группа не стала возражать, и концерт продолжился. На их музыке отсутствие дрели не сказалось. У них было ещё около десятка инструментов в записи.

Одна девушка, крайне эксцентричная завсегдатайша Хасиенды (она приносила с собой набор игрушечной железной дороги, устанавливала её в коктейль-баре и часами в неё играла), решила немного повеселиться, пока группа выступала. Она увлекала музыкантов со сцены по одному, чтобы потрахаться на лестнице. Она перебрала троих, но публика ничего не заметила, такой стоял ужасающий шум. Концерт закончился, когда вокалист сорвал голос и принялся дико орать в микрофон. Наш звукооператор Оззи вышел на сцену и выпнул его. «Я его предупреждал», — пояснил он. Должен признать, что я не фанат их музыки или того, как они преподносят анархию. Но на полной громкости они звучали превосходно. Просто убийственно. Мегакруто. Когда они вытащили отбойный молоток, я подумал: «Вот это зашибись! Кажется, New Order могли бы использовать такой...»

Хотя вечер и закончился для Einstűrzende Neubauten полным запретом на дальнейшие выступления, это был ещё один легендарный концерт в Хасиенде.

Между тем субботние мероприятия Хьюэна Кларка по-прежнему оставались камнем преткновения. В январе название было изменено на простое Party Night, но в апреле его снова поменяли, на этот раз на Body and Soul, Body and Mind. Дни Кларка в клубе были сочтены, и в мае его заменили выступления группы

диджеев и Happy Hooligans.

«Вероятно, руководство считало, что они всё никак не приблизятся к своему Loft или Paradise Garage, и мне пришлось уйти», — рассказал он писателю Тиму Лоуренсу.

Но вечеринка Hooligans — Will Saturday Ever Be — тоже не имела успеха, и Кларка пригласили обратно, но только для того, чтобы играть завершающий сет до конца года. Кларка позже вспоминали с величайшей благодарностью и теплотой, ведь именно он предложил аудитории, ожидавшей исключительно репертуар Factory, более широкий музыкальный ассортимент. Он искренне любил джаз-фанк, но при этом был человеком старой закалки. Он принадлежал к поколению, фанатевшему от Лулу и темы из Thunderbirds, а до клуба уже доходил ветер перемен.

В июне того года играли Jesus and Mary Chain. Их выступление длилось всего тринадцать минут и сопровождалось градом из пивных стаканов. Публика реально норовила раз-снести сцену. Эндрю Перри, присутствовавший на концерте, поделился с писателем Дэвидом Кэваной: «Каждую секунду в воздухе проносились десятки стаканов. В Хасиенде был балкон, поэтому многие стаканы летели с высоты».

При этом Jesus and Mary Chain вернулись в ноябре того же года, вскоре после повторного открытия клуба, когда были починены акустические перегородки. Некоторые вещи в Хасиенде никогда не менялись: было по-прежнему холодно, крыша протекала, а звук не был идеален.

У меня есть записи сотен выступлений, которые я видел в Хасиенде. Я записывал их на первый появившийся кассетный стереомагнитофон. Роб купил нам по одному такому, чтобы мы записывали идеи, и мой оказался на редкость удобным. Именно его я использовал для всех концертов New Order (некоторые звучат потрясающе), просто прикреплял к сцене или к контрольной панели, и запись шла.

Когда в 1985 году Jesus and Mary Chain отыгрывали свой печально известный тур 17 Minutes of Feedback, я подумал: звучит интересно — и обнаружил, что в тот вечер моя смена обеспечивать безопасность на концерте.

Они просили организовать кордон из охранников перед сценой, и я уверяю вас: он им был реально нужен. Играли они дерьмово. Господи, это было правда ужасно. Лу Рид был намного лучше. Выступление длилось ровно семнадцать минут, каждая из которых была мучительной. Весь концерт звучал исключительно фидбэк, как и было заявлено. Это была чистая провокация. Разочаровало меня это выступление. Но уж если вы решились на

подобное, то будьте готовы принять бой, а не ждите, что за вас вступится охранник, получающий десятку за вечер. Я свалил, когда они закончили, забрал охранников и предоставил группу публике.

Тур-менеджер сказал мне: «Я забираю группу. Выносите наше оборудование».

Я ответил: «Дружище, ты сам виноват. Выноси-ка сам свою грёбаную аппаратуру». Как они запаниковали! Манчестер, храни тебя Бог. Никогда не видел, чтобы аппаратуру грузили так быстро. Минута — и они слиняли в свой отель.

Ещё угарно, что на барабанах в тот вечер играл Бобби Гиллеспи, позже основавший Primal Scream. Сейчас я чертовски люблю Бобби и «Праймалов». Одна из немногих оставшихся по-настоящему рок-н-ролльных команд. Родственные души.

В июле в клубе проходила вечеринка Lesbian and Gay Miners' Benefit, в которой, помимо прочих, участвовали Redskins и Пит Шелли. Организатором являлся Пол Коне, это было его первое мероприятие в Хасиенде. В прошлом году он выступал в клубе в качестве модели. Вечер прошёл хорошо. Так что в июне стартовало мероприятие Gay Monday, вновь организованное Консом. В программе была музыка и развлечения в баре Gay Traitor, а также выступление Divine, The Communards, Gina X и Билла Нельсона. Мероприятие положило начало плодотворному сотрудничеству с гей-сообществом.

В отличие от групп Factory, для которых Хасиенда была концертной площадкой, Пол Коне видел в ней театр. Он потрясающе оформил помещение, так что входившие посетители буквально ахали. Этот парень определённо знал, что делает. Его даже отправили в Нью-Йорк, чтобы украсть там идеи для Хасиенды, или «набраться вдохновения», как он сам говорил. Тони это очень нравилось.

1985 год был для New Order переломным. Тогда был издан альбом «Low Life», и дальнейший творческий путь заключался в смешении рока и танцевальной музыки. Песни даже попали в фильм Джона Хьюза «Милашка в розовом», вышедший до установления сотрудничества с Соединёнными Штатами.

Внезапно всё изменилось. Мы подписали лицензионное соглашение с Qwest, отделением Warner Brothers, которым владел и управлял Куинси Джонс. Сам факт свидетельствовал о наших продюсерских навыках. Если раньше наши записи могли быть

только импортированы, то теперь мы издавались на крупном лейбле, что означало мощное продвижение и распространение.

На взлёте нашей популярности мы отправились в первый крупный тур по Штатам. Это был успех, мы впервые заработали какие-то деньги. Это был настоящий экстаз…

Ровно до того момента, как мы узнали, что для оплаты расходов на Хасиенду мы должны немедленно подписать бумаги.

Я хорошо помню тот день. Нас пригласили в офис Кита Тейлора забрать деньги. Ощущение было как перед Рождеством. Полагалось 16 000 долларов каждому. Шестнадцать штук! Впервые нам платила не Factory, а другая компания, впервые мы получили персональные чеки.

Но Роб попросил нас переоформить чеки, чтобы деньги могли поступить на счёт Хасиенды. Дерьмо.

Что ж, мы это сделали. Не думаю, что у нас был выбор, а принять решение было несложно, поскольку оставаться без денег нам было не привыкать. Но всё же было чертовски обидно, что уж говорить о реакции жён.

Уже сейчас я понимаю, что для нас это был луч света: после трёх лет игнорирования всего происходящего мы стали проявлять интерес, начали включаться в дела. Мои глаза тогда потихоньку раскрывались.

До сих пор, как бы странно это ни звучало, мне было вообще всё равно, как и остальным. Мы зарабатывали наши сто фунтов в месяц (плюс некоторые бонусы, когда Роб был благосклонен), продолжали деятельность как New Order, выполняя уйму неоплачиваемой работы на благо Factory. Я продюсировал записи Stockholm Monsters, Royal Family & the Poor и многих других. Барни продюсировал 52nd Street, Section 25 и даже ранних Happy Mondays, а Стив — Red Turns To…, Life и Thick Pigeon. И раз уж у нас хватало ума делать это бесплатно, никто не возражал. Если честно, мы любили музыку и хотели использовать свой статус и новейшее оборудование, чтобы помочь другим и, разумеется, самим набраться опыта.

И это было прекрасно. Только за первые два года существования клуба мы вложили 667 000 фунтов. Это были деньги, вырученные с продажи записей, приходившие на счёт Factory Records. Затем они передавались от Тони к Робу для дальнейших инвестиций в клуб. Не лучшее капиталовложение, не так ли?

Первые три года мы пребывали в счастливом неведении о проблемах. Но когда дела пошли по-настоящему ужасно, настолько, что нам пришлось вложить все концертные деньги, New Order были вынуждены начать интересоваться делами клуба.

Группа стала посещать собрания. Ну, я посещал. Стив и Джиллиан бывали на некоторых, а Бернард приходил только на экстренные совещания, от которых было не отвертеться. После 1987 года он на собраниях не присутствовал.

Первое, что мы поняли в ходе собраний: у нас нет предложений. Никаких. В частности, когда начался этот период коллективного управления, мы узнали, что каждый в той или иной степени устанавливает свою заработную плату. Когда кому-то казалось, что пришло время повысить себе зарплату, он это делал, несмотря на то что Хасиенда, блин, терпела убытки. Когда мы про это узнали, то были просто вне себя. Ради справедливости отметим, что о масштабах убытков не сообщалось.

И подобных историй было великое множество. Внизу установили огромный сейф и из соображений безопасности каждую неделю меняли комбинацию. Для персонала это было слишком сложно, они забывали код и не могли открыть сейф. В итоге деньги приходилось класть в шкафчик с документами, который не мог вместить всю собранную за выходные наличность. Угадайте, куда убрали бумаги из этого шкафчика? В сейф! А кто-то уже успел проболтаться о деньгах в шкафчике, и за выходные его обчистили. А поскольку деньги лежали не в сейфе, они не были застрахованы. Красота.

Стресс в связи с этими событиями никак не повлиял на качество песен New Order. Но мы начинали задумываться, ради чего мы их пишем. Бернард, самый вспыльчивый из нас, говорил: «Зачем мы всё это делаем, если в итоге все деньги идут в Хасиенду?»

Завершив наш тур по Америке и передав гонорар, мы стали задаваться вопросом, хотим ли мы столько вкалывать на благо клуба. Сколько именно? Из десяти лет своих первых продолжительных отношений я провёл в разъездах восемь с половиной, выступая и делая записи по всему миру. New Order всегда отличались тем, что позволяли проблемам накапливаться, вместо того чтобы решать их. В итоге проблемы конкретно разрослись, и мы все в полной мере ощутили это.

Группа никогда не ввязывалась в драки, но иногда я думаю, что, если бы мы позволяли себе время от времени пускать в ход руки, злость бы так не копилась. Даже Стив и Джиллиан, обычно тихие и мирные, не стеснялись в выражениях, если речь заходила о том, во что нам обходится Хасиенда, ведь на счетах у нас всё так же не было денег.

Вы можете спросить, почему мы не уволили Роба и Тони. Нам это не приходило в голову. Несмотря ни на что, мы оставались кучкой раздолбаев, очень терпеливых. Мы участвовали в этом

вместе и не хотели перемен.

В декабре New Order явились в клуб, чтобы сыграть два концерта в один день.

Мы отыграли два аншлаговых концерта — дневной для детей и вечерний. Первый концерт был дан в добрую память о том, как Joy Division выступали в клубе Роджера Игла Eric's в Ливерпуле. Роджер всегда организовывал концерты для несовершеннолетних. Всё было очень продуманно, детям нравилось. И мы решили, что хотим устроить то же самое в Хасиенде.

Персонал Хасиенды в своей типичной манере пропустил на дневной концерт посетителей старше восемнадцати лет — и вышел бардак. Детишек затоптали. А потом наши слишком лояльные в те годы охранники не выпроводили публику с утреннего мероприятия, чтобы освободить место для посетителей вечернего концерта. Бунт разразился на Уитворт-стрит, когда вечерняя публика стала ломиться в клуб.

Ситуация с комитетом управления стала критической. Клуб начал искать опытного менеджера на полный рабочий день, а директора усиленно пытались придумать, как улучшить финансовую ситуацию.

Мы искали способы выбраться из долговой ямы. Ссуды директоров и наши вложения сделали Хасиенду непривлекательной для сторонних инвесторов, поскольку в случае получения прибыли пришлось бы выплачивать займы. Инвесторы отпадали, как только видели балансовый отчёт. Через какое-то время Роб и все участники New Order просто согласились простить долг клуба, который тогда составлял два миллиона фунтов.

У нас не было выбора: мы и не надеялись получить деньги обратно. Тогда в 1985 году Стив и Джиллиан отказались от владения своими пакетами акций, передав их нам. Они хотели быть свободными от компании.

Они так устали, что буквально покинули клуб. На них всё ещё висело личное поручительство по первоначальным займам (ошибкам), но, по крайней мере, они знали, что не нужно больше заниматься делами клуба.

Я их не виню. Мы все сильно переживали из-за того, что случилось с нашими деньгами, и были очень злы. Мы с Бернардом держались молодцами, смотрели на ситуацию оптимистично, надеясь, что всё может закончиться успешно. Тем

более что Стивен и Джиллиан передали нам весьма значительные доли. Разумеется, это не меняло сути дела, но мы чувствовали, что обрели что-то, что мы хоть чем-то теперь владеем. С другой стороны, если бы случилось чудо: обстоятельства бы изменились и появилась прибыль, — мы бы действительно смогли получать больше.

Роб тем временем активно пытался избавиться от личного поручительства. Он знал, что это была ошибка. Мы потратили огромные деньги на юристов, твердивших нам одно и то же: вы не можете избавиться от поручительства, не выплатив соответствующую сумму.

Помню, как просматривал счета Хасиенды. Я всё сосчитал, и получилось, что за первые пять лет существования клуба мы ежемесячно превышали закладываемые на расходы 20000 фунтов...

Помимо этого, в декабре в клубе проходил A Transatlantic Happening, на котором выступали Quando Quango Пикеринга и 52nd Street. Вечеринка была посвящена дню рождения Рут Польски, «королевы Нью-Йорк-Сити», в ней участвовали диджеи Марк Камине и Фрэнк Кэллари. После этого здоровье Роба Греттона сильно ухудшилось...

Он был доставлен в больницу с прогрессировавшим душевным расстройством, в результате чего потерял работоспособность на многие месяцы и имел проблемы со здоровьем всю оставшуюся жизнь.

Полагаю, что управление клубом Тони взял на себя сам. У нас была мысль пригласить нашего американского менеджера Тома Атенсио, чтобы он занимался делами и New Order, и Хасиенды. Но Том не умел управлять клубом. Он честно признался: это его не интересует, плюс он не хочет переезжать, его устраивает жизнь за океаном в Калифорнии. Проблема была в том, что в Хасиенде не было ни руководства, ни денег. Без Роба мы буквально не могли снять деньги со счёта. Сжалившись, организатор Фил Макинтайр помог нам, организовав с Терри Мейсоном три концерта, первый из которых проходил в Уоррингтоне. Он заплатил группе 10 000 вперёд. На эти деньги мы буквально выжили.

При таком раскладе повседневная работа в клубе отошла на некоторое время на второй план...

***

РАСПИСАНИЕ МЕРОПРИЯТИЙ ХАСИЕНДЫ ЗА 1985 ГОД

Январь

4 января, пятница: Майк Пикеринг

5 января, суббота: Хьюэн Кларк

11 января, пятница: Майк Пикеринг

18 января, пятница: Майк Пикеринг

25 января, пятница: Майк Пикеринг

Февраль

1 февраля, пятница: NUDE Майк Пикеринг

8 февраля, пятница: NUDE Майк Пикеринг

11 февраля, понедельник: Milltown Brothers; Midwich Cuckoos

13 февраля, среда: James; A Certain General

15 февраля, пятница: NUDE Майк Пикеринг

22 февраля, пятница: NUDE Майк Пикеринг

28 февраля, четверг: Einstűrzende Neubauten. Сет-лист: «Seele brennt», «Zeichnungen des Patienten O.T.», «Meningitis», «Armenia», "Yű-Gung (Futter Mein Ego)», «Sehnsucht», «Sand», «Negativ Nein», «Letztes Biest (Am Himmel)», «Hor mit Schmerzen», «Tanz Debil», «Die Genaue Zeit», «Abfackeln!'

Март

1 марта, пятница: NUDE Майк Пикеринг

2 марта, суббота: Run DMC

5 марта, вторник: RAW POWER(The Tuesday Night. The Haçienda. The Real Music. The Cramps, Joy Division, Test Dept, Buzzcocks, T-Rex, The Fall, U2, Боуи, Inca Babies, Билли Брэгг, Strongarm и прочий хардкор...)

7 марта, четверг: The Pogues

8 марта, пятница: NUDE Майк Пикеринг

14 марта, четверг: The Associates

15 марта, пятница: NUDE Майк Пикеринг

21 марта, четверг: THE EASTER BALL Baby Go Boom

22 марта, пятница: NUDE Майк Пикеринг

27 марта, среда: The Redskins; Пит Шелли

29 марта, пятница: NUDE Майк Пикеринг

Апрель

8 апреля, понедельник: NUDE Mike Pickering (перенесено с 5 апреля)

12 апреля, пятница: NUDE Майк Пикеринг

19 апреля, пятница: NUDE Майк Пикеринг

25 апреля, четверг: Nick Cave & the Bad Seeds; Sonic Youth. Сет-лист (Sonic Youth): «Halloween», «Death Valley 69», «Brave Men

Run», «1 Love Her All the Time», «Ghost Bitch», «I'm Insane», «Brother James», «Kill Yr Idols»

26 апреля, пятница: NUDE Майк Пикеринг

27 апреля, суббота: BODY AND SOUL, BODY AND MIND Хьюэн Кларк

Май

2 мая, четверг: Xmal Deutschland

3 мая, пятница: NUDE Майк Пикеринг

10 мая, пятница: NUDE Майк Пикеринг

16 мая, четверг: The Colourfield

17 мая, пятница: NUDE Майк Пикеринг

18 мая, суббота: WILL SATURDAY EVER BE? Happy Hooligans

21 мая, вторник: THIRD ANNIVERSARY CELEBRATION (Уже третья годовщина!)

23 мая, четверг: The Explorers

24 мая, пятница: NUDE Майк Пикеринг

31 мая, пятница: NUDE Майк Пикеринг

Июнь

5 июня, среда: Гил Скотт-Херон

7 июня, пятница: NUDE Майк Пикеринг

10 июня, понедельник: GAY MONDAY

11 июня, вторник: THE SUMMER OF LOVE Мартин Прендергаст

13 июня, четверг: The Pogues

14 июня, пятница: NUDE Майк Пикеринг

15 июня, суббота: WILL SATURDAY EVER BE? Чед Джексон

20 июня, четверг: Afro-Caribbean Connection

21 июня, пятница: NUDE Майк Пикеринг

24 июня, понедельник: Пит Шелли

26 июня, среда: Jesus and Mary Chain

27 июня, четверг: War

28 июня, пятница: NUDE Майк Пикеринг

Июль

2 июля, вторник: RAW POWER — RAW MEAT (Только хардкор)

4 июля, четверг: Johnny Thunders and the Heartbreakers (Вечеринка в честь Дня независимости. Объединение под флагом с Johnny Thunder and the Heartbreakers и другие сюрпризы по-американски)

5 июля, пятница: NUDE Майк Пикеринг

12 июля, пятница: NUDE Майк Пикеринг

15 июля, понедельник: GAY MONDAY; The Communards

16 июля, вторник: New Order. **Сет-лист:** «State of the Nation», «Dreams Never End», «Subculture», «This Time of Night», "Your Silent Face», «Love Vigilantes», «Weirdo», The Perfect Kiss», «Face Up», «Sunrise», «Ceremony", «Confusion», «Temptation»

19 июля, пятница: NUDE Майк Пикеринг

25 июля, четверг: Пол Блейк

26 июля, пятница: NUDE Майк Пикеринг

Август

2 августа, пятница: NUDE Майк Пикеринг

9 августа, пятница: NUDE Майк Пикеринг

15 августа, четверг: Playn Jayne; The Stone Roses. **Сет-лист (The Stone Roses):** «Fall», «Heart on the Staves», «So Young», «I Wanna Be Adored», «Here It Comes», «All I Want», Tradjic Roundabout», «Getting Plenty", Tell Me'

16 августа, пятница: NUDE Майк Пикеринг

19 августа, понедельник: GAY MONDAY

21 августа, среда: Джордж Клинтон

23 августа, пятница: NUDE Майк Пикеринг

30 августа, пятница: NUDE Майк Пикеринг

Сентябрь

6 сентября, пятница: NUDE Майк Пикеринг

9 сентября, понедельник: GAY MONDAY *The Life and Times of Harvey Milk* (фильм)

13 сентября, пятница: NUDE Майк Пикеринг

18 сентября, среда: The Pogues

20 сентября, пятница: NUDE Майк Пикеринг

25 сентября, среда: Husker Du; Crime & the City Solution

27 сентября, пятница: NUDE Майк Пикеринг; Latino Beat (Classic Dance-Floor Show Electro/Soul/Funk/Reggae)

28 сентября, суббота: WILL SATURDAY EVER BE?

30 сентября, понедельник: MUSIC AND DANCE FOR LESBIANS AND GAY MEN Лиз Райт; The Fallen Angels

Октябрь

1 октября, вторник: THE SUMMER OF LOVE Little Martin; Мартин Прендергаст

4 октября, пятница: NUDE Майк Пикеринг

7 октября, понедельник: MUSIC AND DANCE FOR LESBIANS AND GAY MEN

8 октября, вторник: FRESHERS' BALL

9 октября, среда: The Fall

11 октября, пятница: NUDE Майк Пикеринг
12 октября, суббота: WILL SATURDAY EVER BE?
15 октября, вторник: Everything But the Girl
18 октября, пятница: NUDE Майк Пикеринг
19 октября, суббота: WILL SATURDAY EVER BE?
23 октября, среда: Primal Scream; Meat Whiplash; Weather Prophets
25 октября, пятница: NUDE Майк Пикеринг
26 октября, суббота: WILL SATURDAY EVER BE?
28 октября, понедельник: GAY MONDAY Микел Браун; The Joan Collins Fan Club; Лиз Райт; The Fallen Angels
31 октября, четверг: Гил Скотт-Херон

Ноябрь
1 ноября, пятница: NUDE Майк Пикеринг
8 ноября, пятница: NUDE Майк Пикеринг
14 ноября, четверг: The Cool Notes
15 ноября, пятница: NUDE Майк Пикеринг
29 ноября, пятница: NUDE Майк Пикеринг

Декабрь
3 декабря, вторник: New Order (два концерта: утренний и вечерний); Happy Mondays. **Сет-лист утренника (New Order):** «As It Is When It Was», «Sunrise», «Face Up», The Perfect Kiss», "Your Silent Face», «Sooner Than You Think», This Time of Night», «Confusion», Temptation», «Age of Consent». **Сет-лист вечернего концерта (New Order):** «As It Is When It Was», «Everything's Gone Green», «Subculture», «Blue Monday», «Lonesome Tonight», «Love Vigilantes», «586», «Face Up», «Ceremony», «State of the Nation»
4 декабря, среда: MANCHESTER POLYTECHNIC CHRISTMAS PARTY(организована студентами при участии их диджеев)
5 декабря, вторник: A TRANSATLANTIC HAPPENING Quando Quango; 52nd Street; Марк Каминс; Фрэнк Кэллари
6 декабря, пятница: NUDE Майк Пикеринг
9 декабря, понедельник: GAY MONDAY
13 декабря, пятница: NUDE Майк Пикеринг
14 декабря, суббота: STREET SCENE
16 декабря, понедельник: GAY MONDAY
17 декабря, вторник: WINTER OF DISCONTENT PARTY
19 декабря, четверг: CITY LIFE PARTY
20 декабря, пятница: NUDE Майк Пикеринг
24 декабря, вторник: CHRISTMAS EVE PARTY
27 декабря, пятница: NUDE Майк Пикеринг
31 декабря, вторник: NEW YEAR'S EVE PARTY

***

ЦИТАТЫ И ФАКТЫ

Года через три после открытия Хасиенды мы поняли, что в Манчестере все выпивают бесплатно. За исключением тех, кому принадлежит выпивка.

Тони Уилсон

1986. «Мы тогда редко дрались, да и то между собой»

В январе 1986 года Нико из Velvet Underground, поселившаяся в Манчестере, дала свой последний концерт. Он прошёл в Хасиенде. Она играла с Faction, а перед ними выступал Эрик Рандом. Вскоре она, вечный первопроходец, отправилась на Ибицу.

Тем временем прибыл Пол Мейсон, в корне изменивший суть клуба. Он сразу взялся за дело.

«[Проблемы были] в больших расходах, — сообщил он писателю Джону Сэвиджу. — Никакого структурированного менеджмента не было. Клуб управлялся комитетом, был полный хаос. К сожалению, у меня была репутация человека, выполняющего грязную работу. Друзей у меня не было. На выходные я возвращался в Ноттингем. И так продолжалось несколько недель. Начал я с того, что объяснил охранникам на входе, что нельзя пить пиво на рабочем месте. Да, всё было настолько плохо. Другие клубы в середине недели были закрыты. По понедельникам и вторникам в клуб приходило человек девять-десять, и это приносило огромные убытки. Я посмотрел на концерты в понедельник и вторник — ив следующие понедельник и вторник мы просто не открылись».

Надо признать, что Алан Эразмус достаточно быстро сообразил, что мы не можем управлять клубом должным образом. Он постоянно настаивал на том, что нужно сменить руководство и пригласить кого-то разумного и имеющего соответствующий опыт. Потребовалось время, чтобы остальные это осознали. Правда глаза колет.

В итоге мы все пришли к тому же выводу, собрались, выперли комитет и пригласили Пола Мейсона. Он управлял клубом Rock City в Ноттингеме (New Order познакомились с ним, когда играли там в 1981 году) и имел репутацию хорошего управляющего, так что Алан отправился в Rock City и поговорил с ним.

Мы были вне себя от радости, когда он согласился: «Вот он-то тут всё и переменит». Спаситель наш.

Он был очень тихим. Во всё вникал. Помню, как увидел его в первый день работы в январе и подумал: «Ну наконец-то! Он такой деловой, думает об эффективности, беседует с персоналом, спрашивает, почему бойлер включён, когда в клубе никого нет: „Включайте за час до открытия клуба, чтобы он прогрелся к приходу посетителей“».

Довольно логично, но никто не задумывался об этом раньше. В отличие от нас, он мог сфокусироваться на деталях. На маленьких таких деталях вроде «почему вы позволяете персоналу воровать?».

Он был менеджером до мозга костей. Настоящий босс. Он производил впечатление важного человека, и все его боялись. Не без причины: он нанимал и увольнял людей как сумасшедший.

Поскольку мы возлагали на него большие надежды, Роб и Тони выполняли все его требования. Они много ему платили, и он того заслуживал. Пол хотел корпоративную машину. Он жил на Динсгейт в ста пятидесяти ярдах от клуба, но они позволили ему выбрать любую. Он выбрал Lancia Delta Integrale 4X4 за 30000 фунтов, один из самых быстрых дорожных автомобилей в истории. Всего лишь для того, чтобы ездить из Динсгейт в Хасиенду? Но они согласились. (Мы были против. Когда члены New Order включились в дела, мы сразу спросили, почему этот парень получил машину за 30000, если он, блин, живёт через дорогу.)

Думаю, что Пол был впечатлён репутацией Factory и New Order и решил, что работа с нами его прославит. С коммерческой точки зрения клуб не был привлекательной затеей.

На более низких должностях стабильности по-прежнему не было. Без постоянных и опытных кадров, на которые можно положиться, ничего не получится даже в бухгалтерии. В одном из годовых отчётов наши бухгалтеры написали: «В прошедшем году подконтрольная компания [Хасиенда] имела высокую текучку кадров в финансовом отделе. Ведение бухгалтерии не соответствовало стандартам. Отсутствовали система надёжного внутреннего контроля и альтернативные способы проверки бухгалтерии».

Иными словами, мы верили в то, что Пол наведёт порядок в наших финансах, но не знали, в какой степени. Мы продолжали двигаться вперёд. Слепо, но оптимистично.

Мейсон познакомился с миром Factory и Хасиенды, побывав на встрече руководителей, в ходе которой Уилсон бросался чипсами в Греттона, после чего оба стали ожесточённо бороться на полу. Учитывая состояние здоровья Греттона на тот момент, это звучит неправдоподобно.

Вернувшийся Роб, к сожалению, был лишь подобием себя прежнего. Он похудел на тридцать килограмм, выглядел и держался как старичок. Он уже не был таким шумным и пафосным, его присутствие ощущалось намного слабее. Он стал

проще реагировать на происходящее вокруг, и нам открылась другая его сторона: он сделался учтивым, тихим и задумчивым.

Акценты сместились, и появилась враждебность к Робу, Factory и Хасиенде: до этого мы только и делали, что косячили. В довершение нас всех решил добить налоговый инспектор.

Всё началось во время нашего тура по США. У Тони не было времени передать Робу полномочия инвестировать в Хасиенду, и тот положил деньги на счёт клуба, не заплатив налоги.

Технически это мошенничество. Деньги сначала перечислялись на счёт New Order, регистрировались и только после этого вкладывались в Хасиенду.

Если перефразировать «Скуби Ду», всё бы обошлось, если бы не один назойливый персонаж.

В итоге инспектор, ответственный за проверку отчислений подоходного налога и государственной страховки, запросил наши бухгалтерские документы, видимо ожидая обнаружить там подделку. Нам сообщили о его запланированном визите, но, к сожалению, о точном времени прибытия стоящему на входе сотруднику известно не было.

В то время у большинства предприятий имелись две бухгалтерские книжки: хорошая белая, которая передавалась налоговому инспектору и куда входили все детали по отчислению налогов, государственному страхованию и прочее, и другая, сверхсекретная книга, в которой были учтены расходы на уборщиков, землекопов, разнорабочих и так далее. Сейчас так, понятное дело, никто не делает.

И вот сидит наша сотрудница на рабочем месте, почесывая задницу, и тут является госслужащий.

Меня там не было, но давайте представим, что на нём была шляпа-котелок, в руках портфель, под мышкой свёрнутый в рулон номер *Financial Times*.

«Доброе утро, — говорит он. — Полагаю, вы меня ждёте, чтобы передать журнал с зарплатами. Я проверю начисления подоходного налога и государственную страховку».

Она подаёт ему книгу. Проблема была в том, что она передала не ту. Невероятная глупость, но её даже не уволили. Думаю, кто-то её «шпилил».

Это происшествие запустило целую цепочку событий. Налоговый инспектор оштрафовал нас согласно разделу 105 Закона о налоговом администрировании 1970 года, определяющего меры в случае налоговых махинаций. Он проверил состояние финансов Factory, New Order, Joy Division и всех причастных людей. Не смог добраться он только до нашего блуждающего огонька Алана Эразмуса.

Инспектор затребовал всю нашу документацию и корреспонденцию. Увидев цифры, проверяющие не поверили, что мы в Хасиенду вложили такие суммы. Они заключили, что мы прикарманивали их и жили как лорды. Они не представляли, насколько мало лично мы получали из того, что зарабатывали.

Так что однажды ко мне домой заявились три недоумка и потребовали впустить их для обыска. Они пересчитали даже инструменты в гараже, перерыли ножи и вилки на кухне, пытаясь обнаружить, куда мы дели деньги. С такой проверкой они побывали у всех нас.

Один из них повернулся ко мне на выходе, явно довольный, что миллионы не ушли на столовые приборы и инструменты Black & Decker.

«Куда делись деньги?» — спросил он озадаченно.

«О чём вы?» — спросил я.

Спустя несколько месяцев я получил ответ. Он думал, что мы тратим деньги на себя, но они все были вложены в клуб.

В итоге с инспектором было покончено, договорились, что деньги, которые New Order вкладывали в Хасиенду, будут считаться расходами по стимулированию сбыта, а не вложением. Мы и наши адвокаты изрядно поработали над тем, чтобы добиться этого заключения, и это был долгий и мучительный процесс.

Таким образом, мы избежали обвинений в мошенничестве. Это радовало: в конце концов, никто не отправился в Стрейнджуэйз[7]. Сколько там платят в день? А дополнительные услуги есть? Минусом было то, что, раз деньги больше не считались вложением, мы не могли иметь их на счету клуба.

Вдобавок ко всему налоговый инспектор оштрафовал New Order и Joy Division на 800000 за неточности в финансовой отчётости. На тот момент это был рекордный штраф.

У нас ушли годы на то, чтобы его выплатить. Отныне мы работали не только для того, чтобы спонсировать Хасиенду, с которой, как вы помните, мы больше не имели прибыли, но и для того, чтобы выплачивать штраф.

Нас это злило, ведь получалось, что мы теперь не работаем на себя и не занимаемся музыкой в своё удовольствие. Было ощущение, что мы вкалываем на налогового инспектора или на чёртову Хасиенду.

Как бы то ни было, на музыке это не сказалось, и некоторые считают, что примерно в это время New Order достигли своего творческого пика. Тони был прав: «Налоговый инспектор оказал вам услугу, дорогуша. Если бы не этот штраф, вы бы играли говно».

Да уж, браво, Тони! У него был явный талант формулировать.

А я взрослел и начинал проявлять интерес к некоторым цифрам.

Или, по крайней мере, пытался. Финансовые данные сбивали с толку, а когда я пытался в это въехать, они не складывались. Например, в документах значились поступления за «записи и CD», которые варьировались из года в год: в один год 42000, а в другой — 49000. Тысяча фунтов в неделю? Это было физически невозможно, к тому же диджеи сами приносили записи. Что за фокусы?

Это было невероятно. Будучи под кайфом, я много болтал в клубе о делах со всеми, кто был готов слушать, но ответов не получал. Мои обдолбанные дружки меня тоже не могли просветить.

Несмотря на продолжительные проблемы с деньгами, не всё в клубе было так мрачно. В то время это было очень спокойное место, даже охранники были любезными. Больше напоминали наставников. Главным был Фред. Милый парень. Не менее милая Жасмин руководила женщинами-охранниками. Тогда проблем почти не было, как и наркотиков. Лишь немного спидов и травки, так что работа у них была непыльная. Они даже выиграли конкурс какого-то журнала как лучшие охранники Великобритании. На всех были пальто кромби, и все отличались особой понятливостью.

Они уволились в 1986 году, когда их сменила фирма Роджера Кеннеди. Он стоял на входе до 1991 года.

Честно говоря, мы тогда редко дрались, да и то между собой. Потом всё изменилось. Подключились уже весь Солфорд и Манчестер.

Другая перемена состояла в том, что эпоха лучших концертов в Хасиенде подходила к концу. Конкурирующие площадки, такие как Free Trade Hall и Apollo, предлагали музыкантам лучшие условия, и группы перебегали к ним. Такая вот преданность.

Было решено, что вечера с диджеями — более экономный вариант. Благодаря этому решению сформировалось не только будущее направление клуба, но и направление клубной культуры Великобритании в целом.

Путь был открыт благодаря вечеринкам Nude. Nude означало «без всего» — и между диджей-сетами не было ничего (или наоборот). Это имело успех. В мае ушёл Эндрю «Марк» Берри. К Пикерингу присоединился Мартин Прендергаст (которого Энг наняла в автобусе по дороге на работу из Чорлтона). Они играли под именем MP².

Оба они живо интересовались новой музыкой хаус, долетавшей до Манчестера прямо из Чикаго: «No Way Back» (Adonis), «Love Can't Turn Around» (Farley Jackmaster Funk), «Jump Back» (Дж. М. Силк), «Rhythm» (Маршалл Джефферсон). Это были самые первые записи музыки хаус, и публика на Nude полюбила их. Танцевальным стилем тогда был «дже-кинг», и танцоры Foot Patrol показывали благодарной аудитории виртуозное шоу. Наркотикам ещё только предстояло появиться в клубах. Во время вечеринок Nude посетители чувствовали перемены в воздухе. Акцент сдвигался с моды на музыку, вместо того чтобы «показать себя», люди приходили повеселиться. Они заявлялись в футболках и кроссовках, здесь можно было заметить что-то, становившееся позже популярным повсеместно. На эти вечеринки приезжали из пригородов участники Happy Mondays, в целом это провозвестило эру гопников, изначально известных как Baldricks (благодаря статье того времени в журнале Ю). Тогда закладывался фундамент политики клуба.

Вслед за Полом Мейсоном вскоре появился Пол Конс, официально отвечавший за пиар. Вместе они изменили судьбу клуба.

В мае Boardwalk DJ, издатель фэнзина Debris и постоянный посетитель Хасиенды Дэйв Хаслам объединились, чтобы организовать Temperance Club по четвергам. С тех пор в Хасиенде проводились два мероприятия, укрепившие её репутацию. На Nude по пятницам пробовали внедрять музыку хаус, а на Temperance Club зарождался феномен мэдчестера.

Во время Temperance Club звучали хип-хоп и электро с уклоном в фанк: Eric B and Rakim, Mantronix, успешные инди-проекты, такие как James and the Railway Children. Были и полюбившиеся альтернативные команды. Марк Э. Смит однажды угостил Хаслама пинтой за то, что тот поставил «Little Doll» от Stooges, а Морриси сидел в будке, задрав нос, когда он ставил Мэна Парриша.

Хаслам раньше писал для New Musical Express и хотел ощутить музыкальный импульс, который, по его мнению, душила музыкальная пресса, сконцентрированная на лондонских проектах и противопоставлявшая альтернативную музыку танцевальной как вещи несовместимые. Он искал что-то стоящее на клубных мероприятиях города. Благодаря Nude и наработкам диджеев ему удалось завоевать аудиторию, в основном учащихся, которые были готовы к смешению стилей. Проводимые по четвергам мероприятия оказались настолько успешными, что Хаслама попросили проводить вечеринки по субботам вместе с Дином Джонсоном, специализировавшимся на северном соуле. Мероприятие получило название Wide и стартовало 19 июля в

рамках фестиваля Tenth Summer.

1986 год был решающим как для Хасиенды, так и для взлёта популярности танцевальной музыки и наводнившего Великобританию безумного мэдчестера. Тогда произошло знаменательное событие — фестиваль Tenth Summer. Изначально оно было посвящено десятилетию музыки панк (с выступления Sex Pistols в Lesser Free Trade Hall прошло десять лет). Фестиваль представлял собой неделю концертов под руководством Factory, финалом которой был концерт в G-Mex. Выступали Fall, The Smiths и New Order, причём последние были хедлайнерами. После этого состоялся концерт Wide в Хасиенде.

«В G-Mex я отыграл «Stoned Out of My Mind» от Chi-Lites и побежал за угол в Хасиенду со своими записями в картонной коробке и гонораром в сорок фунтов в кармане, — вспоминает Хаслам. — Это было начало новой эры».

Наконец-то дела в клубе налаживались. До августа этого года народ приходил в Хасиенду только для того, чтобы послушать группы. Но однажды в пятницу расклад изменился, и народу в клубе стало много. Уилсон тогда находился в Китае и вынашивал планы по развитию клуба. Фестиваль Tenth Summer впоследствии признают вехой, однако на финансовое положение клуба он не повлиял. Измученный организацией фестиваля и удручённый отсутствием видимых результатов, Уилсон думал над тем, чтобы признать поражение. Но когда он позвонил Полу Мейсону, тот сообщил ему приятные новости. Времена менялись.

***

РАСПИСАНИЕ СОБЫТИЙ В ХАСИЕНДЕ ЗА 1986 ГОД

Январь

3 января, пятница: NUDE Майк Пикеринг
10 января, пятница: NUDE Майк Пикеринг
17 января, пятница: NUDE Майк Пикеринг
23 января, четверг: Erasure
24 января, пятница: NUDE Майк Пикеринг
30 января, четверг: Nico and the Faction; Эрик Рандом
31 января, пятница: NUDE Майк Пикеринг

Февраль

7 февраля, пятница: NUDE Майк Пикеринг
14 февраля, пятница: NUDE Майк Пикеринг
17 февраля, понедельник: Gone Hollywood (художественная инсталляция Джереми Керра — до 26 марта)

18 февраля, вторник: The Swans; Gifted
19 февраля, среда: Cabaret Voltaire
21 февраля, пятница: NUDE Майк Пикеринг
27 февраля, четверг: CHANGE
28 февраля, пятница: NUDE Майк Пикеринг

Март
5 марта, четверг: King Kurt
7 марта, пятница: NUDE Майк Пикеринг
11 марта, вторник: Кёртис Блоу
14 марта, пятница: NUDE Майк Пикеринг
21 марта, пятница: NUDE Майк Пикеринг
28 марта, пятница: NUDE Майк Пикеринг

Апрель
4 апреля, пятница: NUDE Майк Пикеринг
5 апреля, суббота: BIG NOISE: MUSIC FOR THE MODERN DANCE FLOOR
11 апреля, пятница: NUDE Майк Пикеринг
12 апреля, суббота: BIG NOISE: MUSIC FOR THE MODERN DANCE FLOOR
15 апреля, вторник: Big Audio Dynamite
18 апреля, пятница: NUDE Майк Пикеринг
24 апреля, четверг: The Blow Monkeys
25 апреля, пятница: NUDE Майк Пикеринг; фэшн-шоу: Rosie Haywood / Armstrong Collins Sharp / Posh Frocks
26 апреля, суббота: DISCO NIGHT Чед Джексон
30 апреля, среда: LATIN QUARTE

Май
1 мая, четверг: TEMPERANCE CLUB Хедд-Дэйв Хаслам
2 мая, пятница: NUDE MP² — Майк Пикеринг и Мартин Прендергаст
3 мая, суббота: BIG NOISE: MUSIC FOR THE MODERN DANCE FLOOR Andy Miller
9 мая, пятница: NUDE Майк Пикеринг; фэшн-шоу: SuKing
14 мая, среда: Jesus and Mary Chain; Pink Industry
16 мая, пятница: NUDE Майк Пикеринг
21 мая, среда: FOURTH BIRTHDAY PARTY
23 мая, пятница: NUDE Майк Пикеринг
28 мая, среда: Art of Noise
30 мая, пятница: NUDE Майк Пикеринг

Июнь

4 июня, среда: Crime and the City Solution; Ghostdance
6 июня, пятница: NUDE Майк Пикеринг
11 июня, среда: Gene Loves Jezebel
13 июня, пятница: NUDE Майк Пикеринг
14 июня, суббота: i-D MAGAZINE PARTY
20 июня, пятница: NUDE Майк Пикеринг
21 июня, суббота: BIG NOISE: MUSIC FOR THE MODERN DANCE FLOOR Rob Day
23 июня, понедельник: Sandie Shaw
27 июня, пятница: NUDE Майк Пикеринг

Июль
1 июля, вторник: Black Uhuru; The Wailers
4 июля, пятница: NUDE Майк Пикеринг
8 июля, вторник: The Alarm
11 июля, пятница: NUDE Майк Пикеринг
13 июля, воскресенье: FASHION: CLOTHING THE NAKED FLESH WITH PLASTIC FLOWERS (фестиваль Tenth Summer, фэшн-шоу)
18 июля, пятница: NUDE Майк Пикеринг
19 июля, суббота: WIDE Dean Johnson; Хедд-Дэйв Хаслам
25 июля, пятница: NUDE Майк Пикеринг
30 июля, среда: Zodiac Mindwarp; MC Evil Bastard

Август
1 августа, пятница: NUDE Майк Пикеринг
8 августа, пятница: NUDE Майк Пикеринг
15 августа, пятница: NUDE Майк Пикеринг
22 августа, пятница: NUDE Майк Пикеринг
28 августа, четверг: TEMPERANCE CLUB
29 августа, пятница: NUDE Майк Пикеринг

Сентябрь
5 сентября, пятница: NUDE Майк Пикеринг
12 сентября, пятница: NUDE Майк Пикеринг
19 сентября, пятница: NUDE Майк Пикеринг
26 сентября, пятница: NUDE Майк Пикеринг

Октябрь
1 октября, среда: Trouble Funk
3 октября, пятница: NUDE Майк Пикеринг
10 октября, пятница: NUDE Майк Пикеринг
13 октября, понедельник: New Order. **Сет-лист:** «Sooner Than You Think», «Bizarre Love Triangle», «Subculture», «All Day Long», «Every Little Counts», «Paradise», «State of the Nation», «Everything's

Gone Green», «Weirdo», «Sunrise», Temptation»

14 октября, вторник: Erasure

17 октября, пятница: NUDE Майк Пикеринг

22 октября, среда: Full Force

24 октября, пятница: NUDE Майк Пикеринг

28 октября, вторник: The Fabulous Thunderbirds

29 октября, среда: RESIDENTS (тринадцатая годовщина группы с участием Snakefinger)

31 октября, пятница: NUDE Майк Пикеринг

Ноябрь

7 ноября, пятница: NUDE Майк Пикеринг

13 ноября,четверг: The Railway Children

14 ноября, пятница: NUDE Майк Пикеринг

21 ноября, пятница: NUDE Майк Пикеринг

8 ноября, пятница: NUDE Майк Пикеринг

Декабрь

4 декабря, четверг: David Mach (художественная инсталляция до 11 января)

5 декабря, пятница: NUDE Майк Пикеринг

9 декабря, вторник: Spear of Destiny

12 декабря, пятница: NUDE Майк Пикеринг

18 декабря, четверг: TEMPERANCE CLUB Felt

19 декабря, пятница: NUDE Майк Пикеринг

22 декабря, понедельник: CREATIVE CIRCLE PARTY

23 декабря, вторник: SOUTH MANCHESTER COLLEGE PARTY

24 декабря, среда: CHRISTMAS EVE PARTY

26 декабря, пятница: NUDE Майк Пикеринг

31 декабря, вторник: NEW YEAR'S EVE PARTY

***

ЦИТАТЫ И ФАКТЫ

Рут Польски была сбита такси перед клубом Limelight в Нью-Йорке 7 сентября 1986 года. В тот день ей впервые довелось стоять в очереди в клуб: там проходил один из первых благотворительных концертов в пользу больных СПИДом, где она делала важное заявление.

С 1979 года до самой смерти она помогала бесчисленным британским группам обрести популярность в Штатах. Всё это происходило благодаря неиссякаемой энергии, с которой она организовывала концерты и прослушивание групп в Hurrah и

Danceteria. Её усилиями состоялся судьбоносный тур Joy Division, а также первый тур New Order в качестве трио. Она помогла The Smiths (которые посвятили её памяти сингл «Shoplifters of the World Unite'), Sisters of Mercy, Cocteau Twins и Echo and the Bunnymen.

5 декабря 1986 года у New Order был благотворительный концерт в Roxy в Нью-Йорке, где мы на бис сыграли «Atmosphere» и «Love Will Tear Us Apart». С момента распада Joy Division песни исполнялись впервые.

Мейсон сказал, что «было полно студентов художественных школ», и я так и не понял, нравилось ему это или нет. Позже он позвонил мне и попросил проводить мероприятие по четвергам в Хасиенде с 1 мая 1986 года. Планировали назвать мероприятие Temperance Club. Я ещё не виделся ни с мистером Уилсоном, ни с мистером Греттоном. Толком со мной никто не поговорил, хотя был разговор с Полом Мейсоном, который сказал, что я могу играть что угодно и что мой гонорар составит сорок фунтов в неделю.

Дэйв Хаслам

1987. «Мне это, должно быть, мерещится…»

Начинался год оптимистично. Во второй половине 1986-го коммерческие показатели клуба росли, а предпочтение (скорее в силу необходимости) по-прежнему отдавалось выступлениям диджеев, а не групп, и это оправдывало себя.

В начале 1987 года в Хасиенде проходили три регулярных мероприятия: Temperance Club по четвергам, где активно формировался мэдчестер, популярное шоу Nude по пятницам, которое проводили Пикеринг и Прендергаст, готовившие город к будущему взрыву популярности музыки хаус, а по субботам — вечеринки Дина Джонса, названные в соответствии с музыкальной политикой Wide.

К 1987 году постоянные туры New Order по Америке полностью себя оправдали и сделали нас ещё более популярными. Мы перешли от клубов к большим залам и собирали больше народу, чем Oasis и Spice Girls когда-либо. Плюс ко всему, мы по-прежнему делали замечательную музыку (за что спасибо налоговому инспектору, как мы помним). Так что должны были начаться счастливые времена.

Но не тут-то было. В личном отношении мы отдалялись друг от друга. Музыка связывала нас, но взаимопонимания уже не наблюдалось, мы ощущали уныние. Отчасти виной тому финансовая ситуация: мы чувствовали себя машинами по заколачиванию денег, работавшими только для того, чтобы вытащить Хасиенду. И нам сильно не хватало Роба. Он, может, и не был самым эффективным боссом, но, как говорил персонаж сериала «Бесстыдники» Фрэнк Галлагер, «он знал толк в вечеринках». Вот этого и не хватало всем, пока он болел.

Робу потребовалось некоторое время, чтобы поправить здоровье, в его отсутствие главным был Тони, который работал с Полом Мейсоном над всеми аспектами клуба. Думаю, что многим это не нравилось. У Тони и Роба были слишком разные идеи, но Роб определённо лучше ладил с персоналом. Он был душой компаний.

В то время я не часто посещал встречи руководства, так как всё время был в турах с New Order, но одна странная вещь, которую я помню, — «финансовый прогноз»: целые листы, исписанные планируемыми цифрами по посещаемости. На бумаге можно написать всё, что угодно, но кто придёт реально — вот

вопрос. Похоже, всё выдумывалось на ходу. Сегодня я понимаю, что ни в коем случае не стоит открывать клуб или организовывать мероприятие, если вы не готовы к максимальным потерям. Но тогда мы убеждали друг друга, что нужно продолжать в том же духе. Мы смотрели на прогнозы (во всех желаемое выдавалось за действительное) и говорили: «Ну что же, совсем неплохо».

Это было похоже на массовый гипноз. Музыка обретает популярность и теряет её. Даже если прошлый год выдался хорошим, это не значит, что следующая неделя будет такой же. Это мы тоже поняли на собственном горьком опыте.

В тот год New Order выпустили компиляцию синглов «Substance», в которую вошли два сингла — «True Faith» и «Touched by the Hand of God» и отправились в тур вместе с Echo and the Bunnymen и Gene Loves Jezebel.

Играя в группе, я посетил много разных мест. Но это ничему меня не научило. Туры должны были расширить кругозор, сделать мышление более гибким, но каждый раз, возвращаясь в Манчестер и в Хасиенду, я с радостью чувствовал, что оказался дома. Я прекрасно знал, где мое место. Мне нравилась стабильность. Мы с New Order путешествовали по всему свету, а потом я приезжал в Хасиенду и находил там своих друзей — словно никогда их и не оставлял. Слава богу. Рок-звёзды отлично умеют ловить двух зайцев. Ты уезжаешь, валяешь дурака по полной, а потом возвращаешься и хочешь тихой и спокойной жизни. Если нас спросить, как прошёл тур, любой ответит: «Спокойно, знаете ли».

Конечно, когда я занялся делами Хасиенды, всё изменилось. Если вы хотите тихой, спокойной жизни, послушайте мой совет: НЕ ОТКРЫВАЙТЕ ЧЁРТОВ КЛУБ.

Одним холодным утром понедельника в марте 1987 года в клубе проходил концерт в рамках Chicago House Party Tour при участии Маршалла Джефферсона, Adonis, Фрэнки Наклза, Кевина Ирвинга и Fingers Inc. Хотя само мероприятие демонстрировало, насколько музыка хаус покорила владельцев клуба и диджеев, нельзя сказать, что оно получило большую поддержку. Однако на вечеринках Nude и Wide этот звук был по-прежнему на первом месте. Хасиенда терпеливо ждала, пока остальной мир поспеет за ней.

Экраны никогда не работали как надо. Думали, что это из-за

сигаретного дыма, так что, когда они окончательно сломались в 1987 или 1988 году, мы навсегда от них избавились.

Они многое повидали. Когда Бесси перестал делать свои неоднозначные инсталляции, мы пригласили Тони Мартина заняться освещением и видео. Он был менее провокационным, чем Клод. Тони очень серьёзно относился к работе. После него пришли два осветителя, Джонатан Ансворт и Марк Смит, известный в профессиональных кругах как Swivel. Они тоже ушли, их сменил Стив Пейдж.

Для видеосъёмки концертов и проецирования на экран был нанят оператор. Поначалу мы отдавали группам кассету с записью бесплатно — это было очень в духе Factory. Именно благодаря этому сохранилась запись выступления The Birthday Party.

У нас оставались записи почти всех концертов, проходивших в клубе, то есть записи выступлений почти всех английских групп того времени. Большинство групп требовали, чтобы мы их стёрли: в первые годы клуба это происходило потому, что им не нравилось видеть своё выступление перед полупустым залом, а позже — потому, что мы начали просить за запись деньги, а группы не хотели раскошеливаться.

К счастью, независимо от требований групп мы не стирали записи. К несчастью для всех причастных, записи исчезли, когда Factory разорилась, а после всплыли в виде изданий левых компаний, которые даже концерты New Order выпускали без нашего согласия.

Так или иначе, когда экраны вышли из строя, мы перестали использовать аппаратуру. По этой причине мы толком не записали ни одного события эпохи эйсид-хауса 1988-1989 годов. Нужно было тоже нанять оператора и снимать всё — сейчас бы эти записи были бесценными. Но нам это в голову не пришло. Думаю, мы были в полном неадеквате. Так что всё, что мы теперь имеем, — это обрывки, несколько новостных сюжетов...

Zumbar возник в октябре 1987 года и обещал «увлекательную смесь живых мероприятий, моды и диско, вечер экзотики и разнообразий». Мероприятие имело испанскую тематику и включало в себя выступления и караоке в баре Gay Traitor. Ведущим был Фред, более известный как техник клуба. На открытии использовалось «колесо фортуны», определявшее цену на напитки. Говорят, что Тони Уилсон повздорил с Полом Мейсоном, когда стрелка трижды указала на «бесплатную выпивку». (Во избежание подобного Фред подвесил на колесо грузик, и на многочасовом испытании «бесплатная выпивка» не выпала ни разу. С Мейсоном

позже всё уладилось.)

Вечеринка стала одним из самых популярных мероприятий клуба, в ней участвовали Джулиан Клэри (как Joan Collins Fan Club вместе с Fanny the Wonder Dog), Джерри Сэдовиц и Фрэнк Сайдботтом. В ноябре состоялось «живое действо» при участии Фила Диггла, выступавшего со своей «живописью действия», результатом чего стали четыре страховых иска, в том числе от Барни. На Рождественских вечеринках выступала Вера Дакворт из ***Coronation Street****. Около недели спустя клуб отметил Новый год «мегафейерверком» и…*

Наши деньги сгорели синим пламенем. Мы, по обыкновению, наняли установщиков внутренних фейрверков. Их работу контролировал Пол Мейсон, распорядившийся разместить установку над главной барной стойкой.

Поскольку был канун Нового года, денег было выручено столько, что их некуда было складывать, и сотрудники начали относить их в каморку позади бара. Когда в полночь забил фейерверк, искры через щели метнулись внутрь и подожгли деньги — все банкноты сгорели.

Я был пьян, но до сих пор помню, как Пол Мейсон, стоя на четвереньках, хлопал по банкнотам, пытаясь их потушить.

«Это вот сейчас серьёзно? — думал я. — Это же, на минуточку, горят все наши деньги. Нет, мне это, должно быть, мерещится».

Мы потеряли около пяти тысяч. Счастливого Нового года!

Я ещё не знал, что этот год именно таким и будет. Может быть, массовая культура догнала нас. Или тот случай с фейерверком принёс удачу. Что бы там ни было, в течение следующих нескольких месяцев всё (повторяю: ВСЁ) изменилось. Для меня, для New Order, для мэдчестера и целого мира.

Появился эйсид-хаус, после чего полным ходом завертелось «лето любви».

***

РАСПИСАНИЕ МЕРОПРИЯТИЙ ХАСИЕНДЫ ЗА 1987 ГОД

Январь

2 января, пятница: NUDE MP2 — Майк Пикеринг и Мартин Прендергаст

3 января, суббота: WIDE Dean; Хедд-Дэйв Хаслам

7 января, среда: TEMPERANCE CLUB Хедд-Дэйв Хаслам

9 января, пятница: NUDE MP2 — Майк Пикеринг и Мартин

Прендергаст

10 января, суббота: WIDE Dean; Хедд-Дэйв Хаслам

14 января, среда: TEMPERANCE CLUB Хедд-Дэйв Хаслам

16 января, пятница: NUDE MP² — Майк Пикеринг и Мартин Прендергаст

17 января, суббота: WIDE Dean; Хедд-Дэйв Хаслам

22 января, четверг: TEMPERANCE CLUB Хедд-Дэйв Хаслам

23 января, пятница: NUDE MP² — Майк Пикеринг и Мартин Прендергаст

24 января, суббота: WIDE Dean; Хедд-Дэйв Хаслам

29 января, четверг: TEMPERANCE CLUB Хедд-Дэйв Хаслам

30 января, пятница: NUDE MP² — Майк Пикеринг и Мартин Прендергаст

Февраль

6 февраля, пятница: NUDE Майк Пикеринг

9 февраля, понедельник: NUDE SPECIAL Mantronix; MP1 Дэйв Хаслам

13 февраля, пятница: NUDE Майк Пикеринг

20 февраля, пятница: NUDE Майк Пикеринг

24 февраля, вторник: Neon (художественная инсталляция Питера Фримана до 24 марта)

25 февраля, среда: Loma Gee; Хедд-Дэйв Хаслам; Паоло Хьюитт

27 февраля, пятница: NUDE Майк Пикеринг; A Prophylactic Party (Дэйв Дейл в мероприятии Gay Traitor, «приуроченном к началу работы автомата по продаже презервативов»)

Март

6 марта, пятница: NUDE Майк Пикеринг

8 марта, суббота: Frank Chickens; Hope Augustus; Sensible Footwear; Joolz

9 марта, понедельник: NUDE Маршалл Джефферсон; Adonis; Фрэнки Наклз; Кевин Ирвинг; Fingers Inc.

13 марта, пятница: NUDE Майк Пикеринг

14 марта, суббота: Wide Art (художественная инсталляция-перформанс Эдриана Мокса)

20 марта, пятница: NUDE Майк Пикеринг

27 марта, пятница: NUDE Майк Пикеринг

Апрель

3 апреля, пятница: INTERNATIONAL AIDS DAY PARTY

7 апреля, вторник: AIDSLINE BENEFIT The Woodentops; Everything But the Girl; Марк Алмонд

10 апреля, пятница: NUDE Майк Пикеринг
17 апреля, пятница: NUDE Майк Пикеринг
24 апреля, пятница: NUDE Майк Пикеринг
29 апреля, среда: Mighty Lemon Drops

Май
1 мая, пятница: NUDE Майк Пикеринг
7 мая, четверг: TEMPERANCE CLUB The Bodines
8 мая, пятница: NUDE Майк Пикеринг
15 мая, пятница: NUDE Майк Пикеринг
20 мая, среда: FIFTH BIRTHDAY PARTY (Rung Fu Night)
28 мая, четверг: Happy Mondays
29 мая, пятница: NUDE Майк Пикеринг

Июнь
5 июня, пятница: NUDE Майк Пикеринг
10 июня, среда: New Order. **Сет-лист:** «Touched by the Hand of God», «Paradise», «Way of Life», «Shellshock», «Ceremony", Thieves Like Us», «Bizarre Love Triangle», «Subculture», «Age of Consent», «Face Up», «Temptation»
12 июня, пятница: NUDE Майк Пикеринг
19 июня, пятница: NUDE Майк Пикеринг
23 июня, вторник: SLEEPING BAG FRESH REVIEW Джойс Симе; T-La Rock; Hanson & Davis; Just-Ice
26 июня, пятница: NUDE Майк Пикеринг

Июль
3 июля, пятница: NUDE Майк Пикеринг
10 июля, пятница: NUDE Майк Пикеринг
17 июля, пятница: NUDE Майк Пикеринг
24 июля, пятница: NUDE Майк Пикеринг
31 июля, пятница: NUDE Майк Пикеринг

Август
7 августа, пятница: NUDE Майк Пикеринг
14 августа, пятница: NUDE Майк Пикеринг
16 августа, воскресенье: The Durutti Column
21 августа, пятница: NUDE Майк Пикеринг
28 августа, пятница: NUDE Майк Пикеринг

Сентябрь
4 сентября, пятница: NUDE Майк Пикеринг
8 сентября, вторник: FRESHERS' BALL Little Martin: the Legendary Stardust Cowboy

11 сентября, пятница: NUDE Майк Пикеринг

17 сентября,четверг: TEMPERANCE CLUB Westworld (художественная инсталляция Эдриана Мокса и Энди Паркина)

18 сентября, пятница: NUDE Майк Пикеринг

25 сентября, пятница: NUDE Майк Пикеринг

Октябрь

2 октября, пятница: NUDE Майк Пикеринг

7 октября, среда: ZUMBAR MEGA OPENING PARTY Elvis (пародист); fashion PA—Vidal Sassoon; Jose & Pedro

9 октября, пятница: NUDE Майк Пикеринг

14 октября, среда: ZUMBAR Joan Collins Fan Club with Fanny the Wonder Dog; fashion PA — Марк Бенедикт

16 октября, пятница: NUDE Майк Пикеринг

21 октября, среда: ZUMBAR Hope Augustus; fashion PA — Aspecto

23 октября, пятница: NUDE Майк Пикеринг

28 октября, среда: ZUMBAR Джерри Садовиц; fashion PA — Тристан Уильямс

29 октября, четверг: TEMPERANCE CLUB Yargo

30 октября, пятница: NUDE Майк Пикеринг

Ноябрь

3 ноября,вторник: All About Eve

4 ноября, среда: ZUMBAR fashion PA — Howl

6 ноября, пятница: NUDE Майк Пикеринг

11 ноября, среда: ZUMBAR Bolo Bolo; fashion PA — Reiss

13 ноября, пятница: NUDE Майк Пикеринг

17 ноября, вторник: Micro Disney

18 ноября, среда: ZUMBAR Philip & Steve Diggle; fashion PA — Akimbo

24 ноября, вторник: Эдвин Коллинз

25 ноября, среда: ZUMBAR The Amazing Orchante; fashion PA — Tailor of Two Cities

27 ноября, пятница: NUDE Майк Пикеринг

Декабрь

1 декабря, вторник: Age of Chance

2 декабря, среда: ZUMBAR Стиви Старр; fashion PA — Woodhouse

4 декабря, пятница: NUDE Майк Пикеринг

9 декабря, среда: ZUMBAR Staircase to Heaven; Франк Сайдботтом; художественная инсталляция Ханны Коллинз

11 декабря, пятница: NUDE Майк Пикеринг

16 декабря, среда: ZUMBAR Tot; fashion PA — Zipcode

18 декабря, пятница: NUDE Майк Пикеринг

23 декабря, среда: ZUMBAR YULETIDE SPECIAL Вера Дакворт; Лиз Дон; fashion shows — Geese / Tailor of Two Cities / Marc Benedict

24 декабря, четверг: CHRISTMAS EVE

25 декабря, пятница: NUDE Майк Пикеринг

27 декабря, воскресенье: ZUMBAR Dead Marilyn (пародист Монро)

31 декабря, четверг: NEW YEAR'S EVE PARTY (и мегафейерверк)

***

Интерлюдия. Одна ночь на Ибице, июнь 1988 года

Отлично — сегодня вечером наше убежище на Ибице посетят Sham 69. Ребята из Хёршема решили записать свой новый альбом в студии, которую мы использовали, — Meditterraneo (прекрасное название для не очень дорогой студии). Таким образом, коммерческая цель совмещается с турне. Безусловно, рекламой послужило то, что в данный момент на студии записываются New Order, готовя материал для альбома «Technique», а раз студия устраивает New Order… Вот только мы оказались недостаточно хороши для неё.

Мы не очень активно работали и не особо много записали. По правде говоря, почти ничего.

Вместо этого я тусовался. Каждую ночь гулял до раннего утра, потом днём отсыпался и опять шёл гулять с новыми силами. В эту ночь будет так же.

Sham 69 приехали, их встретили два владельца студии — настоящие ископаемые от хеви-метала. Представьте себе помесь Status Quo и Judas Priest — и вы поймёте, как выглядели их причёски и гардероб. Они показали музыкантам студию, после чего мы отправились в бар. Там я узнал, что Sham играют концерт в гавани Сан-Антонио, но у них нет звукорежиссёра.

Им стал Питер Хук, большой их поклонник. Ассистировал Эндрю Робинсон.

Нас предупредили, что будет мясо.

И не соврали.

Мы добрались до Сан-Антонио, где выяснили, что Sham 69 будут играть концерт (начало Ibiza Rocks) на большом плоту, спущенном в центр гавани. Звучит отлично. Но проблема в том, что выходить на сцену им ещё очень и очень не скоро (они играют

ближе к утру), а сейчас только девять вечера, что означает, что у нас опасно много времени. Понимаете, о чём я?

Мы пробираемся за кулисы, то есть на большую баржу с баром наверху, а внизу — гримёрные и частный бар. Там мы застреваем до полуночи и убираемся в стельку. Я имею в виду полностью, в мясо. Никто не может стоять на ногах, включая вокалиста Джимми Перси, который донимал меня по поводу кокаина: «Он убивает меня», — мычал он.

А мой друг тем временем зажимал в углу двух владельцев студии. «Вы это пробовали? Попробуйте, сейчас все их употребляют», — говорил он, протягивая им руку.

То, что он предлагал им, в основном и было той причиной, по которой я ничего не сделал за месяцы, проведённые на Ибице. Я сильно к этому пристрастился.

Конечно же, мы читали про экстази до того, как прибыли на Ибицу, но никто не пробовал. До той поры я вообще не употреблял наркотики. Каждый раз, когда мы гуляли по Ибице, складывалось впечатление, что все глотают экстази и отлично проводят время. Все были без ума от него.

Однажды после очередной неплодотворной попытки записаться нас послали раздобыть немного.

Был там парень по имени Пако, который владел баром рядом со студией и когда-то обслуживал Rolling Stones. Ронни Вуд нравился ему больше всех: «Уно грандэ парень: уно грамм, уно дорожка», — говорил он. Пако познакомил нас с дилером по имени Педро, с которым мы близко общались во время нашего пребывания на Ибице. У него была одна рука. Я всё время спрашивал его, что случилось со второй, но его (или мой) английский хромал, поэтому из того, что он говорил, я ничего не понял и так и не узнал эту тайну. Он офигенно смотрелся на мопеде. Сногсшибательно.

Так или иначе, кое-что мы от него получили. Потратили уйму денег, девяносто фунтов без остатка. И вернулись в студию, как тот парень из сказки про волшебные бобы. Как же его звали? Ах да, Джек. Вот только мы потратили их не на корову. Потом я пожалел, что это была не корова, но поздним умом все хороши. Вместо этого мы поползли по своим бобовым стеблям.

Когда мы сказали, сколько это стоит, все потеряли интерес, и мы остались со своими таблетками. Злые-презлые мы вернулись в Сан-Антонио. Немного выпив и успокоившись, я сказал: «Идея. К чёрту всё. Давайте попробуем половину».

Так мы и сделали. Подождали десять секунд. И стоило Энди произнести: «Ну как, ваши действуют?» — мне вдруг приспичило по-большому так сильно, как ещё ни разу в жизни. Как маньяк я

стал носиться в поисках чёртова туалета.

Когда дело было сделано, появилось чувство, будто у меня мотор в заднице. Никогда подобного не ощущал. Это было чёрт знает что. Мы лишились контроля, крышу снесло.

В угаре мы разделились в Сан-Антонио. Я пришёл в чувство часов через десять за пять миль оттуда, в гавани Ибицы. Я сидел на скамейке и смотрел на восход солнца. Одному Богу известно, как я туда попал, но вот смотрю я на море, а из него показывается нечто чёрное. Похожее на перископ. Оно поворачивается — да, это перископ. Сверкающая подводная лодка причалила к берегу. Из неё вылезли матросы и выстроились на палубе. Кто-то свистнул, они ответили приветствием, после чего сошли на берег и промаршировали мимо меня в город.

Это было самое невероятное, что я когда-либо видел.

До сих пор не знаю, какой это был флот, но я подумал: «Чёрт побери, пора домой».

Только мы отдохнули после той ночи, мне страшно захотелось повторить. Как Алиса в Стране Чудес, мы нашли собственную кроличью нору и проводили там всё своё время в тусовках. Мы были приглашены во все клубы: Pacha, Ku, Space, Eden… моим любимым был Amnesia, особенно его терраса на крыше. Мы обходили их все: бары для трансвеститов в Ибица-Таун, клубы, в которых разрешена поздняя продажа алкоголя в Сан-Антонио. Помилуй Господи, мы были везде, во всех уголках острова. Каждое утро повсюду были перевёрнутые машины. Мы арендовали одиннадцать.

Это было нечто. Постоянные каникулы, о которых мы рассказывали потом всем, кроме жён разумеется.

А потом кто-то сказал: «Нам тут так хорошо, почему бы не пригласить Happy Mondays?» Отлично.

Они были нашими друзьями и напоминали противных младших братьев. Иногда я этих паршивцев просто ненавидел, особенно когда они слетали с катушек. Помню, как они разнесли комнату, которую мы арендовали в Birmingham NEC для вечеринки сотрудников Dry. Мы сами там выступали. Я был вне себя от ярости. Мы с Терри собирались вышвырнуть их, но Роб нас остановил. Шон сказал лишь: «Хуки, а уборщики-то на что?» Я даже побледнел. Ну-ну.

Они олицетворяли рок-н-ролл. Как Игги Поп, Ник Кейв и другие, которыми я восхищался. Им было плевать, что о них подумают. На их фоне Пит Догерти выглядел как Клифф Ричард.

Я был очень рад, что они прилетели на Ибицу. С ними был наш хороший друг Гордон «Шеф» («сто сорок небольших заказов, Хуки, одна ночь»). У них было несколько унций спидов, которые

они хотели продать, чтобы окупить дорогу. Они не продали ничего, так как все на Ибице уже предпочитали экстази. После того, как мы познакомили их с Педро, нашим одноруким дилером, их предпочтения также изменились. Остальное — уже история. Последний раз мы видели их уезжающими в двух арендованных нами машинах. В ночь.

Стоит ли говорить о том, что работа над альбомом New Order полностью приостановилась. На самом деле мы даже откатились назад. Нам просто не хватало времени тусоваться и записываться, тем более что каждая ночь приносила свои чудеса.

Например, однажды мы с Энди встретили в клубе Пола Окенфолда и Брендона Блока, как мне кажется (или это был Дэнни Рэмплинт?). Эти ребята увезли с собой Ибицу и эйсид-хаус в Лондон, так что можете представить, какая это была грандиозная ночь. По дороге мы сдружились с двумя парнями из Стретфорда и, когда вечеринка закончилась, предложили довезти их до дома.

Отличная идея — знал бы только кто-нибудь из нас, куда ехать. Мы понятия не имели, но стоило ли беспокоиться о мелочах? Конечно же нет.

Я был в полном неадеквате, поэтому не мог вести машину. Я даже видел с трудом. Энди сел за руль, я — на пассажирское сиденье, а два парня из Стретфорда — на заднее. Мы включили музыку. Вы же смотрели «Мир Уэйна»? Помните, как они пели «Bohemian Rhapsody*? Вот это были мы. Только мы исполняли ремикс с Ибицы в стиле хаус, с битами и гримасами.

Что-то, однако, было не так. Определённо, что-то не то.

«Энди, эй, там что-то», — говорю я.

«Ничё, всё в порядке», — отвечает он. Газ в пол.

«Нет, что-то определённо не так. Но не могу понять, что...»

И хлоп — авария.

Мы ехали по встречной полосе и столкнулись с другой машиной лоб в лоб. Нормальный такой манёвр. Мы с Энди впечатались в лобовое стекло. Клянусь, там была вмятина с очертаниями Питера Хука. Два парня из Стретфорда перелетели через наши кресла, поцарапались о них и все в крови приземлились к нам на колени. Жуть, одним словом.

«Ребята, вы в порядке?» — обеспокоился я.

«Лобовое столкновение с участием New Order!» — хором ответили они. Твою мать!

Никто из нас серьёзно не пострадал. Мы выбежали, чтобы пообщаться с водителем другой машины, который тоже остался невредим.

Только был очень-очень зол. Он оказался таксистом. Одной

рукой он указывал на раздолбанную машину, а другую сжал в кулак и махал им перед нами. Он заливался: «Чиор-ртовы аглицкие свиньи! Ви ехать нье там!»

Я испугался и включил переговорщика: «Прости, чувак. Мне правда очень-очень жаль. Мы всё тебе оплатим. Точно оплатим, мы в группе играем».

Я безнадёжно пытался успокоить его, но он продолжал бушевать: «Аглицкие свиньи. Я полицию вызывай!»

В нашей машине по-прежнему играла музыка, а ребята из Стретфорда танцевали посреди дороги. И Энди с ними. Они делали бит-боксы, колбасились и кривлялись, что почему-то раздражало его ещё больше.

«Ви рразрушили мою карьерр! Мнье детей надо кормить!» — кричал он.

И всё бы ещё ничего, но вдали зазвучали сирены. Ой-ёй.

«Бегите», — сказал я Энди. Я разберусь.

Господи спаси, понятия не имею, каким местом я думал.

Энди и два других парня помчались к кладбищу напротив и спрятались за могилами. Оттуда они наблюдали, как я дожидался полиции. Полицейские прибыли как испанские Старски и Хатч, два реально больших дебила. Через капот они не прыгали, но оба достали дубинки.

Я сглотнул. Один из них встал около машины и пристально наблюдал. Второй, покрупнее, уставился на меня. Затем очень-очень медленно обошёл обе разбитые машины и снова оказался возле меня. Он ткнул меня дубинкой в грудь.

«Вь Испании ми ездим спррава», — сказал он, после чего направился к своей машине, а я только кивал, как полоумный: «Да, сэр. Спасибо, сэр!»

Тут Энди и наши новые друзья решили морально меня поддержать.

«Хуки!» — крикнул один из них, выскочив из-за надгробия.

Полицейские обернулись в сторону кладбища, но никого там не увидели. Они снова посмотрели на меня.

За ними из-за плит высунулись головы моих друзей. Прямо как в той игре с кротами. Жаль только, что кувалды не было.

Я невинно улыбнулся полицейским. В конце концов они решили, что с них достаточно, и уехали, оставив меня с этой безумной аварией. Тогда я метнулся через дорогу и тоже спрятался, наблюдая, как всё ещё злому водителю такси удаётся завести свою машину и как она трогается с дымящимся радиатором. Когда он уехал, мы вылезли с кладбища как зомби «Мэдчестера» и вытолкали наш автомобиль на другую полосу. Ещё одна разбитая машина.

«Пока, ребята».

«Спасибо за прекрасную ночь, Хуки. До встречи в Хасиенде».

Под экстази все становятся твоими друзьями. И в результате, попробовав его однажды, ты пытаешься подсадить на него всех остальных.

Вспомните теперь баржу и моего друга, пытавшегося скормить таблетки двум владельцам студии. «Сейчас все их принимают», — настаивал он. Они, может, и застряли в 1979 году, но не упустили возможности попробовать новые чудодейственные пилюли.Каждый принял по одной.

Первый практически сразу слетел с катушек, решив, что Энди — обезьяна, и сильно испугался. Мы заперли его в машине на время, чтобы он оклемался, но когда пришли его проведать, он исчез. Ну прекрасно. Из второго между тем попёрла гиперактивность.

«Хочу прогуляться обратно», — сказал он мне, дёргая головой и потряхивая волосами.

«Вилла примерно в двенадцати милях отсюда», — говорю ему я.

«Мне всё равно. Я пойду обратно, — настаивает он. — В какой это стороне?»

Я, как и все, убрался тогда в хлам, поэтому указал в противоположную сторону: «Вон туда, дружище». И, усмехаясь, смотрел, как он помчался рысью. Уупс.

Sham 69 не сыграли ни звука, был сущий дурдом. Никто двух слов связать не мог. Но помилуйте, шоу должно продолжаться. Группу отвезли на плот в центр гавани Сан-Антонио, где они и начали выступать.

Однако времени было три часа ночи, и народу — никого. Одному Богу известно, где все находились, но точно не в гавани Сан-Антонио. Там были только Sham 69 на плоту со мной, Энди и техником, пара случайных жертв и, может быть, одна или две собаки.

Разумеется, перед микшерным пультом мы пошли вразнос. Энди переключал все каналы вверх и вопил: «Уууу! Уууууу!» Техник хотел его прибить. Мы так разошлись с настройкой звука, что даже случайные прохожие и собаки убежали, но это было не важно. Когда выступление подошло к концу, Sham 69 были совершенно невменяемы (возможно, в этот момент они выступали на стадионе «Ши Стэдиум»), так что мы бросили их дрейфовать на барже, а сами двинулись в Eden.

Фух.

Наконец-то безумие закончилось.

И началось ещё большее безумие.

Eden — один из моих любимых клубов, публика там просто на ушах стоит. Мы проходим на балкон, откуда виден весь кавардак внизу. Высматриваем знакомые лица. Пако здесь. С ним пара наших новых друзей — трансвестит и лесбиянка, которые всё время проводили вместе. Вдобавок мы встречаем двух ребят, которых до этого видели много раз, — авиадиспетчеров из аэропорта Сан-Антонио. Эти парни сумасшедшие. Говорю вам, настоящие безумцы. Сегодняшний вечер безумен даже по их меркам: сегодня на половине публики макияж, а другая половина переодета в женскую одежду. У них начались выходные, и они празднуют. Завтра они покидают Ибицу.

Мы сидим в Eden в полном неадекват е и болтаем. Скорее кричим, поскольку музыка врублена на всю катушку. Странные и пылкие разговоры на тему того, как чудесны клуб и музыка, как красива Ибица и как прекрасно жить.

Ко мне подходит немец, орёт что-то мне в ухо и указывает в угол, где потише. Я иду с ним, и там он, серьёзно и пристально на меня глядя, произносит: «Это не женщина».

Он показывает на трансвестита. Парень реально зол по этому поводу. Оказалось, что он весь вечер покупал ему/ ей выпивку. «Это не женщина», — повторяет он.

«Да. И что дальше?» — думаю я, но стараюсь быть учтивым, киваю и улыбаюсь.

«Спасибо, что сказал, дружище».

«Это не женщина, это мужчина», — настаивает он.

«Да, хорошо», — говорю я, медленно отступая назад.

Я возвращаюсь к Энди. «Этот придурок только сейчас понял, что это мужчина», — говорю я, указывая большим пальцем в угол.

«Вот этот придурок?» — уточняет Энди.

Я оборачиваюсь. Оказывается, немец проследовал за мной к столику. Он нависает над нами. Надо мной, Энди, трансвеститом, лесбиянкой и переодетыми в женские наряды авиадиспетчерами. Мы смотрим на него. Трансвестит выглядит особенно испуганным. Немец начинает орать на трансвестита.

«Это не женщина», — повторяет он, становясь всё более агрессивным. Но Энди, что удивительно, невозмутим.

Затем всё выходит из-под контроля. Немец принимается швырять разные предметы в трансвестита, бегая вокруг стола, чтобы схватить его/её. Он/она пугается, вскакивает с места и пытается убежать. Проблема в том, что на шпильках особо не побегаешь. Ломается каблук, и он/она валится на землю.

Рыцарь в сияющих доспехах Энди спешит на помощь, помогает ей встать, держа под руку как принцессу или кого-то в этом роде.

«Любовь моя! Любовь моя!» — кричит он, прикалываясь. Немец прекращает швыряться вещами и смотрит на нас как на кучку самых отъявленных уродов, которых он имел несчастье встретить, и ретируется, бормоча что-то себе под нос.

«Любовь моя!» — восклицает Энди ещё раз для верности.

Позже я узнал, что трансвестит работает мясником. Забавно, не так ли?

Так или иначе, мы покинули Eden. И к тому времени к нам присоединился наш однорукий дилер Педро. По непонятным мне причинам задачей Педро было сопроводить авиадиспетчеров на пароход в назначенное время, и мы набились в машины, чтобы ехать.

«На пароход? — спросил я, садясь на водительское сиденье. — Почему мы везём их на пароход? Почему они не летят самолётом, как все?»

Педро наклонился ко мне и сказал, подмигнув: «Кто работает в аэропорту Ибицы, никогда оттуда не полетит. Слишком много инцидентов». И, глядя на этих ребят, я, кажется, понимаю почему.

Отлично. Теперь уже не узнать, говорил он серьёзно или шутил. Надеюсь, что шутил.

И вот ранним-ранним утром наша случайная разношёрстная компания раздолбаев спешит на пароход через весь остров.

И вдруг хлоп — авария. О нет, только не снова.

Дерьмо. Я врезался в ехавшую впереди машину — в которой было полно авиадиспетчеров. Мы останавливаемся. Все паникуют и вылезают из машин. Авиадиспетчеры, всё ещё одетые в женские платья, начинают психовать: у них все шансы опоздать на пароход. Трансвестит и лесбиянка тоже суетятся. Однорукий драгдилер Педро орёт и носится кругами. Мы с Энди хватаемся за головы и пытаемся сосредоточиться. Все вместе, кричащие, обдолбанные, переодетые в женщин, мы устраиваем ни свет ни заря сущее светопреставление.

Внезапно все замолкают. Мы понимаем, что за нами наблюдают. Авария произошла около двух крупных отелей. На другой стороне дороги в ожидании автобусов в аэропорт выстроились сотни туристов с чемоданами. Мамы, папы, их дети, бабушки — нормальные такие туристы. И все смотрят, как мы беснуемся на дороге.

И, Богом клянусь, никто из них ни слова не сказал.

На секунду повисло страшное молчание. Мы уставились на них, они — на нас, разинув рты, как будто мы принадлежим к разным биологическим видам и впервые встретились.

И тогда мы начинаем сходить с ума ещё больше.

Нам нужен другой транспорт. Стоянка такси!

Авиадиспетчеры спокойно едут на свой пароход, а трансвестит с лесбиянкой исчезают. Мы с Энди садимся в последнее такси. Водитель смотрит на меня в зеркало заднего вида и хмурится.

«A dónde vas, Gringo?»

«Studio Meditterraneo, дружище, por favor».

Поехали.

«Сеньор, ми случайно нье знакоми?»

«Нет, не думаю».

«Si, si. Гдье я мог вас видеть?»

И тут до меня доходит. Вот дерьмо! В моём ушибленном и замутнённом мозгу всплывают события примерно месячной давности. Лобовое столкновение, бешеный таксист, выкрикивавший: «Аглицкие свиньи!»

Это был он. Ну, по крайней мере, он ошибся: мы не испортили ему жизнь. Я вжимаюсь в кресло и притихаю.

После этого возвращаюсь на виллу. Там тоже хаос. Один из владельцев студии, помесь Status Quo и Judas Priest, ходил по острову и всем говорил, что он — менеджер New Order. Он вьщелывался, как Роб Греттон, и впутывался во всевозможные неприятности. Он подцепил девчонку, привёз её на виллу, а потом вышвырнул вон из своей комнаты. И вот она бегает вокруг, стучится во все двери и кричит: «Впусти меня, грязный ублюдок!»

«Что случилось, радость моя?» — спрашиваю я.

«Менеджер New Order заперся и не пускает меня. Ты его знаешь?»

Буду ли я запариваться по этому поводу? Нет. Ухмыляясь, я иду спать. Чёрт возьми, вот это жизнь. Не могу дождаться завтрашнего вечера.

1988. «Чудо, что кто-то ещё жив остался»

Проблема была в том, что мы не могли вечно оставаться на Ибице, даже если очень хотели. Мы арендовали студию на конкретное время, и оно подходило к концу.

Перед нашим отъездом прилетел Тони со своим сыном Оливером. Я присматривал за ним, когда Тони уходил по делам. Спустя несколько дней я отвёз их в аэропорт, где по долгу службы ждал, пока они пройдут регистрацию. Они ушли, я помахал им вслед, развернулся и услышал крик: «Хуки!»

Это был Тони. Он вернулся и подозвал меня.

«Да, Тон».

«Это был твой самый дорогостоящий отпуск!» Он сплюнул и ушёл.

Всю следующую ночь мы с Энди провели в Amnesia, совершенно подавленные. Проходя через Ибица-Таун, мы увидели Нико со своим сыном Эри. Они сидели за столиком и пили кофе.

Я сказал Энди: «О нет, это Нико. Сейчас она нам мозг вынесет. Сваливаем». И мы позорно сбежали.

Позже она упала с велосипеда, ударилась головой и на следующий день умерла. Похоже, мы были последними, кто видел её живой. Из тех, кто её знал. Сейчас я сильно жалею о том, что мы сделали.

Тони был чертовски прав тогда в аэропорту. Мы потратили всё время на вечеринки и на восстановление после них, просадили огромное состояние и вернулись в Англию всего с двумя песнями («Fine Time», на которую нас вдохновила ночь в Amnesia, и «Run», написанной под впечатлением от ночи в Сан-Антонио) и шестнадцатью дорожками барабанов (что я могу сказать… Стив всегда был более организованным, чем остальные). И тут же обнаружили что? Что в Манчестере стремительно набирает обороты эйсид-хаус. Декаданс. Абсолютное безумие. Чудо, что кто-то ещё жив остался.

Существуют разные версии насчёт того, как зародилось это направление. Некоторые утверждают, что чикагский продюсер Маршалл Джефферсон и диджей Pierre баловались с басовым синтезатором Roland TB-Bass Line, и машина начала издавать странные булькающие звуки. Звуки, которые впоследствии станут определяющими в эйсид-хаусе.

Согласно другой версии, тот же диджей Pierre открыл этот

звук, когда в его TB-303 сели батарейки. Или, может быть, диджей Pierre и его приятель Спэнки игрались с запрограммированными семплами Roland TB-303.

Ясно одно: некие люди использовали модель 303, объединили её звук с прямым ритмом в размере 4/4 и создали таким образом направление эйсид-хаус.

Также нет однозначного мнения, какой трек может считаться первым в жанре. Либо это «I've Lost Control» от Sleezy D, либо «Acid Trax' от Phuture. Оба проекта продюсировал Маршалл Джефферсон. Из этих двух, вне всякого сомнения, почти двенадцатиминутный трек «Acid Trax» от Phuture получил более широкое признание. Композиция была популярна в клубах Чикаго и Нью-Йорка, но наибольшее влияние она оказала на сцену Великобритании, появившись там одновременно с балеарским направлением с Ибицы и экстази. Чикагский эйсид-хаус способствовал взрыву популярности жанра в 1988 году. Направление уходило корнями как в балеарский бит, так и в Город ветров, у него не было единого источника, оно походило как на культуру хиппи шестидесятых годов, так и на хаус и техно и даже первые инди-проекты вроде Woodentops, Thrashing Doves и Finitribe.

Эйсид-хаус распространялся как лавина. Shoot был открыт Дэнни и Дженни Рэмплинг в ноябре прошлого года. За ним последовали вечеринки Future Пола Окенфолда, которые проводились в Heaven на Чаринг-Кросс-роуд. В январе 1988 года в Shoot придумали поставить на флаеры в качестве логотипа улыбающееся лицо, и с тех пор рожица стала символом для направления эйсид-хауса в целом.

В апреле того же года они вошли в чарты благодаря Theme From S'Express», первому хиту-синглу в жанре эйсид-хаус. В том же месяце открылся Spectrum Пола Окенфолда, ознаменовав начало второго «лета любви». В июне в Astoria был открыт Trip, клуб, ставший впоследствии печально известным из-за спонтанных уличных тусовок, зажигавших каждую ночь после закрытия.

К августу газеты стали печатать статьи об этом течении. The Sun, изначально благосклонно настроенная по отношению к эйсид-хаусу и даже продававшая футболки с улыбающейся рожицей, внезапно передумала и опубликовала тревожный обзор о Spectrum, в котором речь шла исключительно об употреблении наркотиков.

Поскольку запись на Ибице мы очевидным образом не завершили, решено было продолжить процесс в новейшей студии Питера Гэбриэла Real World Studios в Боксе, около Бата. Это была самая дорогая студия в Великобритании — неплохая идея.

Запись альбома осуществлялась в типичном для New Order стиле (то есть обыкновенные любовь-ненависть в одном флаконе. Как проверить студию? Ответ: уберите бас), но нам эта студия нравилась. Она была своего рода Диснейлендом для музыкантов: аппаратура, жилые помещения, персонал, да и всё в целом восхищало. Так что мы решили записывать весь материал там. В итоге Питер Гэбриэл получил от New Order больше денег, чем налоговый инспектор.

Альбом назвали «Technique», и, чтобы отметить окончание записи, мы закатили вечеринку, которую в Уилтшире никогда не забудут.

Роб уже почти восстановил свои силы к тому времени. Не в полном объёме, былой мощи на грани нервного срыва уже не было, но он снова мог работать. Планы на вечеринку оставались теми же — закупиться алкоголем и тысячей таблеток экстази, продать побольше и окупить мероприятие. Мы свезли на него весь Манчестер. Всех постоянных посетителей Хасиенды и Dry, персонал, руководство и так далее. Мы думали, что они протусят всю ночь, потратят деньги и разъедутся по домам.

Два полных автобуса доставили сто пятьдесят маньяков. Пришли все, с кем мы общались, так что вечеринка стала бесплатной для всех. Таблетки, чёрт их дери, были повсюду.

Мы назначили заведовать баром Мишель и Трейси, двух милых девушек, работавших на Real World. Но посетители тупо брали всё, что хотели, и, приплясывая, удалялись с бутылками шампанского в обнимку. Девушки не могли их остановить.

С этого всё к чертям и полетело, так что в итоге получилось как всегда: «Не надо брать за это деньги, слишком много проблем», — и мы раздали наркоту и выпивку. Такой щедрый жест стоил нам тысяч десять.

Сам Питер Гэбриэл надёжно спрятался. Его беспокоило только одного — чтобы охрана работала хорошо. Для этого мы привлекли наших охранников из Хасиенды, которые оцепили место, вроде как поддерживая порядок. И всё.

Но как только начался настоящий угар, о вечеринке прознали, и на её шум стали слетаться славные жители Бата, пытаясь при этом выломать ворота. Большую их часть мы, разумеется, впустили — в тесноте, да не в обиде. Пришедших незамедлительно познакомили с экстази. Они точно слышали о нём, но до нашей вечеринки в глаза не видели. Мы быстро это исправили. Представьте себе манчестерских сумасшедших, бесплатно раздающих таблетки направо и налево. По правде сказать, так и было.

Но это было безумие. Парочки шпилились в вырытых по

специальному заказу Питера прудах, пугая привезённых из-за рубежа лебедей. Они делали это везде, где только могли. Уверен, что многие проснулись наутро с болью в заднице и «дуплом» с пятак, как говорят у нас в Манчестере.

А что же я? Ну, я планировал поехать с утра домой, чтобы увидеть детишек, поэтому рано слинял, проиграл диджей-сет в пустой комнате, всё ещё под кайфом, после чего отправился спать. Позже кто-то разбудил меня и сказал, что один из гостей взбесился. «Ты должен разобраться с этим, Хуки. Это твой приятель». Похоже, только я был в состоянии что-либо сделать.

Оказалось, что мой друг Дилан, проглотивший около пяти таблеток экстази (они же были на халяву), схватил девушку за волосы и приставил пожарный топор к её горлу. Она подняла дикий вой, что вполне понятно. Но все просто проходили мимо. Я посмотрел ему в глаза и понял, что он капитально рехнулся: взгляд был полностью отрешённым. Я забрал топор и отвесил ему оплеуху. «Ты что творишь?» — призвал я его к ответу. Но ответа не последовало, он был не с нами.

Девушка с криками убежала, он тоже исчез. В конце концов он отправился шпилить одну из наших сотрудниц в поле, полное коров и коровьего дерьма. Так, по крайней мере, мне рассказывали.

После такого веселья я снова лёг в кровать и проспал весь угар. На следующий день я проснулся, сел в машину и уехал в самом разгаре вечеринки. А потом вернулся в «Мэдчестер»...

Который был идеально готов к тому, чтобы принять взрыв популярности эйсид-хауса, произошедший в тот год не в последнюю очередь благодаря принципиальному желанию руководства Хасиенды донести до аудитории различные музыкальные стили. Около года спустя звучание Happy Mondays (мэдчестер и бэгги) будет охарактеризовано как смесь Sly Stone и Velvet Underground.

То есть эйсид-хаус не стал для клуба началом новой эры, как это было с Shoom и Future или на юге, где долгое время царил грув. То было почти безболезненное продолжение музыкальной политики, которая действовала с самого момента открытия клуба. Благодаря толковому выбору диджеев, положительному отношению к электро, соулу и хип-хопу, связям с Нью-Йорком, широким вкусам и отсутствию снобизма, клуб не просто откликнулся на революцию рейва, но и создал среду, в которой направление впоследствии развивалось.

И оно действительно развилось. За те недели, что в клуб обильно поступало экстази, каждый вечер был аншлаг. Наконец-то мы пожинали плоды своей открытой музыкальной политики. На

Nude, Temperance Club и Wide клуб был набит битком. Стартовало мероприятие под названием Hot. Guy Called Gerald и Грэм Мэсси из 808 State уже стучались в диджейскую кабинку с только что сделанными записями эйсид-хауса, которые диджеи впоследствии активно ставили. И неожиданно акустика в клубе зазвучала превосходно. «Slam» от Phuture, любимая запись диджея Джона Дейзил-вы, содержала звуки грома и дождя, которые, в сочетании с булькающим саундом эйсид-хауса и сотрясавшими стёкла басами, заполняли пространство, как будто были специально для него созданы. Эйсид-хаус и Хасиенда прекрасно подходили друг другу.

Мне безумно нравился Манчестер того времени. Я переехал в квартиру в Рашолм-Гарденс в Левеншулме. Было ощущение, что все, кого я знал, жили в этом месте. Район был похож на маленькую Хасиенду. А Хасиенда была похожа на маленькую Ибицу.

Когда я вернулся, культура употребления экстази стремительно набирала обороты. Произошли значительные изменения, можно было погрузиться в них целиком, а можно было остаться в стороне. Кто-то из нас пристрастился к новому препарату, кого-то не увлекло, так что в процессе мы потеряли немало старых знакомых.

Я был из тех, кто погрузился с головой, и тусовался сутки напролёт: либо в Хасиенде, либо на вечеринках, проводимых в складских помещениях местными бандами. Экстази было доступно, и я хотел познакомить с ним всех, даже девушку из магазина на углу. Я реально верил, что мы нашли лекарство для всего мира. Тони Уилсон тоже так думал. Он повторял: «Если весь мир скушает экстази, мы все будем в порядке». А мы повторяли это за ним.

Но всё же надо сказать, что я всё время хотел получить ощущения, как от первого опыта. Он обычно неповторим. В этом отношении экстази похоже на мет, кокс, крэк и героин. После первой дозы вы больше никогда не получите того же наслаждения. Все последующие разы не идут в сравнение, и, чтобы хоть приблизиться к тем ощущениям, нужно повышать дозировку, но тогда последствия могут быть необратимыми, а цена слишком высокой. Осторожнее с этим.

Экстази изменило мою жизнь. Горизонты стали шире. Как сказал Тони Уилсон, под экстази даже белые люди стали танцевать. Он был прав. Я танцевал. Внезапно я почувствовал, будто мир изменился, и мне нравились эти изменения. Ещё одна причина, по которой я так страстно увлёкся всем этим, — моё отдаление от группы. Я хотел уйти, мысленно отстраниться от

них.

Вот одна из моих любимых историй того времени. В день своей свадьбы мой друг и его шафер обнаружили, что на вечер у них ничего нет. Наведались к дилеру, но у того тоже было по нулям.

«Но есть у меня таблетки из Амстердама, — сказал он им. — Называются экстази. Я сам ещё не пробовал. Хотите пару?»

Мой друг, к тому времени выпивший пару-тройку пинт, ответил: «Да, неси. Попробуем».

Подъехав к церкви, он и шафер решили принять по таблетке перед тем, как войти внутрь. Следующее, что жених помнил, — кладбище, где он и его шафер лежат на могильных плитах, держась за руки, смотрят на облака и объясняются друг другу в любви, а отец невесты трясёт его, пытаясь привести в чувство. Полный неадекват.

Экстази действовало так не на всех. Но оно определённо отличалось от всего, что мы пробовали до этого. Раньше, когда говорили «убраться в хлам», то имели в виду пиво и спиды. Теперь это означало экстази.

Но длилась эта благодать недолго. Когда полиция стала тщательнее контролировать оборот экстази, качество продукта снизилось. Зачастую от таблеток можно было только заболеть, в лучшем случае вам подсовывали таблетки от глистов для собак. Один парень в закутках Хасиенды продавал под видом экстази и ЛСД «Нурофен», обёрнутый в промокашку. В конечном счёте его поймали и осудили так же, как за настоящую наркоту.

Местной забавой Солфорда стало подмешивание таблеток в напитки. В Swan уже нельзя было оставить свой бокал без присмотра, приходилось брать его в туалет, иначе кто-то мог пошутить и подкинуть туда таблетку экстази. Это происходило всё время (и сейчас происходит. Кто-то подколол меня так на сороковом юбилее Мэнни. Эффект длился три дня. Сукины дети).

Мой друг Твинни постоянно так шутил. Мы всё время с ним из-за этого ссорились. Однажды в клубе он подкинул таблетку нашему американскому менеджеру Тому Атенсио. Зал гудел, это был одно из мероприятий в период пика популярности эйсид-хауса. Мы сидели с ребятами из Солфорда, и тут появился Твинни. «Эй, Том, таблетку не желаешь?»

«Нет, дружище, спасибо», — протянул тот с калифорнийским акцентом и вернулся к разговору с кем-то.

Но стоило ему расслабиться, Твинни снова: «Эй, Том!», — и как только Том обернулся, Твинни забросил ему таблетку. Том громко закашлял, поперхнулся, но таблетку проглотил.

«Вот же ублюдок», — подумал я, а все остальные стали

истерично ржать.

«Мать твою, ты что творишь!» — заорал Том. Он был недоволен, но не пошёл проблеваться, как я ему посоветовал. Храни его Бог, он решил ничего не предпринимать.

Я ждал… Нужно немного времени.

Становилось всё интереснее. Спустя примерно полчаса я спросил: «С тобой всё в порядке?» «Да-да, всё прекрасно», — ответил Том, но его голос становился громче.

И громче. И ГРОМЧЕ.

Внезапно он забрался на стол, стал свистеть и орать: «Давай, Манчестер! Уууууу!»

И вот это уже было смешно. Жестоко, но смешно. Сами мы настолько привыкли к экстази, что на нас оно уже не действовало, но Том реально слетел с катушек. Как безумный он стал носиться по клубу. Наконец вернулся с девчонкой, и я не шучу, она была не красавица, но он активно её лапал. Девушка повернулась и спросила: «Кто это, блин, такой?»

«Который? Том?»

«Да, он только что сказал, что увезёт меня в Голливуд и сделает звездой».

Видимо, Том обежал всю Хасиенду, всем признался в любви и всех обещал сделать знаменитостями. Забавно, что это же он сказал и мне. В конце концов я притащил его в отель и оставил танцевать в углу.

Твинни проделал тот же номер с ещё одним гостем из США (к слову об укреплении англо-американских отношений), с нашим бухгалтером Биллом. Этот ублюдок был очень метким, ему бы в дартс играть. Реакция Билла была примерно такой же, как у Тома, с тем лишь отличием, что он преследовал девушек по всей Хасиенде и трепал их волосы. Один из охранников вышвырнул его за такое омерзительное поведение.

В творческом плане все наркотики, включая экстази, действуют на меня одинаково. Я не могу сочинять музыку. Когда я под кайфом, то ни хрена не могу. Так было всегда. Я способен лишь пойти в паб, а там микшерных пультов нет. Они бы телику мешали.

Если вы правда хотите знать о влиянии наркотиков на музыкантов, то посмотрите на нас. Группа начинает употреблять — и качество музыки снижается.

Всё это происходило под музыку эйсид-хаус. Для меня это направление было новым панком: та же эстетика DIY («сделай это сам»), та же свобода выражения. Технологии позволяли людям писать музыку прямо в кровати, что было просто замечательно, как возвращение к панк-року с его принципом «все так могут». И

мне это нравилось.

Разница в том, что панк был агрессивен: борьба с миром, анархия, шок и разочарование. Эйсид-хаус ничего не отвергал. В его основе были мир и любовь.

Диджей Грэм Парк впервые выступил в Хасиенде в феврале 1988 года. Он играл в Garage в Ноттингеме, ещё одном месте сосредоточения музыки эйсид-хаус. Парк являлся частью Northern House Revue и мог наблюдать рост популярности музыки хаус в Манчестере. После появления экстази всё стало происходить быстрее. Парк встретился с Пикерингом на фотосессии для журнала в связи с активно развивавшимся феноменом музыки хаус, и был ещё раз приглашён в клуб, чтобы заменить Пикеринга в июле.

«Разница просто поражала, — вспоминает он. — Было ощущение, что произойдёт что-то действительно интересное».

На его глазах клуб достиг своего пика в последующие два месяца. «Если в июле было дико, то в августе и сентябре — просто изумительно, невероятно».

Тогда стали появляться легендарные очереди в Хасиенду. «[Клуб] был полон каждую пятницу с открытия и до самого закрытия, — вспоминает Парк. — Мы с Майком приезжали в половину девятого, а у дверей уже была большая очередь. В девять мы открывались, и народ бежал на танцевальную площадку. Никогда не видел ничего подобного. В клубе была стеклянная крыша, и в летние ночи первые часы было светло, а когда люди выходили из клуба, уже светало».

«Экстази стремительно, как мексиканцы, проникло в клуб за три недели, — говорил Пикеринг журналисту The Observer. — Я мог остановить запись, поднять руки в воздух, и всё бы взорвалось. Клуб разлетелся бы на куски».

«Это был совершенно новый опыт, — сообщал в The Observer диджей и журналист Джон МакКриди. — Было ощущение, что целое поколение вздохнуло с облегчением, освободившись от давления и контроля. Мешковатая одежда целиком лишала обстановку сексуальности. Жар от двух тысяч танцующих, в том числе в баре и в очередях в туалеты, усмирял все желания. Мы все выглядели дерьмово. Взявшись за перила на балконе над танцевальной площадкой, можно было почувствовать осевший на них конденсат от пота. Когда музыка выключалась, всё резко менялось. В комнате сразу становилось холодно, поскольку двери распахивались настежь, и публику выпроваживали на выход. Назад к суровой реальности. До следующей пятницы. Всё действо вызывало большее привыкание, чем наркотики. Хотелось, чтобы

это продолжалось вечно».

В то лето самыми масштабными мероприятиями Хасиен-ды были Nude, Zumbar и новая вечеринка Hot, которую Пол Коне проводил по средам. Темой была Ибица. На полу танцевальной площадки устраивали бассейн и предлагали посетителям бесплатный замороженный сок. Согласно одной из легенд, именно благодаря Hot Тони Уилсон убедился, что будущее за танцевальной музыкой.

Тони сыграл важную роль в продвижении направления эйсид-хаус. В этом он видел свою работу, которую выполнял превосходно. Мартин Хэннет всегда называл его «эта долбаная говорящая голова Уилсон». Он считал, что Тони ничего не делает, только наслаждается всеобщим вниманием. Если спросите моё мнение, то, думаю, Мартин ошибался относительно первого, но был прав насчёт второго. Помню, как Тони назвали самым активно путешествующим руководителем. Кто-то подсчитал, что он потратил около трёхсот тысяч фунтов, облетев земной шар десять раз — как сказал Роб, ловко, но совершенно, блин, бесполезно.

При этом Тони сохранял карьеру на Granada TV. Он осознавал силу средств массовой информации и воспринимал их как инструмент. Он знал, что СМИ любят номинальных руководителей, и решил примерить эту роль на себя: стать лицом Factory, Хасиенды и Манчестера и вещать от их имени. Причём он много болтал, но с группами общался мало. Он открыто считал музыкантов тупыми, поэтому, если в Хасиенде начинались проблемы, он не утруждался позвонить и спросить моего мнения. Он даже не просил Роба поговорить с нами. Он не понимал, почему тот хочет, чтобы New Order тоже принимали участие в делах, поскольку в его представлении мы были просто инвесторами.

Мы не были близки настолько, как бывают близки друзья, выпивающие вместе. Я часто его видел, но общаться с ним было невозможно из-за того, что он долбаной секунды не мог усидеть на месте. Он стремился всё успеть. В Хасиенде Тони никогда не задерживался больше часа. Но в глазах общества мы все вместе жили на верхнем этаже клуба и были не разлей вода. Очень сильное заблуждение. Он заходил в клуб, делал то, что ему было нужно, и сразу уходил. Он говорил: «Не ждите, что я появлюсь, когда вы захотите. Но когда я буду вам нужен, я приду». И, храни его Господь, так оно и было. Я до сих пор уверен в этом.

Поначалу Тони не поддерживал хаус. Он не видел перспектив для этой музыки. Майк Пикеринг принёс на Factory запись Black

Box, надеясь заключить контракт на «Ride on Time», но Тони отказал им, решив, что тут что-то не так. Проекты в стиле эйсид-хаус не были группами в привычном смысле, там не было постоянного концертного состава, и Тони это не нравилось. Разумеется, «Ride on Time» попала в чарты во всём мире. Ещё один грандиозный и при том упущенный Тони шанс. Точно так же он не подписал контракт с The Stone Roses и The Smiths, когда была возможность. В итоге Джеймс перешёл на другой лейбл. Отношение Роба было совершенно противоположным. Его подход к работе в Хасиенде заключался в том, чтобы меньше болтать и больше делать, предоставляя право выбора публике. Слава его не интересовала, в отличие от менеджера Led Zeppelin Питера Гранта или того же Тони. Роб предпочитал оставаться в тени.

Они были полными противоположностями друг друга, и я думаю, что нам повезло с ними обоими: Роб общался с музыкантами, а Тони занимался рекламой, распространяя информацию на весь Манчестер.

С ростом Хасиенды росло и влияние Factory. Многие группы стремились заключить контракт.

У Factory был большой ящик из-под чая, полный демо-записей, которые никто, кроме Фила Сакса, ответственного за подбор групп, не слушал. А в Хасиенде была куча мик-сов от диджеев, желавших выступить. Никто из них не выбился в известные исполнители, но тем, чьи записи звучали хорошо, давали возможность выступить на вечеринке или даже на выходных. Другие записи Энг Мэттьюс отправила в тюрьму Стрейнджуэйз, чтобы у заключённых была новая музыка. Кое-что из этого я слышал. Бедолаги, как будто тюрьмы для них мало.

Разумеется, Майк не ошибся относительно Black Box. Им с Грэмом нравилось фортепиано, вокал и итальянский хаус. Меня ничего из этого не зацепило — слишком уж однообразное звучание, но многие ассоциируют то время именно с итальянским хаусом, точно так же как для многих других это связано с The Mondays или даже Лулу. Каждый помнит что-то своё. В Америке Хасиенда известна по фильму «Круглосуточные тусовщики». Там клуб соотносят с рождением мэдчестера, с музыкой Happy Mondays или The Stone Roses, но не с танцевальной музыкой хаус. Всё зависело от того, какие мероприятия вы посещали и какие диджеи вам нравились.

Я, например, ходил на все и действительно чувствовал себя как дома.

Мне нравилось наблюдать за всем из диджейской кабинки. Она стала одним из моих любимых мест, откуда можно было наблюдать клуб во всей красе. Я заходил в бар, забирал свой

спецзаказ и шёл в кабинку любоваться развивавшимся безумием. Во время самых удачных мероприятий я забывал обо всех проблемах. В этом был огромный плюс: не важно, как плохо обстояли дела днём в четверг на встрече директоров — как только я заходил в Хасиенду на следующий вечер, меня охватывало волшебное чувство, и продолжалось, пока действовали наркотики. А после я снова чувствовал себя дерьмово.

В понедельник утром мы под присмотром вооружённой охраны складывали все заработанные деньги в многочисленные коробки, которые потом загружали в фургон Securicor — он вёз наши деньги в банк, где они исчезали: нужно было заплатить налоги, рассчитаться с займами и покрыть ежедневные расходы. Мы жили ради этой атмосферы ночи, каждый раз случалось что-то новое, происходили новые истории. Помню, как во время летнего тематического мероприятия Hot лопнул расположенный в зале бассейн. Смешно тогда было. Пол Конс позаимствовал некоторые фишки из клубов на Ибице, например популярные вечеринки с мыльной пеной. Его умение создавать грандиозную обстановку помогло нам выйти на новый уровень. В то время как мы думали о том, чтобы потратить деньги на диджеев, он направил средства на украшение здания. Конфликта интересов тут не было, наоборот, мы прекрасно дополняли друг друга.

Вечеринки Hot проводились всего одно лето, однако они запомнились как одно из ключевых мероприятий для рейва. Пол Коне задумал их после того, как посетил в Лондоне Shoom и Future. Там было обильно представлено всё, что мы сейчас ассоциируем с эрой эйсид-хауса: сумасшедшие танцы, гироскопы, флуоресцентные кулоны и фруктовый лёд. В клуб закачивались густые пары сухого льда, в свете прожекторов это давало эффект неземного сияния. Руки танцующих будто поднимались из тумана. Ещё более важно, что в Хасиенде впервые появились подиумы для танцев. Мероприятие Hot полностью соответствовало своему названию: вечеринки были насыщенными, информация о них распространялась быстро, и это пошло на пользу другим мероприятиям — Nude и Temperance Club. О такой популярности клуба мы даже не мечтали. Очереди огибали здание на Уитворт-стрит, и в них, дабы не давать ожидающим заскучать, бесплатно раздавали фэнзин.

Не всё было гладко. В статье в Guardian менеджер Пол Мейсон вспоминал про бассейн для вечеринки Hot, который остался полон воды с предыдущей ночи: «…А вечером у нас чёртов концерт, так что нужно было как-то быстро опустошить бассейн. Днём пришёл Питер Хук и сказал: "Я знаю, что делать. У моих детей есть точно

такой же бассейн, только меньше. Нужно просто вытащить один бортик, так намного быстрее". Что-то пошло не так, и тонны воды устремились к грузовой двери. В этот момент мимо клуба проходила бедная старушка с тележкой. Её смыло и пронесло ярдов триста по дороге».

Все вспоминают золотой период Хасиенды как волшебное время. Возможно, потому что многие потом остепенились, создали семьи. Лето 1988 года было очень солнечным. Посетители клуба считали, что они на шаг впереди всех. В этом отношении то же самое было с панк-роком в Манчестере: все хотели побывать на том первом концерте Sex Pistols в Lesser Free Trade Hall. Factory насаждала деление на «наших» и «не наших», что, в свою очередь, делило людей на инсайдеров и аутсайдеров. Если вы пережили тот период, то вы прочувствовали, насколько он был захватывающим.

Правда, опыт с Хасиендой не должен быть чем-то исключительным и прикольным. Если оставить в стороне мифы об этом месте и об этом времени, остаётся уникальная музыка. Стоит почувствовать эту коллективную энергию. Дух эпохи и песни продолжают жить.

Если вы были там, то всё это занимало важное место в вашей жизни. Сколько детишек могли бы приуныть, узнав, как их мамы и папы отрывались в клубе по полной? Мне нравится фантазировать на тему того, как эти родители предаются воспоминаниям в духе: «А помнишь, дорогая, как мы ходили в Хасиенду и ужирались там?» С ума сойти... А ведь с моими детьми именно такая история.

Мы регулярно, постоянно наслаждались экстази и рей-вами с кучей народу, завтрашнего дня просто не существовало. Пойти домой означало признать поражение. Мы все хотели больше танцев, музыки и/или больше наркотиков. Больше, больше, ещё больше...

И это странно, поскольку более поздние исследования показали, что наркотики принимала меньшая часть посетителей Хасиенды или любого другого клуба. Вычислили, что даже на пике этой эпохи наркотики употребляли десять процентов аудитории (полагаю, что это были диджеи, охранники, наши друзья и основной штат). Это означало, что остальные девяносто процентов были просто пьяны или под кайфом по жизни, даже если не признавали этого. Ещё один миф развеян. К тому же тогда наркотики было трудно достать. Нужно было знать надёжных поставщиков. У «цивилов» сложилось полностью искажённое представление о Хасиенде.

В ноябре New Order выпустили трек «Fine Time» — первый сингл группы в стиле эйсид-хаус и очень популярный во всём мире хит. Он олицетворял любовь группы к новой танцевальной культуре, благодаря ему New Order получили репутацию музыкантов, идущих в ногу со временем. Репортёры и публика всё больше ассоциировали группу с клубом. The Stone Roses также заявили о себе выпуском в октябре одного из наиболее значимых синглов эпохи «Elephant Stone» (продюсером которого был Питер). В то же время Happy Mondays выпустили свой второй альбом «Bummed», который был провозглашен роковым эквивалентом эйсид-хауса и воплощал если не звук (который можно было услышать на ремиксах), то дух этой музыки. Поскольку запись имела определённые черты рока, она была легко воспринята посвященной инди-музыке прессой. Любители инди получили ещё одну возможность приобщиться к танцевальной музыке. Выход альбома стал одним из ключевых моментов в формировании звука мэдчестера. И всё это великолепие ассоциировали с Хасиендой, продолжавшей приобретать репутацию самого клёвого клуба не только в Великобритании, но и во всём мире.

Поток наличных денег наверняка был огромным. Господи, три мероприятия в неделю х 2000 людей х 10 фунтов с человека за вход + 15 фунтов, которые каждый тратил на выпивку, да ещё плюс гардероб и еда...

Вот только на выпивку уже столько не тратили.

После появления экстази публика перестала пить, алкоголь её больше не интересовал, поэтому руководство клуба стало извлекать прибыль из продажи воды в бутылках по завышенной цене. Но Роб считал, что вода в бутылках от лукавого, он предлагал раздавать воду бесплатно. Немного легкомысленно, согласитесь. Но с другой стороны, как же колбаситься со стаканом воды в руке?

Сюзанна с кухни быстро это усвоила и стала сама продавать бутылки с водой сотнями по два фунта каждую.

Она смеялась над нами и спрашивала: «Почему вы-то их не продаёте?»

Таким образом, она заработала целое состояние, выдержав прямую конкуренцию с баром. Робу это было известно, но ему было всё равно. Посетителям могло казаться, что это руководство клуба продаёт воду в бутылках, но Роб-то знал, что это не так, он оставался верен своим принципам.

До этого Сюзанна какое-то время исполняла диджей-сеты (она была первой девушкой-диджеем в Манчестере). А в качестве

управляющей кухней она последней попыталась заставить её приносить прибыль. Ничего не вышло. Она арендовала у нас помещение, но никогда не платила за аренду. Ни разу за пятнадцать лет, как она с гордостью вспоминает.

Все думали, что она прикалывается, но больше никто бы не пошёл работать на кухню — по той простой причине, что это не приносило денег. Нам было нужно, чтобы кухня работала вечером, так как иначе нам бы не дали лицензию, позволяющую работать в позднее время. Другими словами, мы предоставляли полное меню, но заказывали у нас только чипсы. Сюзанна продала больше Rizlas, леденцов, жвачек и бутылок с водой, чем приготовила еды. Кому была нужна эта еда?

Если Сюзанна с кем-то ссорилась, то на кухню этот человек больше не попадал. «Отвали, блин! Отвали, я сказала!» — говорила она, отказываясь что-либо обсуждать.

Много раз я стоял под дверью и умолял, чтобы она впустила меня отлить. Она управляла кухней как клубом внутри клуба, куда были свои правила прохода.

Мы вздорили по пустякам. Однажды я зашёл на кухню за наркотиками. Она сказала: «У меня есть немного спидов, но они реально сильные. Аккуратнее с ними».

«Да, да, отвали, Сюзанна», — ответил я.

Она дала мне свёрток с чем-то под названием Pink Champagne. И оно действительно было розового цвета. Я занюхал большую дорожку («я ещё покажу ей»), после чего не спал четыре дня. За это время я до мельчайших деталей изучил свой потолок. Она загибалась от смеха, каждый день звонила мне и спрашивала, как я себя чувствую. «Я же, блин, тебе говорила, свинья ты жадная». У нас правда были особые отношения.

Оставалась ещё одна причина, по которой я захаживал на кухню: помните, я упоминал, что туалеты в Хасиенде были никудышными. Проектировщики потратили так много на балкон, пластиковую стену, арки и подобную чушь, но никому не пришло в голову, что в клубе, способном вмещать, согласно лицензии, 1200 человек, туалетов должно быть больше, чем четыре мужских и восемь женских. Мы же впускали 2000 посетителей, поэтому сортиры всё время переполнялись, а посетители ходили по щиколотку в дерьме. Это было ужасно, но зато появилось устойчивое выражение «штаны из Хасиенды». У вас обязательно должны были быть такие, иначе вы не могли считаться полноценным участником нашего Действа.

У нас была масса проблем из-за этих очередей в туалеты. О них ходили легенды, связанные с разборками. Столько посетителей упарывались в кабинках, что по большой нужде туда

невозможно было попасть (порочный круг: наркотики же и вызывали эту самую нужду). Хоть разорвись. Это был кошмар с самого начала. Кабинок просто не хватало. Многие годы мы пытались это исправить, но не могли себе позволить. Сегодня вам просто не разрешат открыть клуб, в котором так мало туалетов.

Бывало, страсти накалялись. Помню, как однажды вечером я решил смириться и воспользоваться туалетом. Я выстаивал очередь в одну из кабинок, когда вперёд пролез парень. Тощий, жилистый маленький засранец, по виду явный псих.

«Ну, блиин», — промычал я и стал ждать, когда же он выйдет. И когда он вышел, я сказал ему: «Тут вообще-то очередь».

Он подошёл вплотную и выдал: «Иди на хрен, сука».

В его глазах была абсолютная пустота, как у акулы. Вот дерьмо.

После чего я подумал: «К чёрту, вернусь-ка я лучше на кухню к своему знаменитому ведру Hellmann's».

Я мочился в ведёрко, а Сюзанна сообщала посетителям, выстроившимся в очередь за чипсами и водой: «Вы только посмотрите — каков ублюдок! Он директор клуба. Владеет клубом, но при этом мочится в ведро в углу».

Чтобы отомстить ей, я носился за ней с этим ведром. Эх, думаю, что надо было сохранить его — и продать сейчас на eBay.

Проблемы были не только с туалетом. Гардероб, например, был маловат (мы потом немного реорганизовали пространство), и это тоже усложняло нам жизнь. Работники гардероба были в таком неадеквате, что могли просто начать раздавать верхнюю одежду. Гардероб располагался прямо у главного входа, что создавало эффект бутылочного горла и провоцировало толчею и драки.

На одном из мероприятий я общался с охранником, и какой-то малый, которому надоело ждать, решил проскочить вперёд. «Встань обратно в очередь, приятель», — сказал ему охранник, но тот продолжал рваться.

«Эй, приятель, — повторил охранник. — Тут очередь».

Парень что-то пробормотал и снова попытался пролезть вперёд, тогда охранник врезал ему.

«Ну, по крайней мере, он пытался его предупредить», — подумал я.

Мы были так заняты и при этом ограничены в средствах, что не могли в полной мере заниматься зданием. Изначально пол был выкрашен в серый цвет, но спустя некоторое время краска стёрлась до самого бетона. Учитывая, сколько денег мы вложили в обустройство здания и как неразумно вели дела в первые годы работы клуба (на экране заставка: перекати-поле), каждый пенни

был на счету, чтобы просто поддерживать клуб на плаву.

Но это вовсе не отвадило нас от вечеринок. Это было невозможно. Когда мы проводили на первом этаже вечеринку Disorder, приуроченную к выступлению в G-Mex в Манчестере в декабре того года, все наши друзья были в полном ауте. Вечеринка обошлась в 10 000 фунтов, и нам ещё повезло, что мы получили 10 010 за концерт. Прибыль в десять фунтов. Но нас это не останавливало. Всем было по барабану. В таком мы были неадеквате. На вечеринке я продержался десять минут, после чего был собственной женой доставлен домой за плохое поведение. Как я был зол.

На той вечеринке (получившей в каталоге Factory Records номер FAC 208) был босс Creation Records Алан МакГи. Его лейбл боролся за свою самую успешную группу The House of Love, которая перешла на другой лейбл (хотя Алан оставался их менеджером). Похоже, что все свои надежды он возлагал на англо-ирландскую нойз-рок-группу My Bloody Valentine, которую в 1986 и 1987 годах многие критики определяли как третьесортную.

МакГи употребил в тот вечер экстази. Не в первый раз, но эффект, вероятно, оказался сильнейшим. Когда он ступил на танцевальную площадку, у него случилось откровение.

«Я слушал музыку эйсид-хаус и внезапно понял её, — сообщил он писателю Дэвиду Кэване. — Что-то в голове щёлкнуло, и я попал в новый мир. Я понял эйсид-хаус именно 17 декабря, и именно тогда Creation изменился».

МакГи был постоянным посетителем Хасиенды. Он и ребята с Creation ходили на вечеринки весь 1989 год, после чего он познакомил с этой музыкой Primal Scream. А когда появился продюсер Энди Уитеролл, вышел гимн эпохи — «Louded».

***

РАСПИСАНИЕ МЕРОПРИЯТИЙ ХАСИЕНДЫ ЗА 1988 ГОД

Январь

1 января, пятница: NUDE YEAR'S DAY MP²— Майк Пикеринг и Мартин Прендергаст

2 января, суббота: WIDE Dean; Хедд-Дэйв Хаслам

7 января,четверг: WIDE Dean; Хедд-Дэйв Хаслам

8 января, пятница: NUDE Майк Пикеринг

15 января, пятница: NUDE Майк Пикеринг

20 января, среда: ZUMBAR HOT FLESH Pedro; fashion PA —

James

22 января, пятница: NUDE Spoonie G; Майк Пикеринг

27 января, среда: ZUMBAR Dead Marilyn (пародист Монро)

29 января, пятница: NUDE Майк Пикеринг

Февраль

3 февраля,среда: ZUMBAR Dollar; fashion PA - Марк Бенедикт

5 февраля, пятница: NUDE Майк Пикеринг

10 февраля, среда: ZUMBAR Эдди Бёрк

12 февраля, пятница: NUDE Майк Пикеринг

17 февраля, среда: ZUMBAR Ruthless Rap Assassins; Kiss AMC; фэшн-шоу: Identity

19 февраля, пятница: NUDE Майк Пикеринг

24 февраля, среда: ZUMBAR Oberton

26 февраля, пятница: NUDE NORTHERN HOUSE REVUE T-Coy; T-Cut; Groove; Грэм Парк; Майк Пикеринг

Март

2 марта, среда: ZUMBAR KARAOKE NIGHT fashion PA — Team for Hair

4 марта, пятница: NUDE Майк Пикеринг

9 марта, среда: ZUMBAR Walking Hawk; White Dove

11 марта, пятница: NUDE Майк Пикеринг

16 марта, среда: ZUMBAR Elvis (певец Джим Уайт)

18 марта, пятница: NUDE Майк Пикеринг

21 марта, понедельник: BHANGRA DISCO Naya Saaz; Tripple B

23 марта, среда: ZUMBAR Mr Boxman

25 марта, пятница: NUDE Майк Пикеринг

30 марта, среда: ZUMAR The Amazing Orchante; fashion — Aspecto

Апрель

1 апреля, пятница: NUDE Майк Пикеринг

6 апреля, среда: ZUMBAR Big Ed & his Rockin' Rattlesnakes

8 апреля, пятница: NUDE Майк Пикеринг

13 апреля, среда: ZUMBAR Фрэнк Сайдботтом; fashion - Geese

15 апреля, пятница: NUDE Майк Пикеринг

20 апреля, среда: ZUMBAR DISCO DANCE CHAMPIONSHIPS Майк Болдуин; Miguel; Pedro

22 апреля, пятница: NUDE Майк Пикеринг

27 апреля, среда: ZUMBAR Boys Wonder

29 апреля, пятница: NUDE Майк Пикеринг

Май

2 мая, понедельник: NUDE BANK HOLIDAY SPECIAL Kid 'n' Play; Taurus Boyz; Джулиан Иона; MP² — Майк Пикеринг и Мартин Прендергаст

4 мая, среда: ZUMBAR Pope & Crocker

6 мая, пятница: NUDE Майк Пикеринг

11 мая, среда: ZUMBAR KARRY-ON-KARAOKE Джимми Коркхилл; Miguel; Pedro

12 мая, четверг: TEMPERANCE CLUB Happy Mondays

13 мая, пятница: NUDE Майк Пикеринг

18 мая, среда: ZUMBAR Les Bubb

20 мая, пятница: NUDE Майк Пикеринг

21 мая, суббота: SIXTH BIRTHDAY HAUNTED HOUSE PARTY Dead Marilyn

25 мая, среда: ZUMBAR Роб Грэй

27 мая, пятница: NUDE Майк Пикеринг

Июнь

1 июня, среда: ZUMBAR Dead Marilyn; The Railway Children; Brilliant Corners

3 июня, пятница: NUDE Майк Пикеринг

6 июня, понедельник: BENEFIT GIG (для северо-западной кампании в поддержку прав геев и лесби) Railway Children; Brillian Corners

8 июня, среда: ZUMBAR King

10 июня, пятница: NUDE Майк Пикеринг

15 июня, среда: ZUMBAR The Wee Papa Girl Rappers; fashion — Pebbles

17 июня, пятница: NUDE Майк Пикеринг

22 июня, среда: ZUMBAR Стиви Старр

24 июня, пятница: NUDE Майк Пикеринг

25 июня, суббота: WIDE

29 июня, среда: ZUMBAR «Мисс Zumbar 1988»

Июль

1 июля, пятница: NUDE Майк Пикеринг

6 июля, среда: i-D WORLD TOUR Марк Мур; MC Merlin; Сара Стокбридж

8 июля, пятница: NUDE Майк Пикеринг

13 июля, среда: HOT Джон Деизилва; Майк Пикеринг

15 июля, пятница: NUDE Майк Пикеринг

20 июля, среда: HOT Brylcreem Contest

22 июля, пятница: NUDE Грэм Парк

27 июля, среда: HOT BEACH WORKOUT Muscley Dream Boys

Август

5 августа, пятница: NUDE Майк Пикеринг

6 августа, суббота: Джон Деизилва; Хедд-Дэйв Хаслам

12 августа, пятница: NUDE Майк Пикеринг

13 августа, суббота: Джон Деизилва; Хедд-Дэйв Хаслам

19 августа, пятница: NUDE Мак Пикеринг

20 августа, суббота: Джон Деизилва; Хедд-Дэйв Хаслам

26 августа, пятница: NUDE Майк Пикеринг

27 августа, суббота: Джон Деизилва; Хедд-Дэйв Хаслам

Сентябрь

2 сентября, пятница: NUDE Майк Пикеринг

3 сентября, суббота: Джон Деизилва; Хедд-Дэйв Хаслам

9 сентября, пятница: NUDE Майк Пикеринг

10 сентября, суббота: Джон Деизилва; Хедд-Дэйв Хаслам

16 сентября, пятница: NUDE Майк Пикеринг

17 сентября,суббота: Джон Деизилва; Хедд-Дэйв Хаслам

23 сентября, пятница: NUDE Майк Пикеринг

24 сентября, суббота: Джон Деизилва; Хедд-Дэйв Хаслам

30 сентября, пятница: NUDE Майк Пикеринг

Октябрь

7 октября, пятница: NUDE Майк Пикеринг

10 октября, понедельник: TEMPERANCE CLUB The Train Set; Дэйв Хаслам

14 октября, пятница: NUDE Майк Пикеринг

21 октября, пятница: NUDE Майк Пикеринг

28 октября, пятница: NUDE Майк Пикеринг

Ноябрь

4 ноября, пятница: NUDE Майк Пикеринг

6 ноября, суббота: Wall of Surf (показ фильма в Gay Traitor)

11 ноября, пятница: NUDE Майк Пикеринг

14 ноября, понедельник: TEMPERANCE CLUB The Waltones; Джерри Даммерс

18 ноября, пятница: NUDE Майк Пикеринг

25 ноября, пятница: NUDE Майк Пикеринг

Декабрь

2 декабря, пятница: NUDE Майк Пикеринг

9 декабря, пятница: NUDE Майк Пикеринг

16 декабря, пятница: NUDE plus North Майк Пикеринг

17 декабря, суббота: DISORDER New Order

21 декабря, среда: HOT: THE FINAL PARTY Джон Дейзилва;

Майк Пикеринг

23 декабря, пятница: WISE MOVES SEVENTH ANNUAL BALL (и собрание кредиторов) живые выступления

24 декабря, суббота: CHRISTMAS EVE Джон Дейзилва; Майк Пикеринг

28 декабря, среда: HOUSE NATION приглашённые диджеи; The Steamer

30 декабря, пятница: NUDE Майк Пикеринг

31 декабря, суббота: NUDE Майк Пикеринг NEW YEAR'S EVE Майк Пикеринг; Грэм Парк; Дэйв Хаслам; Джон Дейзилва

***

ЦИТАТЫ И ФАКТЫ

Именно безумная акустика делала Хасиенду особенной. Помню, как я жаловался на звук во время открытия, но спустя пять лет, после того, как всё развилось, я понял, что архитектура здания и его высокие потолки создавали ощущение готического собора, в котором исполнялись гимны Богам.

Тони Уилсон

Первые пару недель мероприятие Hot было относительно «нормальным», но начиная с третьей недели это было мясо. Почти ужас. Я как-то вышел из диджейской кабинки и увидел дредастого парня, который фактически бился в истерике, рыдал и смеялся одновременно — так на него подействовала атмосфера. Исполняя диджей-сеты, можно было почувствовать, что что-то проходит мимо, и хочется быть на танцполе.

Джон Дейзилва

Однажды я исполнял диджей-сет в Хасиенде, как вдруг в диджейскую кабинку вошла девушка, легла и сняла с себя всю одежду. Раздевшись, она стала стаскивать с меня штаны. Мне хватало ума понять, что дело не во мне, а в экстази, и это был лишь один эпизод витавшего в воздухе безумия.

Дэйв Хаслам

1989. «Мы просто не были созданы для бизнеса»

В начале года Хасиенда была популярна как никогда. В конце 1988-го закончился на своём пике Hot, на смену которому пришло мероприятие House Nation, то есть музыка по средам не умолкала. Temperance Club Дэйва Хаслама по-прежнему проводился по четвергам, Nude Паркса и Пикеринга — по пятницам, а по субботам был Wide с участием Джона Дейзилвы.

В тот год появились мэдчестер и инди-дэнс. Начало последнему положил ремикс на "Wrote for Luck' от Happy Mondays, созданный Полом Окенфолдом, после чего музыка была увековечена на миньоне «Rave On' и в ремиксах. В ноябре The Mondays появились вместе с The Stone Roses и Inspiral Carpets на Top of the Pops: именно тогда настал определяющий момент в истории феномена мэдчестера. За ним пристально следила публика, и в центре всего была Хасиенда, за которой признали заслугу привлечения в город туристов и студентов и положительное влияние на экономику города.

До этого, однако, состоялся The Hitman and Her — ночное клубное шоу при участии Питера Уотермана и Михаэлы Стрэчан. Они были в Хасиенде в январе 1989 года и, согласно легенде, в бокал Стрэчан подбросили таблетку...

Возникли проблемы: толпы молодых ребят хотели попасть внутрь, в результате чего снова вспыхнули беспорядки. Доведённые до отчаяния копы снова были вынуждены перекрыть Уитворт-стрит.

Если вы когда-нибудь видели это шоу, то помните, что там был конкурс караоке. Победителем в свои полные семнадцать лет вышел Дэйв Поттс «Pottsy», который вскоре стал оператором на моей студии Suite 16 в Рочдейле. Позже он присоединился к моим группам Revenge и Monaco. Мир тесен.

Лично я пропустил большую часть эпохи мэдчестера, поскольку был в туре по Америке с New Order, а по окончании нашего крайне успешного тура Technique мы с Бернардом занялись сольными проектами. Он вместе с Джонни Марром из The Smiths создал Electronic, а я — Revenge. Мы оба сделались заядлыми (но при этом независимыми) тусовщиками и занозами в заднице у персонала.

Я обнаружил, что город сильно изменился за время нашего отсутствия, а Хасиенда стала феноменом. В клуб стремились

туристы и репортёры со всего света. Журналисты с утра ждали, когда работники клуба приедут на работу, чтобы задать им вопросы о клубе и получить эксклюзивную инсайдерскую информацию.

Рейв пользовался огромной популярностью. То, что раньше было андеграундом, стало популярным, и дух Ибицы ощущался по-прежнему. Даже погода была как на Ибице: в 1988 и 1989 годах действительно стояло жаркое лето. Если раньше клуб всё время пустовал, то теперь каждые четверг, пятницу, субботу и воскресенье в него набивались восемь тысяч потных и счастливых людей. Звук басов был громким и глубоким. На каждом шагу встречались туристы: итальянцы, японцы, американцы — клуб стал местом проведения выходных для любителей музыки со всего света, как Salford Lads Club для любителей The Smiths и Cavern в Ливерпуле для любителей The Beatles. Американцы незамедлительно подходили ко мне и говорили: «О, Хуки, привет. Я приехал из Питтсбурга, как дела?» — как это заведено у них. Европейцы были несколько сдержаннее, но тоже приезжали, чтобы окунуться в нашу атмосферу. Даже мои Цивильные друзья, которые до этого не ходили в клубы, зачастили сюда. Они приходили за атмосферой и, разумеется, за бесплатной выпивкой, для чего составлялся список приглашённых.

Кстати говоря, в ходе еженедельной встречи руководства кто-то озвучил мои счета за выпивку. Создавалось впечатление, что за время нашего двенадцатинедельного тура по Америке я продолжал выпивать в клубе. Оказалось, что два моих лучших друга в моё отсутствие открыли для себя счёт в баре и сказали, что Хуки во всём разберётся, когда прилетит. После к ним присоединились ещё двое. А персонал был не против. Не, ну правильно, отчего бы не рискнуть?

Даже без участия моих друзей бесплатной выпивки наливалось на четыре тысячи фунтов в месяц. ВИП, не иначе. Однажды эта цифра упала до двух тысяч, и Роб устроил выволочку управляющему баром, обвинив его в невыполнении своих обязанностей (что было странно, поскольку Роб платил за всё, что пил, тут без нареканий). Он выговаривал и мне, указывая на мои счета за выпивку и предлагая, чтобы я либо сам её оплачивал, либо дал возможность остальным членам группы пользоваться тем же.

В феврале на смену House Nation пришло мероприятие под названием Void. Это была вечеринка на космическую тематику: над сценой летали два огромных космонавта, работники бара были одеты в скафандры с логотипом Void, а вдоль балкона висели

кривые зеркала. Музыка была в основном та же, что и на Hot и House Nation: хаус в исполнении Джона Дейзилвы и Майка Пикеринга. Вечеринки Void обрели статус вехи в клубной культуре.

В мае клуб отмечал своё семилетие, в честь чего по традиции была устроена вечеринка. После завершения Nude в пятницу сотрудники клуба и их друзья полетели за счёт клуба в Амстердам.

В июле руководство Factory открыло бар Dry.

Поскольку эйсид-хаус оказался нашим спасением, Тони и Роб вообразили, что всё, чего они коснутся, превратится в золото. Решили расширяться. Пол много общался с представителями Whitbread на тему инвестиций в бар, чтобы динамично развивать его вместе...

В июле мы открыли свой бар Dry, куда народ мог зайти перед вечеринкой в Хасиенде. Роб и Тони считали, что сильно теряют, поскольку клуб работал с одиннадцати вечера до двух ночи. В баре они видели недостающий элемент головоломки. Теперь нам было куда идти днём или в начале недели — как и задумывалось при открытии клуба, да и казалось, что управлять обычным пабом будет просто.

New Order поначалу неохотно включились в дело (это лейтмотив данной книги), но Роб обещал, что нам это ничего не будет стоить. Все средства будут одолжены, а мы просто впишем в договор свои имена. Как он говорил, это была замечательная возможность зарабатывать деньги всю неделю.

Было ощущение, что к нам нагрянет весь манчестерский Нортен Куортер. Ведь после полудня можно было посетить только пабы для рабочих. Dry должен был стать в своём роде первым.

При этом Барни (который придумал название) был против: он говорил, что Нортен Куортер — дыра, и настаивал на том, что лучшим местом был бы Оксфорд-роуд, где собирались студенты университета и техникума. Роб и Тони сказали, чтобы он с таким предложением катился на фиг. Они, как и все мы, ненавидели студентов. Но Барни был прав.

Здание на Олдем-стрит принадлежало мебельно-ковро-вой компании James Woodhouse (какое совпадение, ведь первоначально Хасиенду хотели переоборудовать из демонстрационного зала для ковров, который находился на той же стороне, выше по Олдем-стрит). В здании было ещё три этажа офисов, подвал и, как было сказано в письме, «лифт, обслуживающий все этажи и грузовой выход на Спир-стрит». Ну, прекрасно. Настолько прекрасно, что все пропустили подтекст, содержавшийся в последнем параграфе: «Я понимаю, что здание

определённо требует капитального и косметического ремонта, так что собственники хватаются за варианты в пределах 80000 фунтов, потому что это им выгодно».

Да, именно это мы и выбрали. Остальные три этажа представляли собой проблему всё время, что мы владели заведением.

Раз уж мы решили открыть бар Dry, Бен Келли получил заказ. Бюджет был превышен на пятьдесят процентов. После того как мы взяли деньги в рассрочку, нам снова сообщили, что если мы не вложим собственные деньги, то всё потеряем. Вскоре мы оказались должны 700000 фунтов, включая 69647 фунтов, одолженных у Factory, 59794 от Gainwest Limited (партнёр New Order), 112669 от Хасиенды (деньги были взяты без какого-либо извещения директоров или инвесторов) и ошеломляющие 457636 фунтов от Whitbread, того самого пивоваренного завода, благодаря которому Хасиенда попала в должники с самого начала (процент, который начислили Whitbread, только в первый год стоил Dry 23106 фунтов. Мы не могли выплатить эту сумму).

Снова из-за превышения бюджета на строительство мы подставили сами себя, и снова наша зависимость от пивоваренной компании означала, что мы не сможем покупать пиво по цене, позволяющей получать прибыль. Невероятно!

Приглашение Бена Келли опять всё изменило. Мы думали, что бар будет тёплым и уютным (мы хотели, чтобы он был похож на нью-йоркский Nell's, в котором было замечательно даже если внутри находилось двенадцать посетителей). А нам досталось огромное пространство, в котором легко могли поместиться пятьсот человек и которое выглядело нелепо, когда народу было мало. Если днём внутри сидело несколько человек, место казалось вымершим. Мы снова создали себе те же проблемы. Dry был слишком светлым и большим, чтобы чувствовался уют.

Всего было слишком много: от пола и до потолка. Изначально собирались открыть все три этажа и подвал для посетителей и даже предусмотрели на верхнем этаже жильё для менеджера Лероя Ричардсона. Но когда всё подсчитали, затраты вышли непомерными, поскольку здание было в очень плохом состоянии.

Нам пришлось сократить расходы, чтобы соблюсти бюджет (впервые мы обратили хоть какое-то внимание на рамки бюджета).

Бар повис на Хасиенде и Factory ещё одним мёртвым грузом, провоцируя ещё больше стресса, поскольку мы чувствовали необходимость принимать поспешные решения для выхода из наших финансовых проблем.

Какими бы ни были у Роба причины открыть бар, Dry

создавался не на основе анализа рынка или чего-то ещё, что нормальные люди обычно принимают во внимание, открывая бар, а на стремлении принять желаемое за действительное. Если бы мы открыли бар на Оксфорд-роуд, как предлагал Бернард, то рядом бы находились пятнадцать тысяч учащихся, ежедневно посещавших занятия, и мы могли бы преуспеть. В то время Нортен Куортер был помойкой. Сейчас, разумеется, ситуация улучшилась. Dry снова опередил своё время, и именно с него началось улучшение района. Рядом с Dry стали открываться стильные маленькие кафе, многие из них (главным образом Mantos на Кэнел-стрит) пытались подражать дизайну Бена для большего эффекта. Поскольку баром мы управляли отвратительно, прибыль была только по пятницам и субботам, когда здесь продавались билеты в Хасиенду. Очереди перед мероприятиями в пятницу и субботу были такими длинными, что люди были вынуждены приобретать билеты заранее в Dry. В Dry их продавали тысячу в неделю по цене Два фунта, и это приносило две тысячи благодаря разнице с ценой билета при входе. Вот так. Только так бар приносил прибыль. Мы могли поступить умнее и просто открыть окошко продажи билетов в дневное время прямо в клубе. Сейчас я понимаю, что мы просто не были созданы для ведения бизнеса, тем более двух. Снова наши менеджеры писали кипы бумаг с различными прогнозами о предполагаемых доходах, и снова у меня было ощущение, что они выдумывают данные. Достаточно было посмотреть в самый конец документа и прикинуть, сколько мы можем позволить себе потерять. Если получалась слишком большая цифра, следовало отказаться.

Крис Смит, бухгалтер Factory, упорно полагал, что спасением для Dry будет кухня. Он настаивал на том, что это принесёт деньги. Он убеждал нас стараться извлечь прибыль из меню. «Начните подавать еду, и всё будет в порядке. Ресторанная наценка составляет тысячу процентов».

Хорошая идея, Крис. И что же мы сделали? Мы привлекли Паулин, милую девушку Вини Рейли, к открытию вегетарианского салат-бара здорового питания. На этом настоял Тони.

Вегетарианский салат-бар здорового питания. В Манчестере. В 1989 году. Мы могли бы попросту выкидывать закупленные продукты.

Именно это мы и делали.

В конце каждого дня Паулин выбрасывала все салаты, так как никому и в голову не могло прийти их покупать. У неё разрывалось сердце. Никто в Манчестере не слышал о принципах

здорового питания, не говоря уже о том, чтобы попробовать. Мы снова слишком опередили время.

Помню, я спросил, как нам удаётся тратить двенадцать тысяч в год на салаты.

«Вообще-то мы тратим тысячу в неделю», — ответили мне.

Видимо, я плохо разбирался в овощах. Я тогда чертовски разозлился.

Паулин больше не работала. На смену ей приходили многие управляющие кухней: Сюзанна, мои друзья Дэбби Найтингейл и Баузер (из Little Red Courgette) и так далее и так далее. Все они очень старались. По идее всё должно было получиться, но в итоге никому не удалось наладить работу. Они хорошо готовили, предлагали отличные идеи, но посетителей всё равно не было. Лоран Гарнье (ставший впоследствии видным диджеем и продюсером) работал на кухне, пока не вернулся во Францию нести воинскую службу.

В итоге я спросил, почему бы не сдать заведение в субаренду? Найдём кого-нибудь другого для управления и будем брать с них арендную плату.

Именно так и получилось, когда мы открыли Tommo's Tasty Tapas. Томмо — один из наших друзей, большой оригинал, истинный безумец. Предполагалось, что он снимет у нас кухню и будет платить арендную плату. Он так и не заработал столько, чтобы покрыть расходы, но мы финансировали его, поскольку очень любили приготовленную им еду.

Однажды ко мне в полном неадекватe подошёл помощник мясника.

«Это ведь ты заказываешь у нас мясо для Dry?» — произнёс он нечленораздельно.

«Что, правда?» — спросил я.

«Ну да, мы ведь с тобой проворачиваем это дельце мимо кассы?»

«Ты о чём?»

«Ну, мы ведь вам выставили счёт на три тысячи, а сосисок отправили только на полторы. Деньги поделили».

Хмм...

Мы упорно продолжали работать над ресторанным меню. Но мы не учли нашу клиентуру: торчки, кокаинщи-ки и укурки, которым для жизни нужно немногим больше наркотиков и алкоголя. Ели они только для того, чтобы не умереть с голоду. И я был таким.

В пабах есть устойчивое выражение «мёртвые часы», обозначающее промежуток между ланчем и вечером, во время которого посетителей не бывает. Наши друзья в эти часы в

заведении были, но никто из них не заказывал еду, зато выглядели они настолько устрашающе (настоящие зомби), что нормальные люди не рвались в ресторан, куда надо было пройти через всё помещение в самый конец зала. Эти сумасшедшие отпугивали людей, которые предпочитали держаться на расстоянии.

В одном мы были последовательны: мы всё делали неправильно. Мы не могли даже с бокалами для напитков управиться. Подобно тому как Тони присвоил Хасиенде номер в каталоге Factory FAC 51, мы присвоили Dry свой номер — FAC 201. Несколько лет мы печатали на бокалах номер «Dry 201», и люди растаскивали их на сувениры. Только это, чёрт побери, стоило нам целое состояние. В это трудно поверить, но мы меняли бокалы в зависимости от мероприятия. Так же было и в Хасиенде. На вечеринках Zumbar, Hot и других были свои бокалы. Боюсь представить, во сколько нам обходилась эта небольшая роскошь.

Жаль, что тогда я не прочитал книгу «Король клубов» Питера Стрингфеллоу. Роб дал мне её почитать годом позже со словами: «Вот видишь, не только у нас так получилось».

Из-за того, что всё было выкрашено в светлые тона, поддержание чистоты вылетало в копеечку. Прямо как в Хасиенде, где от одного прикосновения сальными пальцами медные перила приобретали дерьмовый вид. Их приходилось полировать ежедневно по часу.

Мебель была слишком вычурной и дорогой. Посетителям плевать, что вы использовали йоркширскую плитку или что-то подобное. Они уничтожат что угодно. Тони обожал гопничков, вырезавших ножами свои инициалы на стульях Morrison и прожигавших окурками диваны Jasper Conran. Ему нравилась идея разрушения искусства. Страшное дело. И отличились тут не только посетители. На открытии я откупоривал бутылки с пивом Budweiser о мраморную барную стойку за сорок тысяч фунтов. Упс.

У нас работало много людей, прекрасные ребята. Нам сильно их не хватало после закрытия бара. Интерьер был ярким, в нём поддерживалась чистота, но всё равно… Посетителей почти не было.

Оказалось, что три пивных насоса установлены неправильно. Из-за того, что мы поставили не те краны, мы теряли по пинте пива с каждых четырёх проданных. Мы многократно обращались к консультантам, но они сообщали лишь то, что мы и сами знали: штат раздут, нас обворовывают и мы полные идиоты.

Это и я мог сказать, сэкономили бы по пять тысяч за каждую

консультацию.

Честно говоря, если уж Лерой не мог сделать заведение прибыльным, то никто не мог. Пол Мейсон пытался, затем его сменила Энг. Бар больше напоминал клуб для встреч. По крайней мере, для меня. Я в тот период был один и общался с работниками в Dry больше, чем с персоналом Хасиенды. Я даже иногда ел там. Я сам был целевой аудиторией. Это мне нравилось, поскольку было куда пойти днём до открытия Хасиенды. Я завершал запись с Monaco в шесть часов, шёл в Dry, обедал и оставался до закрытия, потом шёл тусить с Лероем, потом домой, принимал душ и возвращался на студию. Иногда я приезжал туда на «Харли-Дэвидсоне», но когда был уже в стельку, сотрудники бара вызывали мне такси, закатывали мотоцикл внутрь, и на следующий день я забирал его. Он мог стоять там неделями.

Роб снова пожаловался на то, что я выпиваю бесплатно и беру в долг деньги из-за барной стойки.

Однажды в субботу после одиннадцати, когда Dry был закрыт, Лерой собрал из бара все бутылки и упаковал, чтобы продать на одной из первых рейв-вечеринок Манчестера и нажиться. Он спросил нашего разрешения, и мы его дали. «Вот же маленький делец», — подумали мы. Запас пива и крепких напитков в Dry на тот момент тянул на пять тысяч фунтов.

Нам повезло: полиция закрыла вечеринку. Они изъяли звуковую и осветительную аппаратуру (и кинули тем самым компанию, предоставившую технику в аренду), алкоголь и все деньги (тут они кинули нас). Когда мы на следующий день открыли Dry, бар был пуст, а с того, что было продано, мы ничего не получили. Всё вылетело в трубу.

Я помню эту вечеринку, потому что копы тогда арестовали моего друга Джима со словами: «Ты, должно быть, организатор».

«С какого фига вы взяли?» — спросил он их.

«Ты старый», — ответил коп. Прекрасная детективная работа.

Барни тоже был там, но его отпустили, как и других наших тоже, поскольку народу было слишком много, чтобы пытаться всех опросить и задержать.

Настоящий организатор вечеринки спрятался в предусмотренной для этого комнате, где он хранил все запасы экстази, которые хотел продать, свой личный кокаин, героин и заработанные деньги. В итоге, когда полиция всё обыскала, услышали его кашель, но не могли понять, откуда идёт звук. С помощью собак его отыскали. Приговоры за торговлю наркотиками были тогда суровыми, и парень (эстетствующий умник, который женился на сцене Хасиенды) заложил всех, кого

только мог вспомнить. Он буквально сидел и надиктовывал копам имена манчестерской рейв-тусовки —длиннющий список — со всеми характеристиками, многие из них были вовсе ни при чём. Большая часть даже не присутствовала на вечеринке. В том числе я.

Копы вызвали Лероя, Роба и меня, утверждая, что это наших рук дело.

Я был вынужден явиться в понедельник утром в полицейский участок, чтобы сказать, что «я, блин, вообще не в курсе, о чём вы говорите».

Любопытно, что все полицейские были моего возраста и любили музыку, поэтому были просто счастливы впутать меня в это дело. «Ой, а давайте-ка оставим New Order без него. Вот смеху-то будет».

«Послушайте, я знаю, что мы тут ни при чём», — ответил я им. Лерой выпутался, заявив, что одолжил пиво для частной вечеринки, и получил весьма строгое предупреждение. Думаю, что Тони там замолвил словечко, поскольку только организатор получил наказание. Его поймали с таким количеством экстази и наличных денег (указывалось, что он продал либо много таблеток, либо много билетов), что десятку он, полагаю, получил. Полицейские стали врагами эйсид-хауса, срывая все проводимые без лицензии вечеринки.

Под удар попал не только рейв. Истерика по поводу жанра в бульварной прессе достигла своего апогея к концу 1989 года, когда власти стали закрывать мероприятия, такие как Sunrise и Back to the Future, несмотря на то что они были легальны и хорошо организованы. Говорили о существовании какого-то «отряда особого назначения по эйсид-хаусу», а член парламента Грэм Стрингер выступал с инициативой принять законы, регулирующие мероприятия с музыкой рейв. Манчестеру досталось больше всего: городскую полицию возглавлял Джеймс Андертон, своей бескомпромиссностью заслуживший прозвище «коп от Бога», после того как заявил, что является инструментом божественной справедливости. Второе «лето любви» закатилось, под эпохой была подведена черта.

Мы активно думали, как бы передать Dry по принципу франшизы, возлагали большие надежды (самое ближнее, куда мы добрались, был Глазго). Из этого ничего не вышло. У нас было так много проблем в Хасиенде, что посвящать себя чему-то ещё мы не могли, поэтому другие дела постоянно срывались.

Теперь каждый бар похож на Dry. Бен Келли снова верно всё

предусмотрел и осуществил революцию в дизайне заведений.

Но, несмотря на это, наши финансовые проблемы росли. Бар стабильно терпел убытки. New Order снова подключились слишком поздно, а ознакомившись со счетами, стали задавать вопросы. Мы обнаружили, что допущена чёртова уйма ошибок. Например, интернет. В середине девяностых посетителям Dry предлагался доступ в сеть. Мы были одними из первых. Это была настоящая революция. К сожалению, мы брали с посетителей меньше денег за минуту, чем сами платили провайдеру: поначалу доступ в интернет стоил очень дорого. Но Dry это исправил. Как только посетитель выходил в интернет, мы каждую секунду теряли деньги, но Тони не разрешал поднимать плату, говоря, что «компьютер — новый семейный очаг».

В конце концов Лерой стал говорить посетителям, что компьютеры неисправны, чтобы уберечь бар от расходов. Молодчина.

Когда Лерой начал управлять баром Dry, на должность заместителя генерального директора пришла Энг Мэттьюс (она ходила в Хасиенду с выступления Джона Купера Кларка в июне 1982 года), которой досталась масштабная деятельность со всеми соответствующими проблемами. Манчестерские банды давали о себе знать, помимо этого, в клубе существовали проблемы с наркотиками.

За неделю до вступления в должность Энг сделала себе кольцо со знаком анархии, чтобы оно напоминало ей о прошлом, так как ей казалось, что теперь она получила нормальную работу и остепенится. Как мало она знала о том, что её ждёт. Её сотрудничество с нами оказалось самым безумным опытом.

Поначалу она много работала с Полом Мейсоном. В течение месяца Энг ходила следом за Лероем, училась у него и вскоре стала очень хорошо выполнять свои обязанности. Ей нравится говорить, что работу в клубе она получила, потому что часто его посещала (в середине восьмидесятых её парень приходил сюда рисовать арочный проход и другие детали здания; люди покупали их себе в дом — до такой степени клуб был частью их жизни).

В течение следующих восьми лет она многократно принимала и увольняла сотрудников. Если кто-то попадался на воровстве, его увольняли. Из-за мелкого воровства, будь то кража бутылки или предоставление бесплатной выпивки друзьям, закончилась не одна карьера в Хасиенде. Только один парень был уволен за употребление наркотиков. Если кто-то, будучи обдолбанным, выполнял свою работу, Энг это устраивало.

Несмотря на наш успех, финансовые проблемы сохранялись. Мы пережили налоговые проверки, я перешёл на сторону Роба, чтобы поддерживать Хасиенду на плаву (старое эго давало о себе знать), но мы всё ещё были в заднице. На совете директоров кто-то отпустил шутку, что нам стоит сжечь клуб дотла, и в этот момент наш бухгалтер, настоящий бизнесмен, сказал: «Если вы будете продолжать в том же духе, я покину комнату».

В любом случае там не было ничего горючего, разве что танцпол и пара стульев.

Возможно, мы упустили некоторые возможности извлечь дополнительную прибыль, но нам не дали шанса. Сегодня есть сотни CD-сборников от Ministry of Sound, Creamfields и Renaissance — практически от всех, и это стало значительной частью культуры. Когда возник эйсид-хаус, Роб моментально смекнул, что имеет смысл делать компиляции LP, состоящие из песен, которые диджеи играли в Хасиенде, но тогда было тяжело заставить кого-то вроде Black Box лицензировать их песни. Они думали, что сами заработают больше. Сегодня, разумеется, музыканты понимают, что в компиляциях есть смысл, поэтому проще получить разрешение. А тогда они просто говорили «нет».

Продавая альбомы с записями мероприятий Хасиенды, мы могли заработать целое состояние сами и принести кучу денег музыкантам, но все известные музыканты отказывали нам. Было продано 175 000 дисков «Haçienda Classics», которые я выпустил в 2005 году. Я был очень польщён, когда Ноэл Галлахер назвал этот диск самым любимым.

Идею распространения опыта Хасиенды лучше всего воплощали тематические мероприятия в разных частях Европы и Америки. Роб организовывал их с целью продвижения бренда — сейчас это обычная практика, но в то время она давалась с трудом. Какое-то время их координировала Энг. Идея была в том, что она находит исполнителя, а организаторы спонсируют тур. Но все мероприятия оказались убыточными, в результате то, на что мы надеялись как на источник дохода, стало бременем, на которое мы сами подписались. Необходимо обладать недюжинным умом, чтобы организовать тур: оказалось, что на это нужны большие деньги, а как только что-либо или кто-либо требовал денег, Роб исправно бормотал: «Да, блин, заплатите им уже». Он ненавидел споры из-за деталей. Если организатор препирался из-за сотни баксов на то, чтобы доставить диджеев из аэропорта в отель, Роб отвечал: «Чёрт возьми, сколько можно спорить, мы всё оплатим». И так оно и было. Какую бы революцию в индустрии мы ни вершили, покрыть расходы нам не удавалось.

А народ по-прежнему просачивался через двери — мы всё ещё имели эту проблему. В этом году клуб становился всё более популярным. Мэдчестер стремительно набирал популярность, складывалось впечатление, что этой музыкой увлечены все. Вместе с музыкой изменился и стиль одежды. В моду вошли мешковатые джинсы, футболки и ботинки Kickers, небрежный летний стиль. Забавно, но молодёжь и сейчас так одевается. Это выглядит по-панковски. Когда я впервые оделся как панк, никто ещё так не делал — мы создавали стиль. Сейчас у каждого поколения есть свои панки, свои готы, свои рейверы, на которых начинают разделяться ещё в школе.

Группы того времени звучали потрясающе, это была одна из моих любимых эпох в музыке. Реально многие рок-группы впитали эйсид-хаус и представили в результате потрясающее смешение стилей, при том что это абсолютно два разных жанра. Вы, возможно, много слышали Happy Mondays — бог мой, они играли реально отвязно, в то время как James, The Stone Roses и The Farm были более мейн-стримными. Primal Scream до 1988 года звучали как The Rolling Stones, а после полностью изменились: они, как и New Order, стали представлять собой смесь рока и танцевальной музыки.

Наши мероприятия с музыкой эйсид-хаус привлекали людей со всей страны, а вскоре даже со всего мира, поскольку мы предлагали уникальную атмосферу. Игравшие в Хасиенде группы гастролировали по всей Англии, их поклонникам незачем было ехать в Манчестер на концерт, поскольку те же самые музыканты на той же самой неделе приезжали к ним в Шеффилд или Лидс. Но наши вечеринки, в частности Zumbar (где выступали артисты и акробаты — настоящее шоу), не проходили в других городах, поэтому желающие увидеть новые плоды нашего воображения, приезжали к нам автобусами. Это было необычно и очень льстило.

Вслед за успехом появились излишества, и тогда настали тёмные времена. На мероприятиях многократно случались приступы, вызванные передозировкой наркотиками, доходило до того, что машины скорой помощи в течение вечера подъезжали к клубу одна за другой. Всё это было хлопотно: людей приходилось выводить на улицу, ждать медиков. В результате, чтобы попытаться решить проблему, мы наняли кого-то из благотворительной организации по работе с наркозависимыми Lifeline.

Когда 14 июля умерла Клэр Лейтон, меня не было в клубе. Ей было шестнадцать, и она приняла экстази в Стокпор-те перед тем, как поехать в клуб. В клубе у неё проявилась аллергическая

реакция на наркотик. Она упала на пол прямо в танцевальном зале, и персонал пытался оказать помощь до приезда скорой. Клэр была доставлена в больницу, где умерла после продолжительной борьбы врачей за её жизнь. Пол Мейсон узнал об этом на следующее утро, когда ему позвонил корреспондент, чтобы получить комментарий о случившемся. Потом Пол набрал меня и предупредил, что журналисты и мне могут позвонить. Я при всём желании не мог бы им помочь, но он всё равно счёл нужным предупредить меня.

Когда я услышал об этой истории, мне стало плохо. Я повесил трубку и пошёл проверить детей. Новость больно била по отцовским чувствам. Я знаю, что такое для родителей дети, и могу лишь вообразить, что испытали её родители. Чего я не мог понять — как наша сцена из настоящего чуда превратилась в ад.

С тех пор каждый раз, когда что-то случалось в клубе, мы получали тревожные звонки. Пол Мейсон, полагаю, считал, что мы должны узнавать о происшествиях сразу.

Такие звонки становились регулярными. Как правило, в выходные вечером я был дома, сидел один с детьми, и, когда около одиннадцати звонил телефон, я всегда вздрагивал. Я понимал, что случилось что-то ужасное. Эти звонки замучили меня.

В Хасиенде люди часто теряли сознание — из-за жары, усталости, наркоты и алкоголя. Посетители могли внезапно побледнеть и начать блевать на пол. Мне жутко неприятно об этом говорить, но, когда наши охранники замечали, что кто-то подозрительно шатается или кого-то тошнит, они могли без разговоров открыть дверь и выставить посетителя. А на рейв-вечеринках публика была, как правило, под наркотой. Помню, как на вечеринке Tribal Sessions в клубе Academy какой-то парнишка, шатаясь, бросился к сотруднику скорой помощи Святого Иоанна и охраннику, болтавшим друг с другом на входе, и завопил: «На помощь! Помогите! Я слопал восемь таблеток экстази и схожу с ума!»

Охранник и работник скорой переглянулись, после чего первый взял парня за шкирку, открыл пинком входную дверь и вышвырнул его, не забыв снова закрыть дверь. После этого они продолжили разговор как ни в чём не бывало. Поначалу никто не видел повода для беспокойства. Передозировки экстази случались редко. К этому относились как к профессиональному риску.

Смертельных исходов, однако, не было. Ничего подобного не случалось ни в Англии, ни где-либо ещё. Мы все жили на полную катушку, но экстази немного похоже на русскую рулетку. Принимая его, вы не знаете, какая будет реакция. Если у вас

аллергия на экстази, то употребление может вызвать сильное обезвоживание и привести к смерти. С другой стороны, если пить слишком много воды, можно умереть от гипергидратации: большие объёмы жидкости в организме создают давление на мозг. По этой же причине аккуратнее с водой нужно быть бегунам и прочим спортсменам.

Наркотики начали всё портить.

В сентябре того года стартовало мероприятие Hallucienda, которое проводилось по понедельникам. Звучала там альтернативная танцевальная музыка, и, наряду с группами, выступали приглашённые диджеи. В декабре Sasha сыграл в Хасиенде свой первый концерт.

В тот вечер я общался с ним в диджейской кабинке. Первый концерт — и аншлаг. Это был один из лучших вечеров, он поймал ту подогретую экстази волну. Ему заплатили две тысячи фунтов — невиданный тогда гонорар для диджеев. Мы снова опережали время.

Второе его выступление оказалось далеко не таким классным, почти никто не пришёл.

Я разглядываю фотографии Хасиенды восьмидесятых: народу мало, все странно одеты, но клуб при этом выглядит потрясающе. Очень яркие цвета. Что забавно: я не помню, чтобы клуб выглядел так в эпоху эйсид-хауса. Помню, что в клубе было грязно и мрачно. Странно. Думаю, что многое происходило в моей голове.

Или просто лампочки были украдены.

***

РАСПИСАНИЕ МЕРОПРИЯТИЙ ХАСИЕНДЫ ЗА 1989 ГОД

Январь

4 января, среда: HOUSE NATION, RIP Evil Eddie Richards; Mr C

5 января, четверг: TEMPERANCE CLUB Дэйв Хаслам

6 января, пятница: NUDE Майк Пикеринг и Грэм Парк; Хедд-Дэйв Хаслам

11 января, среда: HOUSE NATION High on Hope; Норман Джей; Frankie

12 января, четверг: TEMPERANCE CLUB Дэйв Хаслам

13 января, пятница: NUDE Майк Пикеринг и Грэм Парк; Хедд-Дэйв Хаслам

18 января, среда: THE HITMAN & HER EXPERIENCES THE HAÇIENDA Майк Пикеринг; Джон Дейзилва (запись музыкальной

программы *Late-night TV will never be the same again*)

19 января, четверг: TEMPERANCE CLUB Дэйв Хаслам

20 января, пятница: NUDE Майк Пикеринг и Грэм Парк; Хедд-Дэйв Хаслам

25 января,среда: HOUSE NATION

26 января, четверг: TEMPERANCE CLUB Дэйв Хаслам

27 января, пятница: NUDE Майк Пикеринг и Грэм Парк; Хедд-Дэйв Хаслам

30 января, понедельник: The Stone Roses

Февраль

3 февраля, пятница: NUDE Майк Пикеринг

8 февраля, среда: VOID Майк Пикеринг; Джон Дейзилва

10 февраля, пятница: NUDE Майк Пикеринг

14 февраля, четверг: MID-CHESHIRE COLLEGE PARTY

16 февраля, четверг: THE HOUSE ON MARS Майк Пикеринг; Грэм Парк

17 февраля, пятница: NUDE Майк Пикеринг

20 февраля, понедельник: THE MONDAY CLUB The Train Set

24 февраля, пятница: NUDE Майк Пикеринг

27 февраля, понедельник: THE MONDAY CLUB The Stone Roses; King of the Slums. **Сет-лист (The Stone Roses):** «I Wanna Be Adored», «Here It Comes», «Made of Stone», *WaterfalF, «Sugar Spun Sister», «Mersey Paradise», «Elephant Stone», "Where Angels Play", «Shoot You Down», «She Bangs the Drum», «Sally Cinnamon», «I am the Resurrection'

Март

3 марта, пятница: NUDE Майк Пикеринг

6 марта, понедельник: THE MONDAY CLUB Spacemen 3

10 марта, пятница: NUDE Майк Пикеринг

13 марта, понедельник: THE MONDAY CLUB McCarthy

17 марта, март: NUDE Майк Пикеринг

20 марта, понедельник: THE MONDAY CLUB The Pastels

24 марта, пятница: NUDE Майк Пикеринг

27 марта, понедельник: NUDE Bank-Holiday Special Kym Mazelle; Ten City; Майк Пикеринг; Грэм Парк

31 марта, пятница: NUDE Майк Пикеринг

Апрель

3 апреля, понедельник: Dub Sex; Slab

7 апреля, пятница: NUDE Майк Пикеринг

14 апреля, пятница: NUDE Майк Пикеринг

17 апреля, понедельник: Great Leap Forward; 1000 Violins

19 апреля, среда: VOID Майк Пикеринг; Джон Дейзилва; Vanilla Sound Corp

21 апреля, пятница: NUDE Майк Пикеринг

28 апреля, пятница: NUDE Майк Пикеринг

Май

5 мая, пятница: NUDE Майк Пикеринг

8 мая, понедельник: Happy Mondays

9 мая, вторник: Happy Mondays

10 мая, среда: VOID Free Dexters & Hypotonic

12 мая, пятница: NUDE Майк Пикеринг

17 мая, среда: VOID

19 мая, пятница: NUDE Майк Пикеринг

20 мая, суббота: WIDE

20 мая, суббота: SEVENTH ANNIVERSARY PARTY

24 мая, среда: VOID

26 мая, пятница: NUDE Майк Пикеринг

31 мая, среда: NUDE Майк Пикеринг

Июнь

2 июня, пятница: NUDE Майк Пикеринг

7 июня, среда: Kraze

9 июня, пятница: NUDE Майк Пикеринг

15 июня, четверг: Kazuko's Karaoke Klub; Дженис Лонг; Джон Купер Кларк; Фрэнк Сайдботтом (запись ток-шоу)

16 июня, пятница: NUDE Майк Пикеринг

17 июня, суббота: LAST SMILEY-FREE ZONE Джон Дейзилва; Хедд-Дэйв Хаслам

23 июня, пятница: NUDE Майк Пикеринг

24 июня, суббота: WIDE Ник Аррохо; Лоран Гарнье

30 июня, пятница: NUDE Майк Пикеринг

Июль

3 июля, понедельник: Pere Ubu

5 июля, среда: VOID

7 июля, пятница: NUDE Майк Пикеринг

12 июля, среда: VOID

14 июля, пятница: NUDE Майк Пикеринг

21 июля, пятница: NUDE Майк Пикеринг

23 июля, воскресенье: DRY LAUNCH

24 июля, понедельник: Primal Scream; Telescopes

25 июля, вторник: В Манчестере открывается Dry 201, место, куда можно пойти перед Хасиендой

26 июля, среда: VOID

28 июля, пятница: NUDE Майк Пикеринг

Авгус

2 августа, среда: VOID

4 августа, пятница: NUDE Майк Пикеринг

5 августа, суббота: WIDE

8 августа, вторник: NUDE Колин Фэйвор

9 августа, среда: VOID

11 августа, пятница: NUDE Майк Пикеринг

12 августа, суббота: WIDE

16 августа, среда: VOID

18 августа, пятница: NUDE Майк Пикеринг

19 августа, суббота: WIDE

23 августа, среда: VOID

25 августа, пятница: NUDE Майк Пикеринг. **Сет-лист:** Gino Latino — «No Sorr/, Kaos — «Definition of Love», Inner City — «Do You Love What You Feel' (Power 41 Remix), Royal House — «Get Funky», Raven Maize — «Forever Together», White Knight — «Keep it Movin' ('Cause the Crowd Says So)' (Insane Mix), Sound Factory — «Cuban Gigolo», Dionne — «Come Get My Loving», 28th Street Crew — «I Need a Rhythm», Adeva — «Warning», The Bass Boyz — «Lost in the Bass' (Mike «Hitman' Wilson Mix), Julian Jump-in' Perez & Kool Rock Steady — «Ain't We Funky Now», Monie Love — «Grandpa's Party», Toni Scott — «That's How I'm Living», Chubb Rock with Howie Tee — «Yo Bad Chubbs' (Crib Mix), Akasa — «One Night in My Life», Kid «n' Play — «2 Hype' (Instrumental) , Kenny Jammin' Jason & DJ Fast Eddie — «Can U Dance», Jungle Crew — «Elektic Dance», NWA — «Express Yourself, Big Daddy Kane — Warm it Up», Queen Latifah — «Dance for Me», MCs Logik — «Get Involved' (In it to Win it Mix), Reese — «Rock to the Beat' (Vocal Mix), Da Posse — «Strings», R Tyme — «R Theme», Doug Lazy — «Let it Roll' (Dub), Frankie Bones — «We Call it Techno», Seduction — "You're My One & Only (True Love)' (C&C New York House Mix), Sandee — «Notice Me' (Notice the House Mix), The Forgemasters — «Track with no Name», Diskonexion — «Love Rush' (Put On Mix), Black Box — «Ride On Time», Sterling VOID — «Runaway Girl», Annette — «Dream 17», Phase II — «Reaching, Orange Lemon — «Dreams of Santa Anna», Shannon — «Let the Music Play, Carly Simon — «Why?», Imagination — «Just an Illusion' (Pickering & Park Mix), Company 2 — Tell It as It Is», Roberta Flack — «Uhh Uhh Ohh Ohh (Here It Comes)», 2 in a Room — «Somebody in the House Say Yeah», Richie Rich — «Salsa House», Redhead Kingpin & the FBI — «Do the Right Thing», Digital Underground — «Do What Ya Like», Kariya — «Let Me Love You for Tonight», Nocera — «Summertime, Summertime», Lil Louie — «French Kiss», Sylvester — «You Make Me Feel (Mighty Real)' (Acapella), 808

State — «Pacific State», Sueno Latino — «Sueno Latino», Dynamic Duo — «In the Pocket», Da Posse — «It's My Life», Technotronic — «Pump Up the Jam», Mix N' Tel — «Feel the Beat' (Pierre's Mix), Gary Jackmaster Wallace — «House Every Night' (Oh Yeah Mix)

26 августа, суббота: WIDE

30 августа, среда: VOID

Сентябрь

1 сентября, пятница: NUDE Майк Пикеринг

4 сентября, понедельник: Inspiral Carpets

8 сентября, пятница: NUDE Майк Пикеринг

11 сентября, понедельник: HALLUCIENDA

15 сентября, пятница: NUDE Колин Фэйвор Сет-лист: Kariya — «Let Me Love You for Tonight», Dionne — «Come Get My Loving' (EZ Mix), Afro Erotica — «French Kiss», Lia-sons D — «Future FJP», Snowboy — «Snow-boy's House of Latin», Baby Ford — «Beach Bump' (WildflowerMix), Rhythim is Rhyth-im — «Strings of Life», Blow — «Think Love», Quartz — «Meltdown», Kid «n' Play — «2 Hype», Da Posse — «It's My Life», Annette — «Dream 17», Sterling Void — «Runnaway Girl», Kenny Jammin' Jason & Fast Eddie — «Can U Dance», 808 State — «Pacific State», LA Mix — «Love Together», Kechia Jenkins — T Need Somebody», Ce Ce Rogers — «Someday'

20 сентября, среда: VOID Майк Пикеринг; Джон Дейзилва; PA by K.C. Flight

22 сентября, пятница: NUDE Майк Пикеринг

29 сентября, пятница: NUDE Майк Пикеринг

Октябрь

6 октября, пятница: NUDE Майк Пикеринг

13 октября, пятница: NUDE Майк Пикеринг

20 октября, пятница: NUDE Майк Пикеринг

27 октября, пятница: NUDE Майк Пикеринг

Ноябрь

3 ноября, пятница: NUDE Майк Пикеринг

10 ноября, пятница: NUDE Майк Пикеринг

13 ноября, понедельник: The Shamen

17 ноября, пятница: NUDE Майк Пикеринг; Грэм Парк; Фрэнки Наклз

20 ноября, понедельник: King of the Slums

24 ноября, пятница: NUDE Майк Пикеринг

28 ноября, вторник: Mega City Four

30 ноября, четверг: TEMPERANCE CLUB PARIS

Декабрь

1 декабря, пятница: NUDE Майк Пикеринг

8 декабря, пятница: NUDE Майк Пикеринг

13 декабря, среда:

Sasha. **Сет-лист:** Doug Lazy — «Let the Rhythm Pump», MC Buzz B — «How Sleep the Brave», KC Flight — «Planet E», Toni Scott — «That's How I'm Living», Armando — «100% of Dis-sin' You», Wood Allen — «Airport 89», Renegade Soundwave — «The Phantom», Bizz-Nizz — «Don't Miss the Party Line», DJ Atomico Herbie — «Amour Suave' (Remix), Young MC — «Know How», Phuture Pfanta-sy Club — «Slam», Concrete Beat — «That's Not the Way to Do It», KLF — «What Time is Love», Rhythm Device — «Acid Rock», FPI Project — «Rich in Paradise», Jazz & the Brothers Grimm — «Casanova», Mus-to & Bones — «Just as Long as I Got You I Got Love», The Stone Roses — «Fool's Gold», Guru Josh — «Infinity», 49ers — «Touch Me»,the Machenzie — «Party People», Reese — «Rock to the Beat», Kid «n' Play — «2 Hype», Gino Latino — «Welcome», Raul Orella-na — "The Real Wild House», Julian Jump-in' Perez — «Stand by Me», Sueno Latino — «Sueno Latino' (Cutmaster G Mix)

15 декабря, пятница: Джон Дейзилва

18 декабря, понедельник: The Fall

22 декабря, пятница: NUDE CHRISTMAS Майк Пикеринг; Грэм Парк

23 декабря, суббота: WIDE CHRISTMAS EVE Ник Аррохо

24 декабря, воскресенье: SUNSET RADIO OPENING PARTY

31 декабря, воскресенье: NEW YEAR'S EVE Майк Пикеринг; Грэм Парк

***

ИЗ РЕКЛАМНОГО ПЛАКАТА DRY

Fac 201 Dry

28-30 Олдем-стрит, Манчестер, Англия

Назначение: бар

Владельцы: люди, которые подарили вам Хасиенду

Телефон: 061-236-5051

Официальное открытие: 25 июля 1989 года

Вместимость: 500 человек

Площадь: 450 квадратных метров

Длина барной стойки: 24 метра

Характеристики: матированная нержавеющая сталь, сине-серая поверхность Delabole, протравленное кислотой

гравированное простое стекло, пихта Дуглас, сизый дуб, энтандрофрагма полезная, Junkers beech, американский чёрный орех, телефонные столбы, зеркальная мозаика, глазурованные синие кирпичи, Pantone 2685C Purple, International Orange, BS 10C33 Pollen, оцинкованная сталь, черепица Lapistone Marbo, керамическая плитка Turquoise MG35, PVF2 Silver, полированная нержавеющая сталь, обработанная нержавеющая сталь

Система освещения: 18-канальный Pulsar Rock desk, прожектор Lee low-voltage framing spot

Звуковая система: усовершенствованная Wigwam Acoustics, Denon multiplay compact disc

Где нас найти: Олдем-стрит Директор: Пол Мейсон Управляющий: Лерой Ричардсон

Дизайн: Ben Kelly Design (Бен Келли, Сандра Дуглас, Елена Массуко, Питер Мэне, Денис Бирн, Фред Скотт) Графика: Питер Сэвилл/Джонсон Панас Ответственный за связь с прессой: Пол Конс

***

ЦИТАТЫ И ФАКТЫ

Клубная музыка сейчас крайне разделена и изолирована, а в первые годы эйсид-хауса люди были более открыты. Диджеи тогда хотели показать, что являются чистым андеграундом, но дело было не в этом. В эпоху эйсид-хауса можно было услышать не только хаус и техно, но и записи в стиле хип-хоп, в частности «Know How' от Young MC, New Order и европейские танцевальные треки, выпущенные итальянскими компаниями.

Дэйв Хаслам

Это был не просто клуб. Просто клубом Хасиенда стала с появлением экстази и эйсид-хауса. Это было творческое пространство. У нас играли группы и проводились художественные инсталляции. Уильям Берроуз читал у нас «Голый завтрак», а Дэвид Мэк организовывал большие инсталляции с использованием двенадцатидюймовых конвертов для пластинок. Предполагалось, что Хасиенда будет пространством для всех, местом встреч. Мы ездили в Нью-Йорк и отдыхали в клубах вроде Danceteria. Что в них было классного — помимо того, что это были замечательные клубы, они также служили местом встреч для единомышленников в творчестве. Экстази изменило всё. Очевидно, что темп и настроение стала задавать наркота. Знаете ли, первые два лета экстази и всеобщей

любви — самое невероятное время, которое только можно представить, но потом стало просто скучно.

Майк Пикеринг

***

ВЫДЕРЖКА ИЗ СОВЕЩАНИЯ В БРОМЛИ-ХАУС НА ВУДФОРД-РОУД В БРАМХОЛЛЕ, ПРОШЕДШЕГО 8 ФЕВРАЛЯ 1989 ГОДА

20. Роб Греттон затребовал актуальный бизнес-план, чтобы учесть все утверждённые расходы [на бар Dry].

(Роб Греттон поспорил с Полом Мейсоном на сто фунтов, что расходы возрастут и с акционеров потребуют больше денег.)

1990. «Объём передаваемой наркоты подогревал любопытство копов»

В начале 1990 года Манчестер был центром ещё одной культурной революции. Город не просто отрывался, он вобрал в себя звук, дух и посыл рейва и сформировал нечто совершенно новое — мэдчестер.

Внезапно выяснилось, что любители музыки инди тоже способны танцевать. Все были способны, и делали это в Хасиенде. Клубы города захлестнула невиданная до этого волна, связанная с увеличением числа студентов (на тот момент количество мест в высших учебных учреждениях города выросло в десять раз). Каждые выходные в клуб приезжали полные автобусы посетителей. В связи с популярностью рейва открывались новые клубы. Например, на месте Pips и Nite and Day открылся Konspiracy, который стал самым печально известным. С ним связано не меньше историй, чем с Хасиендой (самое замечательное, например, что Дэмиен Нунан, стоявший на входе, брал с людей за выход в два раза больше денег, чем за вход). На Осборн-стрит в Ньютон-Хит был Thunderdome (в котором Joy Division дали первые успешные концерты), а в Legends на Принсесс-стрит проводило своё мероприятие руководство лондонского клуба Shoom. Happy Mondays сняли там видео на песню «Wrote for Luck». Танцевальный зал Хасиенды вдохновил целое поколение музыкантов. Среди них были Лоран Гарнье (собиравший в клубе посуду), студенты-рейверы The Chemical Brothers, The Charlatans и даже Ноэл и Лиам Галлахеры, работавшие уборщиками до того, как достигли успеха (первый концерт Oasis состоялся в 1993 году в миддлтонском Hippodrome на разогреве у Revenge Питера Хука). Также было много музыкантов, косящих под мэдчестер и появившихся после The Mondays и The Roses. Лондонские журналы начали освещать феномен мэдчестера, после чего даже американские издания стали проявлять интерес: в то лето диджеи Майк Пикеринг, Пол Окенфолд, Грэм Парк и Дэйв Хаслам отправились в диджей-тур по Америке, где были приняты как суперзвёзды. В ***Newsweek*** *мэдчестер даже попал в тему номера.*

По мере роста популярности движения возникали разговоры, что оно становится слишком обезличенным, а мешковатая одежда от Joe Bloggs / Gio Goi превратилась в своего рода униформу. Марк Смит из The Fall написал на эту тему песню «Idiot Joy Showland».

Руководство Хасиенды продолжало искать способы извлечь прибыль из успеха клуба. В первую очередь ребята из Factory решили выкупить здание, чтобы освободиться от бремени

двадцатипятилетней аренды и поднять тем самым стоимость клуба на рынке. С момента открытия они многократно предлагали владельцу продать здание, и в итоге он уступил: руководство Factory застраховало имущество и сразу стало планировать, как использовать свою новоприобретённую недвижимость.

Помню, как меня спросили про здание, когда New Order были за кулисами в Free Trade Hall (причём вспомнить, что мы там делали, не могу). Роб дал нам буквально пять минут на принятие решения, как в игре «да-нет». Мы снова сделали, как нам сказали, но, если учитывать, насколько суровыми были условия аренды, покупка здания представлялась хорошей идеей.

Самый большой недостаток Хасиенды, который отмечали другие, заключался в отсутствии уютного, потаённого уголка, чтобы спрятаться. Так что когда у нас появились деньги (как я уже говорил, мы были на самом гребне волны), первой в голову пришла идея усовершенствовать подвал. Мы хотели устроить клуб внутри клуба, чтобы подготовить площадку для неаншлаговых мероприятий в будние дни и небольших клубных вечеринок. Мы уже использовали это пространство для незапланированной частной вечеринки, но подумали, что можем использовать его более выгодно. Мы рассчитывали получить больше прибыли. В итоге до 1994 года идея была отодвинута на второй план.

Смерть Клэр Лейтон в 1989 году спровоцировала долгое и дорогостоящее противостояние между Хасиендой и манчестерской полицией, которое стало источником хлопот для сотрудников на следующие восемнадцать месяцев, если не на два года. По клубу больно ударил принятый в 1990 году закон, дающий полиции более широкие специальные полномочия, в соответствии с которыми она могла влиять на ответственные за выдачу лицензий ночным клубам государственные структуры. Полицейские также начали операцию «Надзор за клубами», направленную на борьбу с употреблением наркотиков внутри клубов города.

Полиция докучала нам, требуя пересмотреть наши права управления клубом. Дерьмо. Без лицензии мы бы стали просто ещё одним пустым зданием.

Мы пытались привлечь местные сообщества, надеясь, что это решит проблему. На то был прецедент: приблизительно в 1986 году Пол Мейсон вступил в комитет по надзору за безопасностью в пабах и клубах. (Он не мог не вступить в эту организацию, поскольку каждый раз, когда кто-то направлял запрос на

получение лицензии, другие пабы, как правило, его отклоняли, поскольку не хотели роста конкуренции. Мы были по меньшей мере аутсайдерами, поэтому он вступил в организацию, чтобы понять, как функционирует этот бизнес. Пол очень активно занимался этой работой, ему нравилось быть частью организации; какое-то время он даже возглавлял её.)

Чтобы продемонстрировать наше желание решить проблему с наркотиками, мы внедрили схему их изъятия. Когда работающие на входе охранники находили экстази, героин, кокаин или что-либо ещё, всё это добро отдавалось Энг, которая, в свою очередь, запирала его в сейф. Я всё время доставал её с этим ящиком Пандоры. «Ну дай, ну дай», — скулил я, преследуя её по пятам. Охранники даже намекали мне: мол, только что было передано десять таблеток экстази, и я начинал выклянчивать их у нее, получая удовольствие от своего издевательства.

Она очень серьёзно относилась к работе и всегда отказывала (обычно сразу говорила проследовать к такой-то матери). К счастью, я не знал код и ничего не мог сделать.

Каждый понедельник она забирала ящик с наркотиками из сейфа и относила его в полицейский участок. В полиции вскоре сложилось мнение, что она подвергает себя слишком серьёзному риску быть ограбленной по дороге или арестованной за перевозку запрещённых препаратов. Они решили забирать их самостоятельно. Это продолжалось с неделю, после чего Энг пришлось постоянно напоминать им, чтобы они приехали и забрали наркотики. Иногда её заставляли уничтожить накопленную за неделю кучу.

Объём передаваемой наркоты подогревал любопытство копов. Вскоре Энг поняла, что чем больше веществ она сдаёт, тем хуже это выглядит для Хасиенды, поэтому часть она спускала в раковину или в унитаз. Вся эта морока стала для неё проклятием. Дальше полицейские заявили: когда мы обнаруживаем у посетителя наркотики, его нужно развернуть лицом к камере наблюдения, чтобы всё было задокументировано на случай выдвижения обвинений. Ну серьёзно… Мы просто пытаемся управлять клубом. Делайте свою грёбаную работу сами.

Тони активно участвовал в привлечении органов местного самоуправления, так как мы чувствовали себя неспособными что-либо изменить. Самая большая его претензия заключалась в том, что никто не помогал нам: ни полиция, ни уголовный розыск, ни лицензионная комиссия, ни городской совет — никто. Мы настолько привыкли справляться самостоятельно, что уже и не рассчитывали на какую-либо помощь. Тони даже подал заявление на получение гранта, чтобы сохранить Хасиенду и Factory как

крайне важные части культурного и материального наследия Манчестера. Он представил подробное экономическое обоснование, заключавшееся в том, что прибыль клуба и лейбла влияет на всю Великобританию. Сильно он в этом не преуспел. Они с Энг написали от имени клуба петицию местным членам парламента, но и это не дало результатов.

Он оставлял нам неблагодарную работу (например, встретить четырёх головорезов с «узи» в каком-нибудь притоне в Солфорде), а на себя с Полом Мейсоном брал что полегче (например, встречу со старшим констеблем за чаем на полицейской вышке). Ну и удачи им, я своё место знаю.

Мы не играли в плохого и хорошего полицейского. Больше в копа для мажоров и копа для рабочего класса. Не думаю, что это сработало бы как-то ещё: Хасиенда, как и Factory Records, объединяла поколения и социальные классы. Место было суровым, приземлённым и экстремальным, но в то же время эстетским и интеллектуальным.

В действительности в попытке приспособиться в Манчестере ко всем мы раз в месяц предлагали бесплатный вход, еду и напитки бездомным. (Ночь была названа «чесотка», ха-ха!) И таким образом мы старались сохранить имидж престижного ночного клуба.

«Каких только операций под прикрытием не проводилось в клубе», — сказал Тони Уилсон писателю Майку Миддлсу. Это как минимум бесило. Мы очень-очень хотели сотрудничать с полицией в борьбе с наркотрафиком, но при этом, похоже, складывалась ситуация противостояния. Мы не понимали это тогда, не понимаем и сейчас.

В мае 1990 года полиция сообщила менеджеру Полу Мейсону, что собирается помешать нам получить лицензию. В ответ на это руководство клуба усовершенствовало систему безопасности.

И тем не менее власти заявили, что хотят избавиться от нас.

Опасаясь, что нас смогут уличить в употреблении наркотиков, мы обратились к посетителям через флаер, в котором было изложено следующее:

FAC 51 The Haçienda СООБЩЕНИЕ ВСЕМ ПОСЕТИТЕЛЯМ

Как вы, вероятно, знаете, представители Великой Манчестерской Полиции сообщили нам, что собираются лишить Хасиенду лицензии на следующем судебном заседании семнадцатого мая.

Разумеется, мы будем строго и с энтузиазмом следовать

нашему плану. Несмотря на грандиозные усилия последних месяцев, полиция считает, что нам следует более активно работать над пресечением незаконного употребления наркотиков внутри Хасиенды, и тут вы можете нам помочь. Нельзя, повторяем, НЕЛЬЗЯ покупать или употреблять наркотики на территории клуба.

Главная роль вашего клуба — быть танцевальной площадкой с самой классной современной музыкой, но оставаться ею он может только при условии полного устранения незаконных веществ.

Это наш и ваш клуб, мы собираемся отстоять его и рассчитываем, что вы нам поможете.

ПОЖАЛУЙСТА, УБЕДИТЕСЬ В ТОМ, ЧТО ВСЕ ПОНИМАЮТ, НАСКОЛЬКО ВАЖНО ЭТО СООБЩЕНИЕ. ДАВАЙТЕ ЗАЖИГАТЬ. В РАМКАХ ЗАКОНА.

Лицензию нужно было продлевать в июле 1990 года, и рассмотрение по нашему делу было отложено до января 1991-го. На нашей стороне был знаменитый Джордж Карман.

Королевский адвокат Джордж Карман уже тогда был легендой. Он защищал Кена Додда и Джереми Торпа. Первый совет, который он дал, — «заткните этого брехуна» — относился к Тони Уилсону, публичные выступления которого Карман расценивал как препятствующие успешному исходу дела.

Его услуги обходились безумно дорого, но они того стоили: ему удалось отложить заседание на 3 января 1991 года, и клуб получил время, чтобы привести дела в порядок. Он добился этого, приложив заверение в том, что оборот наркотиков в Хасиенде будет ликвидирован, а также письма поддержки, в том числе от нового главы городского совета Грэма Стингера, отметившего, что клуб вносит огромный вклад в экономику города и улучшает обстановку в его центре (он, очевидно, пересмотрел своё мнение со времён рейва 1989 года).

Карман не позволил полиции закрыть клуб, опровергнув данные против нас показания.

Он придавал заседаниям драматизм. В суде он припомнил, что случилось, когда полиция выдвинула обвинения против клуба Konspiracy. Копы утверждали, что были свидетелями ста пятидесяти нарушений, связанных с наркотиками, включая их продажу, покупку и употребление. Руководство Konspiracy опровергло обвинения, объяснив, что в зале было так дымно и темно, что стать свидетелем чего-либо, легального или нелегального, не представлялось возможным. Они привезли

судью, присяжных, полицию и всех причастных к делу в Konspiracy, поставили в зале пятьдесят человек, запустили дым-машину, включили музыку и сказали: «Объясните, как вы можете увидеть сто пятьдесят разных преступлений в таких условиях». Это было невозможно.

Говоря о деле Konspiracy, Карман опроверг выдвинутые против Хасиенды обвинения. По клубу ходило так много людей, что невозможно бьшо увидеть, что делает каждый из них. Более того, все, кто принимал наркотики, были осторожны, поэтому заметить их было сложнее. Копы сфабриковали против нас дело! И суд стоил нам 250 000 фунтов. Карман брал 15 000 за первый день, а затем по 10 000 за каждый последующий, а всего их вышло, кажется, семнадцать.

Полицейские были в ярости, что им не удалось закрыть Хасиенду. Они были реально взбешены, поэтому с тех пор тщательно за нами присматривали.

Во всяком случае нам нужно было сообщить посетителям о том, что случилось и что им следовало вести себя правильно.

ХОРОШИЕ НОВОСТИ

Заседание суда от 23 июля постановило отложить слушание до 3 января 1991 года.

Это означает, что до этого дня Хасиенда будет работать как обычно. FAC 51 the Haçienda собирается приложить ещё больше усилий, чтобы сохранить клуб. В том числе полностью ликвидировать употребление запрещённых препаратов на территории клуба.

Мы продолжаем рассчитывать на вашу помощь и содействие. Пожалуйста, уясните: ЗАПРЕЩЕНО, повторяем, ЗАПРЕЩЕНО покупать и употреблять наркотики на территории клуба, а также приносить их с собой.

Пожалуйста, убедитесь, что все поняли, насколько важно это сообщение.

Спасибо за вашу поддержку.

За этим последовал ещё один флаер (Тони, относившийся ко всему этому как к художественному проекту, назвал его «Communique, Winter 90/91').

Дорогой друг!

Давай признаем, что 1990 год не был для Хасиенды лёгким. Наши трудности начались в мае, когда возникла опасность лишения лицензии, когда мы приняли решительные меры, направленные на сохранение клуба.

Главной проблемой стали всё более частые случаи проявления насилия внутри и в окрестностях клубов Манчестера. Тенденция нас беспокоила, и простого решения тут не было.

Очевидно, что оба эти фактора сильно повлияли на управление Хасиендой.

Мы понимаем, что обыски на входе, видеонаблюдение и квалифицированная охрана хотя и были необходимы, но разрушали клубную атмосферу. Также мы первыми готовы признать, что нам было тяжело найти идеальный баланс между законностью и весельем.

Мы прекрасно понимаем, что работа сотрудников клуба на входе вызвала бурю критики. Одной из проблем оказалась потеря постоянных посетителей, которые переставали ходить в клуб. Мы постараемся улучшить ситуацию в новом году, введя систему членства, гарантирующую участникам вход в клуб по сниженной цене (подробнее будет рассказано в ближайшее время).

Однако мы считаем, что неплохо бы помнить, что зачастую несправедливо обвиняемые охранники на входе Хасиенды находятся в ситуации сильного стресса: пускай они не всегда правы, но они работают в тяжёлых условиях и рассчитывают на ваше понимание.

Что же, судебное заседание не за горами, и после 3 января нам дадут знать, есть ли у Хасиенды будущее. Мы уверены, что есть. А пессимисты пускай идут к чертям.

МЫ ХОТИМ ВЫРАЗИТЬ БЛАГОДАРНОСТЬ ВСЕМ, КТО ПРОДОЛЖАЛ ПОДДЕРЖИВАТЬ НАС В ЭТО НЕЛЁГКОЕ ВРЕМЯ. ОГРОМНОЕ ВАМ СПАСИБО.

Эта была эпоха диджеев.

Не многих диджеев Хасиенды я знаю хорошо, но некоторые из них не понравились мне из-за своих звёздных амбиций: тысяча фунтов и более за вечер (нам всё ещё принадлежит рекорд в виде самого высокого диджейского гонорара за один вечер). Тодд Терри заработал 12 500 фунтов плюс отель, транспорт, бытовой райдер (включающий выпивку и еду) и «цыпочки».

Я считал это расточительством, но субботние концерты приносили нам много денег.

Иногда мы приглашали троих исполнителей. Не удивительно, что в этом случае мероприятия были убыточными.

Забавно, но изначально кабинка диджея представляла собой углубление в стене. Потом она превратилась в настоящий тронный зал с замками на двери, которые открывали только для того, чтобы впустить нескольких близких друзей, жаждущих занюхать дорожку, или дилеров, предоставляющих свой товар.

Сколько раз за все годы я пинал эту дверь, когда наглые мерзавцы оставляли меня стоять и курить снаружи.

Самое худшее случилось на двенадцатый день рождения клуба, в 1994 году, когда мы пригласили двенадцать диджеев.

У нас не было ни единого шанса заработать достаточно денег, чтобы покрыть расходы. В действительности не было ни единого шанса, чтобы дать им всем время выступить. Самоубийственная была идея. Затраты оказались запредельными, а в итоге половина диджеев передралась из-за порядка и времени выступлений. И ведь мы не в первый раз устраивали нечто подобное. В 1983 году у нас уже было 12-часовое диджейское мероприятие. Хоть меня там не было, но я уверен, что и других тоже. Даже когда исполнение диджей-сетов в Хасиенде набрало популярность, мы не воспользовались этим, чтобы приглашать людей за меньший гонорар. Роб продолжал отваливать диджеям деньги и перестал приглашать группы. Если диджей просил дополнительные пятьдесят фунтов, Роб сдвигал свои знаменитые очки вверх и говорил: «Выплатите ему ещё сотню — и пускай катится на фиг».

За это время мои отношения с диджеями улучшились. Джон Дейзилва вёл вечерние мероприятия в середине недели, и мне случалось их посещать. С тех пор я очень хорошо его узнал и много с ним работал. Он прекрасный диджей. У него есть замечательная история про тур Technique, в котором он и Грэм были у нас на разогреве: якобы я просил их убраться и называл парой самовлюблённых ублюдков. Не, я так сказать не мог, ведь правда?

Дэйв Хаслам, напротив, отдалялся от всех нас. Он вёл Temperance Club и вечера инди-рока восьмидесятых, которые пользовались популярностью среди студентов. В некотором смысле там звучала музыка, которую публика ждала от клуба, ассоциировавшегося с нами. В его арсенале было много разных музыкальных жанров, но я предпочитал упор на танцевальную музыку.

У них с Тони был конфликт, который достиг своего пика к октябрю 1990 года, когда Дэйв выключил музыку, чтобы заявить в микрофон всё, что он думает о Тони и Factory. Он поносил их всех прямо перед озадаченными посетителями, и это было уморительно. Конец этому положил охранник, который вышиб дверь диджейской кабинки и вышвырнул Дэйва. Тони мало кого недолюбливал и редко на кого затаивал злобу, но к Хасламу он питал именно эти чувства — причём до самой смерти.

Дэйв вернулся в Хасиенду позже, приведя Тони в сильное возмущение, и написал потом много книг о Манчестере.

В своей книге «Круглосуточные тусовщики» Тони Уилсон говорит, что даже в 1990 году, на пике манчестерской лихорадки, клуб всё ещё не приносил прибыль. «Была большая аудитория и прекрасная атмосфера, — писал он, — но всё было заполнено экстази, а не алкоголем, и в баре экстази не продавали». (Предположительно после судебного заседания публика стала принимать наркотики до того, как входила в клуб.) Он говорил, что деньги попадали дилерам и не имели никакого отношения к Хасиенде.

Уилсон, совладельцы и другие промоутеры клуба оказались на грани неизбежного побочного эффекта рейв-культуры. Где наркотики, там и деньги. А следовательно, банды и оружие.

Проблемы начали нарастать как снежный ком в сентябре 1989 года, когда полиция закрыла Gallery, любимое место бандитов из Читэм-Хилла. В следующие же выходные, желая оттянуться, они приехали в Хасиенду.

Всё навсегда изменилось в ту ночь. Три парня подошли к двери и сказали охранникам: «Мы проходим».

«Нуда! Вы и чья-то армия?»

«Мы и вот это», — и они, распахнув полы пальто, показали оружие.

«Ну да, вы проходите», — сказали вышибалы и отступили. А что бы они могли сделать против оружия?

Эти ребята зашли в клуб, сели в кабинке и стали вполне обыкновенно выпивать и общаться. Мы наблюдали их на мониторе.

Охранники доложили Полу Мейсону, что случилось. Он позвонил в полицию, приехали представители уголовного розыска, посмотрели на ребят через мониторы и сказали Полу: «Если от них не будет неприятностей, оставьте их в покое». И уехали.

Что это было за время! Именно тогда у нас стали возникать регулярные проблемы с организованной преступностью, поскольку банды знали, что полиция ничего делать не будет. Нам была нужна энергичная и дальновидная полиция, а такой у нас не было. Мы постоянно просили о полицейских на входе, но над нами просто смеялись: неужели мы думаем, что они будут связываться с бандами ради нас? Знаю, критиковать всегда легко, и я не обвиняю их в желании избежать опасности. На войну людей без оружия никто не пошлёт, но в Манчестере, да и во всей Англии, мы вечно просим безоружных людей бороться с вооружёнными. Это просто нелепо.

Тони знал, как привлечь общественность, и в тот период это действительно помогло. Он сообщил о наших проблемах с бандами через прессу. Полицейским очень и очень не понравилось, что их недоработки получили огласку. Они возненавидели Хасиенду и хотели, чтобы клуб просто исчез, что было забавно: я-то думал, что это удобно — знать, где тусуется по ночам каждый псих и головорез Солфорда. При каждом удобном случае Тони жаловался на работу копов в городской совет Манчестера, он им спуску не давал.

Разумеется, ситуацию на входе в наш клуб это не улучшило, но заставило охранников изменить своё отношение к обязанностям. Им пришлось научиться защищать самих себя. Всё изменилось. В конечном счёте даже сама иерархия в клубе: теперь реальными управляющими стали не руководители, а охранники.

1990 год запомнился многочисленными случаями насилия: на охранников и посетителей клубов нападали, в ход шли ножи, вынимались пушки. Некоторые бандиты видели в дилерах лёгкую добычу, или «налогоплательщиков», как они их называли, другим хотелось взять часть их заработанных на наркоте денег. В Рождество произошёл инцидент в Discotheque Royale, где банда из Читэм-Хилла избила охранников, а затем, достав оружие, «взяла налог» с дилеров и посетителей клуба. Самым печально известным способом «взимания налогов» был «скребок», когда дилера похищали, отвозили на кольцевую дорогу M602 в Солфорде и катали лицом по асфальту. Инциденты также случались в Konspiracy и The Kitchen. Семена «Ганчестера» были посеяны.

***

РАСПИСАНИЕ МЕРОПРИЯТИЙ ХАСИЕНДЫ ЗА 1990 ГОД

ЯНВАРЬ

3 января, среда: VOID Джон Дейзилва; Майк Пикеринг
4 января, четверг: TEMPERANCE CLUB Дэйв Хаслам
5 января, пятница: NUDE Майк Пикеринг
10 января, среда: VOID Джон Дейзилва; Майк Пикеринг
11 января, четверг: TEMPERANCE CLUB Дэйв Хаслам
12 января, пятница: NUDE Майк Пикеринг
17 января, среда: VOID Джон Дейзилва; Майк Пикеринг
18 января, четверг: TEMPERANCE CLUB Дэйв Хаслам
19 января, пятница: NUDE Майк Пикеринг
24 января, среда: VOID Джон Дейзилва; Майк Пикеринг
25 января, четверг: TEMPERANCE CLUB Дэйв Хаслам

26 января, пятница: NUDE Майк Пикеринг
27 января, суббота: Томми Масто; Фрэнки Бонс
31 января, среда: VOID Джон Дейзилва; Майк Пикеринг

Февраль
2 февраля, пятница: NUDE Майк Пикеринг
3 февраля, суббота: Пол Окенфолд
5 февраля, понедельник: Northside; Paris Angels; The Spinmasters
9 февраля, пятница: NUDE Майк Пикеринг
16 февраля, пятница: NUDE Майк Пикеринг
21 февраля, среда: COACH TRIP TO LOCOMOTIVE New Fast Automatic Daffodils; Paris Angels
22 февраля, четверг: COACH TRIP TO LOCOMOTIVE James; Дэйв Хаслам
23 февраля, пятница: NUDE Майк Пикеринг
27 февраля, вторник: STAFF PARTY AT THE GREEN ROOM Revenge; Стив Уильямс

Март
2 марта, пятница: NUDE Майк Пикеринг
5 марта, понедельник: The Beloved
6 марта, вторник: The Fall. **Сет-лист:** «The Littlest Rebel», «Jerusalem», «Sing! Harp/, «I'm Frank», Telephone Thing», «Hilary", «Hit the North», «Bill is Dead», «Black Monk Theme», «Popcorn Double Feature», «Deadbeat Descendant», «Bremen Nacht», «And Therein», Victoria», «Mr Pharmacist», «U.S. 80's-90's», «Fiery Jack'
9 марта, пятница: NUDE Майк Пикеринг
12 марта, понедельник: Northside; Paris Angels
16 марта, пятница: NUDE Майк Пикеринг
21 марта, среда: VOID Guru Josh
23 марта, пятница: NUDE Майк Пикеринг
30 марта, пятница: NUDE Майк Пикеринг

Апрель
2 апреля, понедельник: Dubsex
6 апреля, пятница: NUDE Майк Пикеринг
9 апреля, понедельник: The Farm
10 апреля, вторник: Джимми Самервилл
13 апреля, пятница: NUDE Майк Пикеринг
16 апреля, понедельник: Adamski
20 апреля, пятница: NUDE Майк Пикеринг
23 апреля, понедельник: The Mock Turtles
27 апреля, пятница: NUDE Майк Пикеринг

Май

4 мая, пятница: NUDE Майк Пикеринг

11 мая, пятница: NUDE Майк Пикеринг

14 мая, понедельник: New Fast Automatic Daffodils

18 мая, пятница: NUDE Майк Пикеринг

21 мая понедельник: EIGHTH BIRTHDAY PARTY

25 мая, пятница: NUDE Майк Пикеринг

Июнь

THE UNITED STATES OF THE HAÇIENDA: TRANCE AMERICAN TOUR Майк Пикеринг; Пол Окенфолд; Грэм Парк; Дэйв Хаслам

1 июня, пятница: NUDE Майк Пикеринг

6 июня, среда: VOID Джон Дейзилва; Майк Пикеринг

7 июня, четверг: TEMPERANCE CLUB Дэйв Хаслам

8 июня, пятница: NUDE Майк Пикеринг

13 июня, среда: VOID Джон Дейзилва; Майк Пикеринг

14 июня, четверг: TEMPERANCE CLUB Дэйв Хаслам

15 июня, пятница: NUDE Майк Пикеринг

18 июня, понедельник: Northside

20 июня, среда: VOID Джон Дейзилва; Майк Пикеринг

21 июня, четверг: TEMPERANCE CLUB Дэйв Хаслам

22 июня, пятница: NUDE Майк Пикеринг

27 июня, среда: VOID Джон Дейзилва; Майк Пикеринг

28 июня, четверг: TEMPERANCE CLUB Дэйв Хаслам

29 июня, пятница: NUDE Майк Пикеринг

Июль

6 июля, пятница: NUDE Майк Пикеринг

13 июля, пятница: NUDE Майк Пикеринг

14 июля, суббота: TRANCE AMERICAN TOUR HITS THE SOUND FACTORY, NEW YORK Пол Окенфолд; Майк Пикеринг; Грэм Парк; Dee-Lite

20 июля, пятница: NUDE Майк Пикеринг

23 июля, понедельник: Слушание по анулированию лицензии перенесено на январь 1991 года

27 июля, пятница: NUDE Майк Пикеринг

28 июля, суббота: Ник Аррохо

Август

3 августа, пятница: NUDE Майк Пикеринг

10 августа, пятница: NUDE Майк Пикеринг

17 августа, пятница: NUDE Майк Пикеринг

24 августа, пятница: NUDE Майк Пикеринг

31 августа, пятница: NUDE Майк Пикеринг

Сентябрь

7 сентября, пятница: NUDE Майк Пикеринг
14 сентября, пятница: NUDE Майк Пикеринг
21 сентября, пятница: NUDE Майк Пикеринг
28 сентября, пятница: NUDE Майк Пикеринг

Октябрь

5 октября, пятница: THE MIX Дэйв Бут
6 октября, суббота: NUDE Майк Пикеринг, Грэм Парк
11 октября, четверг: TEMPERANCE CLUB Дэйв Хаслам (последнее выступление Дэйва)
16 октября, вторник: CLASSICS IN MOTION Рольф Хинд; Грэм Фиткин; The Durutti Column; Steve Martland & Orchestra (классический состав Factory и нынешние музыканты Хасиенды...)
17 октября, среда: SHIVA Джон Дейзилва; Майк Пикеринг
18 октября, четверг: TEMPERANCE CLUB Тим Чамберс
22 октября, понедельник: Plenty; The Sandmen; Дэйв Бут
29 октября, понедельник: The High; Дэйв Бут

Ноябрь

5 ноября, понедельник: Synergy; The Shamen; Дэйв Бут
9 ноября, пятница: THE MIX Bass-o-Matic; Дэйв Бут
11 ноября, суббота: Northside и гости
12 ноября, понедельник: Blur; Дэйв Бут
19 ноября, понедельник: Bridewell Taxis и гости
26 ноября, понедельник: Cud; The Popinjays

Декабрь

3 декабря, понедельник: The High и гости; Little Martin; Дэйв Бут
14 декабря, пятница: DECONSTRUCTION RECORDS PARTY N-Joi
17 декабря, понедельник: New Fast Automatic Daffodils
24 декабря, понедельник: CHRISTMAS EVE PARTY Майк Пикеринг
31 декабря, понедельник: NEW YEAR'S EVE PARTY Майк Пикеринг; Грэм Парк; Джон Дейзилва

***

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО БАНДАМ МАНЧЕСТЕРА. 1990 ГОД

Читэм-хилл

Хоть Читэм-Хилл на севере города представляет собой относительно небольшой район Манчестера, там обосновалась одна из крупнейших и наиболее организованных банд, в которую входили темнокожие и парни смешанной расы. Имели ужасную репутацию.

Доддингтон

Орудовали на территории Мосс-Сайд, получили своё имя от Дод-дингтон-Клоуз в западной части района. Были известны наличием молодёжи в своих рядах.

Гуч

Также находились в Мосс-Сайде, состояли в основном из темнокожих. Банда была сформирована в Гуч-Клоуз. В её рядах было много немолодых участников, стоявших у истоков, но она также активно принимала юнцов, отличавшихся особой жестокостью.

Солфорд

По большей части состояла из белых, была одной из самых старых, если не самой старой бандой. Как и в случае с другими бандами, «прославилась» благодаря жестокости молодых участников.

1991. Глава о том, как я впервые посетил женский туалет. Смотрелся он мило, спешу доложить

В самом начале 1991 года возникла проблема. С одной стороны, мы попросили отказаться от наркотиков, а с другой, благодаря группам вроде Happy Mondays создалась сцена, которая превозносила их употребление.

«Мы не отвечаем за личную жизнь наших музыкантов», — говорил Тони Уилсон писателю Мику Миддлсу. Уилсон был в курсе парадокса, он и сам мог употребить иной раз. Очерчивая моральные границы в культуре употребления веществ, он не мог игнорировать преступные группировки.

«В чём я никогда не буду участвовать и что меня пугает — это проявление насилия, которое иногда связано с наркотиками и уже создало проблемы в Хасиенде. Что люди пьют, курят или глотают — целиком их дело до тех пор, пока они не причиняют вреда другим. Именно тогда это становится проблемой, и мы должны её решать».

На отложенном заседании 3 января суд был рад сообщить, что «решение положительное» и наша лицензия продлена.

Чтобы извлечь пользу из отсрочки заседания, мы изменили нашу схему управления и установили более строгие требования на входе. Сам факт, что Хасиенда, флагман рейв-культуры, была вынуждена ввести эти драконовские законы, был плохо воспринят аудиторией. Очереди стали ещё длиннее, распространение фэнзина Freaky Dancing и другие развлечения, которые предлагал клуб, не производили особого эффекта. Кроме того, новая система не могла оградить Хасиенду от зачинщиков проблем. А зачинщики эти были вооружены.

До сих пор у наших вышибал настоящих проблем с посетителями не было, и мы всё ещё имели репутацию самой чудесной и мирной охраны в Англии.

Но этому миру приходил конец.

После того как полиция закрыла Gallery, бандиты перебрались в Хасиенду, увидели, сколько тут народу, и подумали: а вот и добыча.

Не забывайте, что долгое время клуб был известен тем, что пустовал, и тем, что в нём играла инди-музыка. Но теперь дилеры могли заработать от трёх до четырёх тысяч по пятницам и от

четырёх до пяти тысяч по субботам. Тогда это были в основном ребята из среднего класса с университетским образованием из Стока, многие из которых работали в клубе на постоянной основе.

Поначалу бандиты были их клиентами, которых принимали с распростёртыми объятиями, однако со временем те разузнали, сколько бы могли получать, если бы вступили в долю. Они в буквальном смысле переворачивали дилеров вниз головой и вытрясали из них деньги и наркотики. Если это не помогало, дилеров жестоко били. Само собой, заявлений в полицию пострадавшие не писали.

В результате и ночи не проходило без криминальных новостей. У охраны Dry были те же проблемы, что и в Хасиен-де, — одни и те же бандиты регулярно посещали оба заведения. Проявления насилия были настолько суровыми, что мы пожалели, что открыли оба места, хотя с Хасиендой всё обстояло особенно печально. Я не знаю другого заведения в Англии, которое страдало бы от разборок так же, как мы. Мы были уникальны.

В среду 9 января в клубе отмечали продление лицензии и День благодарения. Участвовали резиденты Хасиен-ды Майк Пикеринг, Грэм Парк, Джон Дейзилва и Electronic с живым выступлением. Первая в новом году вечеринка Nude была организована в субботу, накануне была введена в практику новая схема управления, нацеленная на то, чтобы задиры не попадали внутрь. А в следующую субботу состоялся второй Nude в году и последний Nude, проведённый в клубе.

Произошёл инцидент. Сообщили, что охраннику угрожали оружием, но обошлось без пальбы. Однако Тони Уилсон в книге «Круглосуточные тусовщики» пишет: «Кто-то из главарей банды Читэм-Хилла подошёл ко входу в Хасиенду, размахивая пушкой. Раздались выстрелы».

Очевидно, парень был недоволен тем, что по новым правилам его не пропускали.

Это стало последней каплей. В среду, после нескольких дней совещаний, Уилсон собрал в танцевальном зале Хасиенды пресс-конференцию.

«С сегодняшнего дня Хасиенда закрывает двери, — заявил он журналистам (отметившим, что он выглядел уставшим и измождённым). — С огромной неохотой мы на некоторое время гасим свет в наиболее важном для нас заведении.

Мы вынуждены принять эти крайние меры, чтобы защитить наших сотрудников, руководство и всех посетителей. Мы сыты по горло и не можем больше разбираться со случаями насилия.

Мы должны верить и надеемся, что вновь откроем Хасиенду,

когда обстановка станет лучше. Но пока мы не можем управлять клубом, не рискуя ничьими жизнями. По мнению владельцев, Хасиенда является сердцем молодёжного движения города. Закрытие клуба — большая утрата для нас».

Угроза закрытия всегда маячила на горизонте. Полиция сосредоточила свои силы на проблемах с наркотиками, но владельцы Хасиенды знали, что большей проблемой являются вооружённые люди и преступность. В 1987 году число перестрелок в городе увеличилось, были случаи бандитских расправ — например, убийство известного бузотёра Тони «Уайт» Джонсона. Преступников в первую очередь интересовали героин и кокаин, а не мелочь вроде веществ в ночных клубах, но писатель Энди Спиноза отметил, что бандитам тоже нравилось ходить в клубы, и их любимым местом ночных тусовок была Хасиенда, самый модный клуб в городе.

Они рассчитывали на моментальный и бесплатный проход в клуб и легко могли для этого пригрозить оружием.

Хасиенда в долгу не осталась и отправила им сообщение. Дошло ли оно до них — ещё вопрос.

На пресс-конференции репортёрам сказали, что клуб будет закрыт примерно на месяц. Но он закрылся на целых пять.

Причиной закрытия Хасиенды в январе 1991 года была активность преступных группировок. Они стали представлять слишком серьёзную опасность. Мы были вынуждены взять паузу и пересмотреть нашу работу, и это стоило нам огромных денег. Управлять закрытым клубом оказалось дороже, чем открытым. За эти пять месяцев мы потеряли 175000 фунтов.

Мы оборудовали здание металлодетектором, как в аэропорту. Когда всё утряслось, мы сделали заявление:

THE HAÇIENDA PRESS RELEASE, 11 апреля 1991 года

Мы рады сообщить, что руководство клуба объявляет о повторном открытии Хасиенды 10 мая 1991 года.

Мы считаем, что обстановка значительно улучшилась, и мы можем начать всё заново. Наконец-то их [sic] в городе появился новый взгляд.

Мы открываемся и искренне верим в добрые намерения людей и в Манчестер.

За более подробной информацией обращайтесь к Полу Консу по телефону: 061 953 0251.

Внешний вид Хасиенды изменился. Бен Келли разработал новый дизайн, в соответствии с которым колонны были покрашены в

более яркие цвета.

В целях безопасности были установлены металлодетекторы (которые, по словам Тони Уилсона, никогда не работали, так как размещались на металлическом полу), введён тщательный личный досмотр посетителей, внешние и внутренние инфракрасные камеры позволяли руководству Хасиенды и полиции выявлять места оборота наркотиков. Сотрудники клуба делали всё возможное, чтобы пресечь преступную деятельность и распространение наркотиков.

Эти нововведения также предоставили возможность обновить состав диджеев. На вечеринке в честь повторного открытия клуба, получившей название The Healing, были новые исполнители. По субботам мероприятие возглавлял Грэм Парк, бывший одним из самых известных, если не самым известным диджеем Великобритании. По четвергам на своё привычное ещё с Temperance Club место вернулся Дэйв Хаслам. Теперь его программа называлась Beautiful 2000. Новым мероприятием Майка Пикеринга вместо Nude стало Shine!, куда приглашались известные диджеи Sasha и Дэвид Моралес.

Именно на Shine! произошли печально известные разборки.

Заново открыв клуб, мы наняли зарекомендовавшую себя охранную компанию Top Guard, специализирующуюся на массовых мероприятиях. Они имели опыт обеспечения безопасности на футбольных матчах, концертах и фестивалях. Таким образом, мы увеличили свой привычный штат из нескольких охранников на входе. Мы даже подумывали о том, чтобы привлечь их к сопровождению Пола Мейсона с работы и на работу — на случай, если его вознамерится преследовать какой-нибудь недоброжелатель или грабитель.

Потом выяснилось, что «не Пол запирал двери, это делала Энг».

Она бывала на каждом мероприятии, уходила последней и относила всю выручку наверх, в офисы, — лёгкая добыча для любого. Каждые выходные на территории клуба оставалась тонна наличных денег. В понедельник утром открывался банк, и сотрудники их забирали, но в банковские выходные дни клуб был особенно притягателен для грабителей. Когда страховая компания выяснила, что Энг бродила по пустому зданию сорок минут, закрывая и проверяя все двери, после чего одна в три часа ночи шла домой, ей выдали персональную сигнализацию, которую можно было носить на шее, обеспечили сопровождение с работы и установили железный засов на двери её квартиры. Неплохо.

Мы в это время сконцентрировались на безопасности Хасиенды. Три старших охранника жили на окраинах Манчестера, а их подчинённые приезжали на междугороднем автобусе из Бирмингема. После повторного открытия у нас оказалось порядка двенадцати доберманов и пятидесяти вышибал. Они патрулировали как снаружи клуба, так и внутри. Никаких белых рубашек и пальто кромби (к которым привыкли наши охранники) — теперь охрана приобрела милитаристский вид и выглядела гораздо более устрашающе. Довольно странно: концерт в честь открытия мы назвали The Healing[8], но ребята из Солфорда и Читэм-Хилла не замедлили явиться и чуть не закрыли нас. Они ломились в двери. Я пригласил Артура Бейкера из Нью-Йорка на празднование повторного открытия, но мы и близко не смогли подойти к дверям. Драка с охраной была настолько суровой, что нам пришлось час ждать на другой стороне дороги.

В тот вечер наши новые охранники, жившие в основном в южной части города, творили чёрт знает что. Думая, что демонстрация силы решит проблему, они ополчились на всех, вместо того чтобы разрядить ситуацию путём переговоров. Они не понимали, кто заслуживает доверия, и быстро стали подзрительными, а бандиты ломились в двери.

Но это был ещё только пролог.

На следующий вечер охранник впустил нескольких человек из Солфорда и, пока они проходили, пробормотал: «Солфордские козлы».

В клубе они спокойно расселись и по мобильным телефонам вызвали подмогу из молодых ребят. А потом просто сидели в углу и ждали.

Это была настоящая военная операция. Первые приходили по одному или по двое, вторая партия заявилась уже целой толпой. Ломая дверь, они ворвались внутрь.

Охранники последовали за ними, но тут в игру вступила первая группа и нанесла им удар в спину. Классика жанра. Охранников было сильно меньше, и они стали «отступать» (бежали с полными штанами) через весь клуб, наводя панику. Между барной стойкой и пожарными выходами их загнали в угол. Это был кромешный ад. Повсюду кровь, кричащие посетители. Чёртов хаос.

Это был типичный пример того, как молодые члены группировок работают по указке старших. Их манёвры были прекрасно спланированы. Кто-то вызвал полицию, но отряд особого назначения прибыл через сорок пять минут, несмотря на то что полицейские вели съёмку здания с железнодорожного моста напротив: отслеживали, сколько человек входит в клуб и

выходит (чтобы прижучить нас за превышение допустимого числа людей в здании). Помогать нам они не хотели. И тут претензий к ним быть не может, правда. Раненые охранники лежали рядком до самого прибытия помощи.

Это нападение произошло 22 сентября. Майк Пикеринг проводил Midsummer Night Shine!, мероприятие, для которого была получена специальная лицензия, позволяющая работать до четырёх часов утра. Сначала была оцеплена улица, затем появились около двух сотен офицеров отряда особого назначения и вывели посетителей из клуба. Сверху жужжали и светили прожекторами вертолёты. На выходе каждого посетителя сфотографировали...

Было много других инцидентов, самым серьёзным из которых оказалось преследование начальника охраны азиатом с «узи». Охранник выбежал через заднюю дверь, запрыгнул в машину и погнал домой в Лондон, и с тех пор мы его не видели. Бедолага. Этот случай положил конец многому. Другие охранники также собрали вещи и уволились. «Чёрта с два мы здесь останемся, даже если у нас будет сотня доберманов. Туг слишком много ребят с оружием».

Хуже не придумаешь. Мы открылись заново, но остались без охранников. Поскольку ни клубы, ни посетители, ни даже копы не могли справиться с преступниками, последние становились всё более наглыми. Очевидно, что нам нужен был кто-то более толковый, кто-то, кто просекал ситуацию и точно знал, что происходит...

Именно тогда владельцы Хасиенды обратились к Полу Кэрроллу (один из тех, кто посоветовал нам Top Guard) и Дэмиену Нунану. Оба имели связи в криминальной среде, а Дэмиен был членом печально известной семьи Нунанов — в этой большой семье имена всех братьев начинались с буквы «Д». Его брата Дезмонда судили за убийство Тони «Уайт» Джонсона, но оправдали. У него была репутация посредника между бандами. Его младшему брату Доминику было вынесено более сорока обвинений в вооружённых ограблениях, нападениях на полицейских, жульничестве, хранении огнестрельного оружия и мошенничестве. И вот Дэмиен Нунан и Кэрролл должны были стоять на входе.

Да, они были плохими парнями, но кроме них нам не к кому было обратиться. Мы надеялись, что с помощью семьи Нунана сможем предотвратить уличное насилие. В этом была наша задумка.

Из огня да в полымя. У меня есть друг, полицейский в Солфорде. Он рассказал мне о неписаном правиле: если Дэмиена Нунана задерживают, его тут же отпускают независимо от того, что он натворил.

Однажды Лангворти-роуд патрулировал новобранец.

Он остановил парня за вождение в нетрезвом виде, взял рацию и сказал: «Мне нужна помощь. Я задержал парня по имени...» — никто не разобрал, но имя звучало как «уунан».

В участке все замерли. «Нунан? Он сказал Нунан?»

Они стали кричать: «Отпусти его!»

«Что? Не слышу, связь прерывается», — ответил он им.

Копы наложили в штаны, поскольку это они инструктировали новичка и знали, что Дэмиен нахлобучит их всех. Того парня также вздрючили, когда он вернулся в участок.

Казалось, будто бандиты устраивают беспредел из спортивного интереса, но Нунаны действовали как настоящие бизнесмены. Когда я проезжал мимо дома Дэмиена, мне всегда было интересно, кто же там живёт. Он сделал лютейшее рождественское освещение — вам такого точно не доводилось видеть. Оно радовало весь район. Никто другой не стал бы такого устраивать: всё было бы сломано или украдено, но Дэмиен украсил свой дом как сказочный замок.

Нунаны стояли очень высоко в иерархии банд, и для нас это было как раз то, что нужно.

Многие банды Солфорда имели в своей основе семейные связи. Более старшие, включавшие моих друзей со школы, были довольно цивильными и любили вечеринки (даже слишком любили). Молодая поросль состояла из проблемных, неблагополучных, жестоких и непредсказуемых ребят, чувствительных к любым обидам, но при этом с почтением относящихся к своим районам и старшему поколению. Чтобы не сталкиваться с ними, нужно было соблюдать осторожность; они выполняли грязную работу за старших.

Вокруг ошивалось полно подобных персонажей. Один из моих лучших друзей мог быть очень дружелюбным, но постепенно сильно испортился. Он дразнил полицию, пьяным разъезжая на угнанных машинах, пока полицейские его не замечали и не начинали преследовать. Его это очень забавляло, и он расстраивался, если случайно угонял быструю машину, потому что тогда у полиции не было шансов его догнать. Если во время погони копы отставали, он возвращался, чтобы найти их и начать всё сначала. Однажды он так спланировал погоню, что полицейская машина застряла в воротах, и офицер не мог открыть дверь. Мой друг раздолбал машину к чертям, прежде чем

та смогла освободиться. Эту историю я услышал из первых уст, так как в тот раз с ним в машине была Сюзанна с кухни. Она кричала и хотела вылезти, но он запер её внутри. Она говорила, что этот случай отнял у неё десять лет жизни.

И он был такой не один. Плохие парни знали, где ремонтируются полицейские машины, поэтому проникали в гараж, разбивали их, жгли, снимая это всё на камеру, а кассеты отправляли почтой в Кресент, в главное полицейское управление. Для них это была игра, подзарядка.

И именно эти парни теперь стояли на входе в наш клуб.

Сейчас уже, оглядываясь назад, можно решить, что всё было в какой-то степени подстроено. Гипотетически бандиты могли разыграть нападения на входе. Слухи о том, как щедро мы платим, распространились широко: шутили, что даже доберманы у нас получают большие деньги. Возможно, бандиты, решившие, что у нас денег куры не клюют, захотели присоединиться.

Мы платили двум стоящим на входе людям четыреста фунтов за вечер полюс около ста пятидесяти фунтов за вечер каждому из их помощников, у которых, как я слышал, старшие потом забирали часть (другими словами, руководство Хасиенды платило сто пятьдесят фунтов, но вышибалы получали восемьдесят).

Другого выбора у нас не было: только платить. Мы даже защищали Дэмиена перед специальным трибуналом, наняв для него адвокатов, чтобы сохранить его бейджик охранника. У него была судимость за нападение при отягчающих обстоятельствах и вооружённое ограбление. Он был нужен нам, чтобы управлять охраной у входа в клуб, поэтому Тони сказал судье: «Он усвоил урок, *мдам*». Очень хитро, правда. Как мы всё это выдержали — настоящее чудо, но удостоверение укрепило его статус. Дэмиен очень им гордился, ему нравилось занимать столь авторитетную должность.

Пол и Дэмиен сохраняли нейтралитет, когда дело касалось банд. Их работа заключалась в поддержании порядка, как у учителей, следящих, чтобы трудные дети не поубивали друг друга на площадке. Члены группировок по-прежнему могли войти в клуб, но конфликтующие банды должны были сидеть в разных углах, и насилие над персоналом строго запрещалось. Раньше бандиты, особенно обнаглев, могли совершить налёт на бар, чтобы доказать свою неуправляемость. Вдвоём или втроём они перелезали через барную стойку и уносили несколько бутылок. Если бармен пытался их остановить, то тут же получал в ухо.

Это прекратилось. Дэмиен не потерпел бы нападения на охранников. Он стоял за них горой и, если кто-то выходил за рамки, отвечал тем же. Нападения на бар тоже прекратились —

после того, как Дэмиен предложил бандитам скидку на выпивку.

Этот компромисс позволил крупным шишкам покупать шампанское по себестоимости. И пока мы продавали им по дешёвке, они не воровали и не угрожали персоналу. Других пытавшихся воровать били. Бандиты из Гуча и Мосс-Сайда вели себя в Хасиенде тихо, так как вход контролировали солфордские ребята. Как я узнал, у Солфорда и Читэма были непростые отношения.

Как и в случае, когда мои друзья бухали за чужой счёт, мы раздаривали выпивку. Существует два вида плохого обращения. Друзья всё же соблюдают приличия и осторожность, но вот бандитам правила не писаны.

Изначально им нравилась движуха эйсид-хаус. Их радовали исполнители, которые заводили толпу, как Гордон «Шеф», кричавший с подиума: «Манчестер, вперёд! Солфорд, вперёд!» До того, как в клубе появились матёрые преступники, он был кумиром и заводилой Хасиенды.

Гордон был выдающимся человеком: невысокий, весёлый парень примерно моего возраста, водившийся с бандами Солфорда. Он зарекомендовал себя, устраивая вместе с братом проводил рейв-вечеринки в Манчестере. В Рочдейле они организовали действительно крупное мероприятие Joy, после чего сбежали с деньгами. Все, кроме тех неудачников, которые вложились в вечеринку, решили, что это очень смешно.

Помню, как однажды мы с Гордоном крепко нажрались. «Как я устал от Хасиенды», — мычал я. «Ну, пойдём ещё куда-нибудь. Number One?» — предложил он.

И мы очутились в этом манчестерском клубе. Сейчас он называется One Central Street и управляет им Лерой. Затем мы поехали в DeVille's, причём к тому моменту мы были уже вдрабадан и под кайфом. Особенно Гордон, так как пакетик был у него. Я приметил симпатичную немолодую женщину, с головы до ног одетую в серебристое, даже сапоги серебряные — до бедра. У неё были тёмные медно-красные волосы. Она сидела за столом с приятелем, а я глаз с неё не сводил.

«Господи, да она прекрасна», — думал я.

Вдохновлённый, я подошёл к ней и сказал: «Привет, отличный прикид».

«Ой, ну спасибо», — ответила она.

Ах, этот акцент.

«Ты из Америки?»

«Да, из Джорджии».

«А здесь что делаешь?»

«Я певица», — ответила она.

«А, ты певица. Я тоже в группе играю. А ты в какой?»

«Я пою в B-52s», — ответила она.

В этот момент нарисовался Гордон, похлопал меня по плечу и потянул за рукав. Я был в таком неадеквате, что думал замутить с этой крошкой из B-52s. Я сказал ему шёпотом: «Гордон, твою мать, не мешай».

«Хуки! Хуки! Нам нужно идти! Нужно идти!» — громко говорил он.

«Да, блин, свали на фиг!»

Тогда девушка спросила, в какой группе я играю.

И только я ответил, что играю на басу в New Order, Гордон блеванул на её сапоги.

Она закричала, а я схватил Гордона и поволок к двери. Господи Иисусе. Мы вернулись в Хасиенду. Интересно, помнит ли она этот день. Надеюсь, что нет.

На входе в Хасиенду по-прежнему стояли огибающие квартал очереди. «Мэдчестер» отрывался по полной. Согласно опросу, сорок процентов самых модных ньюйоркцев заявили, что Манчестер — первый британский город, который они хотят посетить. Музыка развивалась. Из хауса она преобразовалась в эйсид, а затем — в гараж. В Хасиенде редко звучали самые тяжёлые варианты техно, сформировавшие «британский» саунд. Большей популярностью в Манчестере пользовались фанк и соул из других стран. Хасиенда в качестве клуба для продвинутых слушателей постепенно начинала создавать собственную нишу. С одной стороны, это было плюсом, поскольку образовывалась дистанция между клубом и продолжающимся безумным употреблением экстази на рейв-мероприятиях. С другой стороны, подвергло клуб определённой опасности, когда его пришлось адаптировать к быстро сменяющим друг друга трендам в танцевальной музыке.

Вы уже достаточно услышали о наркотиках и рок-н-ролле. Но как же секс?

Его было не так уж много. По крайней мере, у меня. Все были настолько упороты, что, вероятно, думали о сексе только дома, когда даже замочная скважина кажется привлекательной.

Я всё ещё наслаждался тусовками в Хасиенде, где мы, наевшись таблеток, танцевали на столах с кучкой долба-ных идиотов, которых я как будто бы знал, но не вспомнил бы уже на следующее утро. А будучи холостым (это были мои два года свободы до того, как я встретил свою первую жену), я тусовался с работниками Dry, охранниками Кеном и Поттси, ребятами из Swan, Полом Мейсоном и его женой Кэрен. Очень милые люди.

Буквально семь дней в неделю по пути в Хасиенду я заходил в Dry. Остальные поступали так же. Отношения между персоналом постепенно тесно переплелись; что-то имело продолжение, что-то заканчивалось ничем. Несмотря на все негативные моменты, с которыми ассоциировался клуб, я мог флиртовать с посетительницами, но в основном я там виделся с друзьями и убирался в хлам.

По большей части.

Однажды мы с приятелем Рексом заскучали и заглянули на вечеринку Jolly Roger. Там было примерно двенадцать человек, включая двух симпатичных студенток, обе были просто «в сопли». В меня вселился бес, я подозвал Рекса и сказал: «Поговори с ними».

Он начал с ними болтать и, указывая на меня, заявил: «Вот владелец клуба».

Девушка сказала: «Ой, иди ты, уверена, что вы всем это говорите».

Тут нужно заметить, что я всегда наставлял сотрудников: «Если кто-то спросит, владею ли я клубом, отрицайте это».

Как правило, я избегал рассказов о себе незнакомым людям, поскольку это отнимало слишком много времени. Ладно, эта девушка проявила интерес, и я подумал, что, если она мне поверит, вечер удастся. Мне нужен был кто-то, кто подтвердил бы мой статус.

Именно такой милый толстячок работал за барной стойкой. Он носил шляпу, это его я посылал разведать насчёт наркотиков. «Он-то за меня поручится», — думал я и сказал девушке: «Давай докажу, что я владелец Хасиенды».

Я отвёл её к барной стойке, подозвал этого парня и попросил: «Подтверди, что я владелец клуба».

«Ты не владелец».

«Да всё нормально, скажи ей, что это я».

«Нет, не ты».

«Ах ты сукин сын!»

Всё накрылось медной звездой.

Однажды наши охранники застукали меня в женском туалете. С женщиной, разумеется. Смотрелось это мило. Женский туалет был намного лучше мужского и раза в три больше. А я и не знал.

Все говорили, что, если вы хотите получить в Манчестере, нужно ехать в Ritz. Вы, вероятно, слышали про секс в диджейской, минеты в осветительной кабинке и про парочки, постоянно уединявшиеся по углам. Помню, как парень с девушкой совокуплялись прямо на лестнице, а народ, проходя мимо них в коктейль-бар, аплодировал.

Одним из крупнейших мероприятий того времени был Flesh, организованный Полом Консом и Люси Шер. Вечеринка проводилась по средам и имела противоречивый слоган «без натуралов». Со временем она приобрела репутацию самой безбашенной гей-вечеринки и стала привлекать посетителей со всего света. Она победила в номинации «Лучшая клубная гей-вечеринка года» по версии Pink Paper и, наряду с Nude и Hot, стала одной из вех.

Политика «без натуралов» задевала чувства отдельных персонажей, и Пола Конса даже назвали «представителем Третьего рейха». Один посетитель орал: «Да я, блин, вместе с тобой протестовал из-за 28-й статьи[9], а теперь ты не хочешь пускать меня в клуб за то, что я натурал. Долбаный фашист».

С Flesh начались серии выступлений по средам: диджей Sasha получил собственное мероприятие. В кругах рейверов он стал легендой, но вдохновила его танцевальная площадка клуба. Это был признак времени, долгожданное признание огромной роли, которую Хасиенда сыграла в формировании танцевальной культуры. На первом выступлении Sasha пригласил K-Klass, ещё один проект эпохи рейва, который был образован под впечатлением от Хасиенды.

Вечеринки Flesh были безбашенными. Около туалетов установили душевые кабинки, а в зале висели клетки с танцорами. Позже добавили массажные столы. Трансвеститы со всей Англии устремились сюда. Даже по нашим меркам Flesh мог считаться реально развратным. Он был полностью за пределами принятых норм.

Охранники поначалу сопротивлялись, как обычно на всяком новом клубном мероприятии, которого не понимали, — будь то азиатские вечеринки, мероприятия темнокожих или что-то ещё. Причём сами они пользовались популярностью у публики на Flesh, поскольку накачанные гомосексуалы при виде их формы сразу начинали таять — это была воплощённая гей-фантазия. Бандиты сперва тоже сторонились этого мероприятия, но позже изменили своё отношение, когда узнали о его успехе. Они приходили толкнуть наркоты или просто насладиться атмосферой безумия. Никто не смел отказывать им.

Мик Хакналл сказал мне, что двое из них (их имена я не назову) решили, что попробуют отсосать у парня, встречающего посетителей на входе, — просто чтобы ощутить, на что это похоже. Flesh ввёл их в новую культуру, и если кто-то имел к этому предрасположенность, появлялась возможность поэкспериментировать.

Во время одной из самых странных вечеринок Flesh сотрудник клуба прибежал к Энг в слезах из-за того, что два парня за сценой танцевали, засунув в задницы по бутылке. Подозреваю, что он собирал пустую тару.

Не знаю, сколько раз Пол Коне предлагал сделать Хасиенду гей-клубом. Наш друг Кевин Милленс содержал Heaven, который долгие годы был крупнейшим гей-клубом Англии, и никаких проблем у них не было. Пол озвучивал свою точку зрения на советах директоров. «Почему мы возимся с этими грёбаными натуралами? — говорил он. — Геи тратят больше денег, проблем от них меньше, они лучше пахнут...»— и т. д. и т. п.

В действительности вечеринки Flesh стали прибыльными, когда Пол поручил нам дела по аренде Хасиенды, а сам сосредоточился на своих собственных мероприятиях. Он был амбициозен, и это мне в нём нравилось. Однажды нам настолько надоело спорить, что мы в самом деле подумали: «Да пошло оно всё к чёрту, давайте-таки возьмём бычка за рога и станем гей-клубом». Однако до этого не дошло. Было бы слишком радикально. Роб хотел, чтобы клуб был открыт для всех. Ведь иначе ему было бы сложно клеить девчонок, не так ли?

Flesh пришёлся на тот период, когда мы могли оставаться открытыми до семи утра и предлагать выпивку до трёх ночи. Мы получили лицензию на позднюю деятельность, только когда за ней обратился Пол. «Ну почему у него получилось выбить лицензию, а у нас — нет?» — вопрошал Роб.

Затем мы узнали, что лицензионная комиссия очень благосклонно относится к геям. Они оказали Полу и Хасиенде немаловажную услугу: создали прецедент. А раз они выдали лицензию Полу, то уже не могли завернуть другие наши заявки на лицензирование поздних мероприятий, но и отказать кому-либо ещё, к сожалению, тоже. Таким образом, мы получили, что хотели, но в каком-то смысле это вышло нам боком: теперь у нас появились многочисленные лицензированные конкуренты — бары и клубы.

Между тем содержание здания стало обходиться в бешеные суммы. На популярных мероприятиях, когда в клубе становилось жарко и сыро, басы заставляли всё внутри дрожать, а огромные гипсовые светильники могли упасть с потолка прямо на людей. Чтобы пострадавшие не строчили жалобы, Энг выплачивала им компенсации, предлагая бесплатное членство, напитки и/или оплату натурой (это шутка, Энг).

Здание разрушалось всё больше и больше, окна в потолке начинали приходить в негодность. К тому времени инциденты случались чуть ли не каждый вечер.

Требовалось, чтобы владелец лицензии присутствовал в здании всё время, но Пол Мейсон занимался также делами Dry, и ему было сложно совмещать эти обязанности. Тогда он перешёл в Factory Leisure, откуда осуществлялось управление Dry. Регулярное управление клубом было поручено Энг Мэттьюс, которая стала лицензиатом Хасиенды.

Прошло несколько лет, и стрессы превратили Пола Мейсона в выжатый лимон. Он был отличным парнем с добрым сердцем, но пытался разбираться с делами как бизнесмен. Он много работал над тем, чтобы улучшить отношения между Хасиендой и полицией и произвести хорошее впечатление на лицензионную комиссию. Он старался обеспечить нам прибыль и сохранить при этом оптимизм. Иногда он звонил мне по-настоящему довольный и сообщал: «Хуки, две тысячи двести за сегодня! Как тебе?»

Вложенные средства трудно было контролировать. Ему больше подходила сфера баров, поскольку она была спокойнее. Именно поэтому он предпочитал работать в Dry.

Тони мог убедить Пола сделать что-нибудь лишь для того, чтобы разозлить Роба. Споры с Тони давали Робу простор для деятельности: они всё время сильно скандалили, и в скандалах этих всё время выигрывал Роб, поскольку, когда у него заканчивались остроумные аргументы, он подлетал к Тони и начинал открыто его провоцировать. Тони это не нравилось, так что он просто слал Роба на фиг и убегал. Должен сказать, что никогда не видел Тони злым, зато множество раз видел злым Роба.

Пол немало рисковал. В первые годы, если сирена срабатывала в пять часов утра или около того, ему нужно было ехать и разбираться. Храни его Бог. Здание было таким большим и пустынным, что если бы меня кто-то попросил этим заниматься, то я незамедлительно послал бы его к чертям. Нужно быть ненормальным, чтобы бродить там в одиночку. Какое-то время на наши вызовы приезжала полиция, но со временем она перестала это делать в связи с огромным количеством ложных тревог. Обычно через разбитые окна залетали птицы, и сигнализация срабатывала.

Мне нравился Пол. Он и его жена Кэрен были очень добры ко мне, особенно когда мне требовалась помощь. Я был им крайне благодарен. Но я больше не работал в Хасиенде, и моё мнение ничего не значило. Имело значение мнение персонала. А им Пол не нравился. В конце концов уже никто не мог с ним работать. Они не признавали в нём менеджера. Полу этого хватило, и он

решил уволиться, в чём его трудно винить.

У парня были тяжёлые времена: ему угрожали расправой и всё такое. Мне правда было его жалко. Забавно, что я купил его казённую Lancia (за 7100 фунтов), а потом не мог её продать. Она была очень быстрой, но руль находился слева, так что в итоге толку от неё не было. Я дважды потерял из-за неё деньги.

Когда Пол передал все дела и лицензию Энг, он стал руководителем проекта как в Хасиенде, так и в Dry. Это позволяло ему гарантированно не работать в клубе. Очевидно, что Энг в своей новой роли брала на себя большую ответственность, но некоторые обязанности Пола Мейсона принял Пол Коне. Его работой стало определение музыкальной политики клуба. Роб всё время искал способы заработать денег и сделать заведение прибыльным, но при этом всё должно было быть на его условиях. В 1991 году он основал свой лейбл Robs Records, который был очень успешен и управлялся из офиса наверху. Офис он делил с ассистентом Ребеккой Болтон (которая занялась делами New Order после смерти Роба). Он специализировался на поиске доморощенных талантов: большая часть исполнителей на Robs Records была из Манчестера. Он не занимался активным поиском талантов, он доверял Джону Дрейпу (Ear to the Ground) и Дэйву Рофе (менеджеру Doves) советовать ему конкретных исполнителей из Манчестера. То, что было за этими пределами, он, несмотря на всю свою власть, игнорировал. Он ненавидел всех к югу от Чорлтона. Новых Black Box он не искал. Роб предпочитал поддержать группу из Уайтеншо — например, Doves или A Certain Ratio. Это отношение было бескомпромиссным, но он был настоящим парнем из Уайтеншо.

***

РАСПИСАНИЕ МЕРОПРИЯТИЙ ХАСИЕНДЫ ЗА 1991 ГОД

Январь

3 января, четверг: TEMPERANCE CLUB Тим Чамберс

4 января, пятница: THE MIX Дэйв Бут

5 января, суббота: NUDE Грэм Парк; Майк Пикеринг

9 января, среда: THANKSGIVING: CELEBRATING SIXTHMONTH REPRIEVE Грэм Парк; Майк Пикеринг; Джон Дейзилва; Electronic Сет-лист (Джон Дейзилва): Off-Shore — «I Can't Take the Power», MCJ feat. Sima — «To Yourself be Free», MDA & Lilian Viei-ra — «Batucada Tropical», Nexus 21 — «Self Hypnosis», N-Joi — «Anthem», Double Dee Feat. Danny — «Found Love' (Caipirina Remix), the

Beloved — «It's Alright Now», Nomad — «(I Wanna Give You) Devotion», C & C Music Factory — «Gonna Make You Sweat», Alison Limerick — "Where Love Lives' (Red Zone Mix), Cappella — «Be Master in One's Own House», Systematic — «Dancin' the Whole Night», African Jungle — «Jungle Beat», Disco City — «Future' (Techno Mix), 2 Men From Jersey — «So Special», Katherine E — «I'm Alright», Pako — «Pakito Lindo», Baf-fa — «Piano On», Tingo Tango — «It is Jazz», Circuit — «Shelter Me», Blanca e Negro — «Get Down (It's Party Time)», 2 in a Room — «Take Me Away», Pierre's Pfantasy Club — «Dream Girl' (Ralph Rosario Mix), Loleatta Holloway — «Love Sensation», Plus One — «It's Happenin", Inner City — «Big Fun' (Juan's Magic Remix), Rickster — «Night Moves», Annette — «Dream 17», Seduction — «(You're My One And Only) True Love' (New York House Mix 2), Kariya — «Let Me Love You for Tonight' (The Pumped Up Mix), Kechia Jenkins — «I Need Somebody"

10 января, четверг: TEMPERANCE CLUB Тим Чамберс
11 января, пятница: THE MIX Дэйв Бут
12 января, суббота: NUDE Грэм Парк; Майк Пикеринг
14 января, понедельник: DMC Mixing Championship Heat
17 января, четверг: TEMPERANCE CLUB Тим Чамберс
18 января, пятница: THE MIX Дэйв Бут
19 января, суббота: NUDE Грэм Парк; Майк Пикеринг
24 января, четверг: TEMPERANCE CLUB Тим Чамберс
25 января, пятница: THE MIX Дэйв Бут
26 января, суббота: NUDE
30 января, среда: Из-за инцидентов с драками Хасиенда закрылась

Апрель

17 апреля, среда: *Умер Мартин Хэннет, продюсер New Order / Joy Division*

Май

10 мая, пятница: THE HEALING: A REOPENING CELEBRATION
11 мая, суббота: Грэм Парк
14 мая, вторник: New Fast Automatic Daffodils; What?; Noise
16 мая, четверг: BEAUTIFUL 2000 Дэйв Хаслам
17 мая, пятница: SHINE! Майк Пикеринг; Sasha
21 мая, среда: NINTH BIRTHDAY PARTY

Июнь

7 июня, пятница: SHINE!
21 июня, среда: Cabaret Voltaire; Sub Sub; Amok; Winston & Parrot; Дэйв Хаслам (отменён)

21 июня, пятница: MIDSUMMER NIGHT SHINE! Майк Пикеринг

Июль

12 июля, пятница: SHINE! Майк Пикеринг; PA by K-Klass

16 июля, вторник: DEFINITION OF SOUND Майк Пикеринг

23 июля, вторник: Primal Scream

31 июля, среда: The Adventure Babies

Август

8 августа, пятница: Грэм Парк

22 августа, четверг: BEAUTIFUL 2000 World of Twist; Дэйв Хаслам

29 августа, четверг: BEAUTIFUL 2000 Intastella; Дэйв Хаслам

Сентябрь

4 сентября, среда: Inspiral Carpets; The Bridewell Taxis

5 сентября, четверг: BEAUTIFUL 2000

25 сентября,среда: HARMONY Sasha; Nipper; Джасти Робертсон; PA by PKA/Together/ Evolution

Октябрь

30 октября, среда: FLESH Cicero; Тим Леннокс: Michelle

Ноябрь

6 ноября, среда: Sasha; K-Klass

13 ноября, среда: WEDNESDAY-NIGHT FEVER Sister Sledge; Джон МакКриди

20 ноября, среда: Dr Phibes; Puressenc

27 ноября, среда: FLESH Тим Леннокс; Princess Julia; Luke Howerd; PA by Army of Lovers

Декабрь

3 декабря, вторник: Venus Returning

4 декабря, среда: Sasha; PA by Altern-8

14 декабря, суббота: Грэм Парк

17 декабря, вторник: Northside

23 декабря, понедельник: FLESH: «QUEER CHRISTMAS' The Amazing Pippa

24 декабря, вторник: CHRISTMAS EVE PARTY Odyssey; Джон МакКриди

31 декабря, вторник: NEW YEAR'S EVE PARTY PA by K-Klass

***

ПОКОЙСЯ С МИРОМ

Мартин Хэннет умер от сердечного приступа в апреле 1991-го, ему было сорок два. В последние годы своей жизни его карьера шла под откос из-за злоупотребления алкоголем и героином, он располнел чуть ли не вдвое и весил почти сто шестьдесят килограмм. Забавно, однако, что он завязал за четыре года до смерти, а умер, переезжая на новое место. Он был одним из настоящих музыкальных гениев Factory, возможно, мирового масштаба.

1992. «У нас была проблема. Мы всё ещё были в неадеквате»

К 1992 году вся рейв-сцена изменилась, на смену пришло новое поколение. Про эйсид-хаус они только читали. Многие из тех, кого я знал, перестали бывать в клубах (странно, но старая гвардия каждый год исправно приходила в клуб в канун Нового года). Я часто смотрел на посетителей и едва мог узнать кого-то.

Самый дикий период Хасиенды, продолжавшийся с 1988 по 1990 год, был позади. Если посмотреть счета за следующие годы, то видно, что прибыль постепенно снижалась ежегодно примерно на десять — пятнадцать процентов. Манчестер стал круче, открылось много клубов, на развитие города были выделены средства. В некотором роде Хасиенда оказалась жертвой своего успеха. Люди, которых мы привлекли, открывали собственные заведения, которые уводили у нас посетителей. По сравнению с ними Хасиенда выглядела старомодной. Из-за постоянных финансовых затруднений мы не могли обновить клуб, чтобы он соответствовал своему времени.

К тому же эйсид-хаус, как и панк до этого, постепенно потерял кое-что: невинность незнания правил — или даже незнания, есть ли хоть какие-то правила. Изначальная популярность экстази в сочетании с музыкой произвели революцию. Всё, что было позже, являлось лишь имитацией.

Однако несмотря на всё это, несмотря на разборки между бандами и неприятности с полицией, некоторые мероприятия заставляли нас забыть обо всём. Так чувствовал себя Лондон под артобстрелом или оркестр, играющий на борту тонущего «Титаника». Мы веселились и искушали судьбу. Не важно, что некоторые вели себя ужасно, они не могли остановить эти великие ритмы.

Несмотря на это, комик Кит Аллен всё время говорил мне, что проблемы с наркотиками начинаются тогда, когда ты чувствуешь себя богом, если не обдолбан. Это про нас: у нас была проблема. Мы всё ещё были в неадеква-те. Когда Хасиенда отмечала свой десятилетний юбилей в мае 1992-го, мы соорудили мост через канал к специально построенной ярмарочной площади. Вечеринка стоила нам 10000 фунтов. Мы надеялись потратить эти деньги на издание компиляционного диска Хасиенды, но Роб пустил их на ярмарку и транспорт в надежде, что мы отобьём деньги за счёт входных билетов. Мой друг Ян де

Конинг вёл мероприятие, а Твинни (больше не тур-менеджер Joy Division, все эти годы работавший на каруселях) помогал. Мой приятель Кормак управлял аттракционами и объявлял: «Хотите быстрее? Поднимите руки!» и так далее.

Однажды он выкрикнул в микрофон: «Ну ладно, все, кто под экстази, покиньте аттракцион немедленно!»

И начался Исход. Почти все машины освободились. Лишь лорд-мэр Манчестера и его заместитель остались сидеть в своей собственной.

Я всё пропустил, так как какой-то придурок подмешал мне в стакан кетамин. Пришёл в себя я уже только тогда, когда Хасиенда закрывалась. Очевидно, в какой-то момент вечеринки я встал перед сценой, кивая и рассказывая всем, кто хотел меня слушать: «Ребята в этой группе великолепны, блин. Напрочь круты. Запомните название, они будут звёздами».

Но на сцене никого не было.

Рождественская костюмированная вечеринка для персонала Хасиенды оказалась не лучше. Это была худшая ечеринка в жизни. Она была отвратительна. Я, как идиот, был в нацистской военной форме и держал при себе «люгер». Энг была одета как Минни Маус. Мы начали вечеринку в Dry, затем переместились в Хасиенду.

Наркоту передавали по кругу в огромном количестве. Но полный беспредел начался после того, как подали торт. В него запекли тонны галлюциногенов. Ими сочился буквально каждый кусочек. Это нас капитально вырубило.

Один из охранников (который до этого никогда не прикасался к наркотикам) подрался со своей девушкой на полу у автомата с сигаретами. Они несколько часов, сцепившись, таскали друг друга за волосы и кусались. До сих пор помню, как летели клочья волос. Все сотрудники бара ходили на головах, девушки орали. Сущий ад.

Меня это совсем не веселило. Я отправился за Полом Кэрроллом, чтобы остановить драку, и обнаружил его за пределами Хасиенды, в Cheerleaders, на вечеринке Читэм-Хилла. На нём был костюм мексиканца, пончо и сомбреро, а в зубах — сигара. Он был похож на Илая Уоллака в «Хороший, плохой, злой».

Я поднялся и сообщил ему о драке: «Мать твою, ты должен с этим разобраться».

Пол пошёл за мной, разнял охранника и девушку, а потом так сильно двинул парню, что того пришлось доставить в больницу… А девушка продолжала лупить его.

«Ну что, доволен?» — сказал Пол и опять слинял.

Я вернулся. Тогда же нарисовалась банда Читэм-Хилла, проследовавшая за нами, чтобы получить бесплатную выпивку. Охранники уже давно свалили. Бандиты подошли прямо ко мне и спросили: «Ты чего так вырядился, ублюдок?»

Они окружили меня и стали толкать. Хвала Всевышнему, появилась Энг и спасла меня. Я поспешно ретировался, прибежал домой и запер дверь. Какое облегчение. Никогда в жизни я не был так напуган — если не считать других случаев в Хасиенде.

На следующий день я отдал униформу Барни. Шучу.

Бандиты продолжали безобразничать в городе. Перестрелка на концерте Papa San в рамках проходившего в августе 1991 года International II стала причиной прекращения мероприятий в стиле регги. В июне 1992 года, когда членов банды Солфорда не пропустили на Most Excellent в Wiggly Worm (в прошлом клуб Питера Стрингфеллоу Millionaire), они вернулись на угнанном автомобиле и протаранили входную дверь, а потом подожгли машину. После этого заведение было закрыто навсегда. В октябре на Funhouse в клубе PSV были оставлены канистры с газом «Сирень». На следующей неделе в результате перестрелки был ранен в ногу студент.

Обычно концерты по пятницам привлекали к себе более дикую аудиторию, чем субботние мероприятия, которые казались бандитам недостаточно жёсткими. По пятницам в клуб приходили любители музыки в футболках и мешковатых штанах, им нравилось одеваться немного вычурно. По субботам у нас бывали парикмахеры, которые пили бренди, иногда принимали наркотики и, вероятно, приходили только для того, чтобы с кем-нибудь познакомиться. Меня обычно по субботам не было, этими мероприятиями заведовал Барни.

Затем, когда мы изменили расписание, мероприятия смешались, как и аудитория. Преступники приходили каждый вечер подраться, покрасоваться и понаглеть. В других клубах было безопаснее, так как все криминальные элементы тусовались в нашем.

Под балконом Хасиенды было четыре угла, и все они принадлежали бандам: солфордская молодёжь, старая гвардия Солфорда, Уайтеншо, Читэм-Хилла и Гуча. У всех было своё место, и если кто-то заходил в чужой угол, начиналась заваруха. Практически единственными, кто мог передвигаться по клубу свободно, были музыканты: я, Барни, ребята из The Mondays и The Roses. Даже совершенно невинные посетители рисковали схлопотать оплеуху, если по ошибке забредали не туда. Это

создавало нам реальную проблему: какому-нибудь студенту надоедало тусоваться, он шёл не в тот угол, получал по ушам (в лучшем случае), а затем, естественно, жаловался. Каждый раз, когда мы просили Пола или Дэмиена разобраться в ситуации, они исправно отвечали: «Что ж, ему не следовало туда соваться, ну правда ведь». Для них территориальные правила объясняли всё. Я лишь ругался про себя и предлагал пострадавшей стороне бесплатную выпивку.

Это не всегда срабатывало. Некоторые наши посетители знали номера адвокатских контор и сами были из тех особ, к которым и полицейские прислушивались. Забавно, но Хасиенда вывела гопничество к новым слоям общества. Из клуба оно распространялось на весь Манчестер.

Копы настаивали на проведении ночных проверок и обходов, зная, что это всех взбесит. Они приезжали без предупреждения. Энг проводила их внутрь, и по клубу они рыскали в сопровождении охранников. Причём являлся не один коп, а все десять.

Люди плевались и обливали их напитками, но те не реагировали, предоставляя нашим охранникам дубасить виновных. Энг думала, что полицейские терпят такое обращение в соответствии с какой-то секретной директивой, и мне тоже так казалось. Было похоже, что они пытаются спровоцировать участников банд. Странный способ.

Некоторые крупные мероприятия записывались для радиопередач Терри Кристианом, местным диджеем с Piccadilly Radio. Он поставил мне один из выпусков, в котором Майк Пикеринг выключает музыку, чтобы сообщить публике, что снаружи полиция собирается ворваться в клуб. Страшно.

Иногда приходилось впускать группу захвата, явившуюся за парнем, который нарушил условия временного освобождения или что-то ещё. Коп под прикрытием внутри давал знак, после чего врывалась вся группа и вытаскивала нарушителя из здания. Нас никогда не предупреждали об этих проверках, поэтому мы не могли защитить невинных свидетелей. Посетителей могли побить и затоптать, смести с дороги, иногда дело заканчивалось травмами и повреждениями, если кто-то хотел сбежать и начиналась драка.

Бандиты доставали всех. Сладкая жизнь благополучно закончилась, её сменила череда сплошных эпизодов насилия. Атмосфера в клубе и в музыкальной среде в целом сильно ухудшилась.

И виноваты были не только бандиты. Одна за другой поступали жалобы на применявших силу охранников. Мы думали,

что с женщинами они ведут себя по-другому, пока не обнаружили, что посетительницы клуба ни в чём не уступают парням.

Банда Солфорда разделила нишу на две части по половому признаку. На одной половине были мужчины, на другой — женщины, и Бог в помощь тому, кто пойдёт на женскую часть. Девчонки часто были хуже мужчин.

Забавно, что у нас всегда были проблемы с бандой Чи-тэм-Хилла за пределами Хасиенды, но в клубе нам больше всех докучали парни из Солфорда. Их союз с Нунанами закончился в тот миг, когда они прошли через двери, а Дэ-миен их не заметил. Только на кухню бандитам было не попасть. Сюзанна была надёжно защищена, так как общалась с солфордскими старшими, а те, в свою очередь, следили за молодыми, к тому же она была для них чересчур стервозной, чтобы с ней связываться. Так или иначе, они были слишком заняты.

Бернард тогда много тусовался в Хасиенде. Там он встретил свою жену Сару. Мы звали её «видение». У него было столько же друзей, употреблявших экстази, сколько у меня. Помимо того, что он тусовался с The Mondays и A Certain Ratio, был ещё Мосс-Сайд, куда он часто ходил на домашние вечеринки. Это он рассказывал мне про парней, которые по вечерам загоняли ворованные машины в тупики и дразнили полицию.

Я много времени проводил в клубе Kitchen в Халме. Он располагался в двух объединённых квартирах, а управлял им парень по имени Тим. Клуб работал в позднее время, когда большие заведения уже были закрыты. Никогда не забуду, как впервые там оказался. Вход стоил два фунта, а в качестве сдачи давали две банки лагера «Харп». The Mondays находились в квартире наверху на джем-сейшне какой-то группы. На басу играл большой темнокожий парень, и, когда я вошёл, Без забрал у него бас и всучил мне со словами: «Отдай его Хуки, лучшему басисту Манчестера».

Я поиграл немного, испепеляемый недобрыми взорами басиста, и отдал ему инструмент.

Без обернулся и сказал: «Эй, ты что делаешь! Верни его Хуки».

Парень продолжал метать в меня молнии из глаз. Я подумал, что сейчас он меня совсем спалит, поиграл ещё полминутки, отдал ему гитару и смылся.

Дерьмо. Не быть мне фанатом инди-музыки. Я играл в двух великих группах, и мне обычно что угодно сходило с рук.

Интересно, но кроме случая, когда кто-то швырнул парня с балкона на четвёртом этаже (парень выжил), никаких проблем в

Kitchen не было, хотя туда ходили многие из Гуча и Мосс-Сайда. Солфордских там видеть не хотели. Как и в Хасиенде. Однако мы с Барни могли спокойно перемещаться: я даже припарковал прямо на улице свою казённую машину XJS. Нам было разрешено то, чего не позволялось большинству. Поэтому мы шлялись по городу, наслаждаясь его дарами: бесплатной выпивкой, бесплатной наркотой и другими ништяками, в то время как преступники, к которым мы присоединились, разрушали клубную сцену Манчестера.

В частности, Майк Пикеринг навсегда покинул клуб после конфликта с каким-то парнем, который ломился в дверь диджейской кабинки, требуя другую песню: «Эта музыка — дерьмо. Поставь мой трек».

«Позже поставлю», — ответил Майк.

Тот вернулся: «Ну, ты поставишь песню или как?»

«Мать твою, хрена ли ты вообще понимаешь!»

Парень вытащил пистолет: «Поставь песню».

«Хорошо, поставлю следующей».

В тот вечер Майк уволился и больше не возвращался.

Все, даже диджеи, стали опасаться.

Тяжёлая обстановка отразилась на музыке. В 1995 году, когда драм-н-бэйс и хип-хоп стали популярными, мы не могли проводить так называемые вечера музыки темнокожих, поскольку они создавали массу проблем. Даже полиция убеждала нас не устраивать подобные мероприятия и отказывалась работать на них. Не забывайте при этом, что наши охранники сами были немного «того» (в хорошем смысле), но даже они заявляли, что на этих вечеринках порядок невозможен.

Во второй раз в Хасиенде Питер Сэвилл случайно оказался на концерте музыки соул, где по дороге к бару к нему примотался крупный темнокожий парень. «Ты хрена ли тут забыл, снежок?» — услышал Сэвилл.

Он поспешно ретировался и никогда больше не возвращался.

Роб действительно любил эту музыку, и концерты музыки темнокожих приносили прибыль, поэтому он был настроен на решение проблем. Должен сказать, звук был великолепен. Заходя в клуб, я сразу бежал в диджейскую кабинку и проводил там вечер, просто слушая музыку. Я не мог сдвинуться с места, только отправлял Антона за новой выпивкой.

Независимый промоутер музыки темнокожих сказал мне, что может обеспечить нам полный зал хоть каждый день. Концерты были прибыльными, и Лерой не хотел, чтобы мы от них отказывались. Нам пришлось их прикрыть против его воли. Лучшие времена клуба были уже позади.

А затем Factory сыграла в ящик. Компания в итоге оказалась неспособна соблюдать финансовые обязательства. Открылся Dry, затем был магазин The Area в Afflecks Palace, получивший номер FAC 281. Далее Factory переехала из квартиры Алана Эразмуса на Палатин-роуд в знаменитое роскошное здание на Чарльз-стрит. Вдобавок ко всему были дорогостоящие проекты альбомов, например запись New Order на Ибице или печально известное путешествие Happy Mondays на Барбадос. Финансирование всего вышеперечисленного подкосило компанию. Ребята обсуждали сделку с London Records: Уилсон установил связь с сотрудником компании Роджером Эймсом. Они общались несколько лет, и постепенно начала оформляться идея London Factory. Но дело шло недостаточно быстро, чтобы выкупить Factory. Сотрудникам London стало ясно, что у Factory трудности и что компанию фактически собираются ликвидировать до подписания документов. Была заключена ещё одна сделка, но она просто позволила London выкупить прибыльные сегменты деятельности Factory.

Начало девяностых было для Factory сложным. Управлением FAC 281: The Area занимались Фиона Аллен и её сестра Тереза. Они специализировались на слишком дорогих и слишком огромных футболках и плакатах. Однажды кто-то заказал около полутора сотен специальных футболок от Хасиенды, однако большая их часть обнаружилась в клубе, когда он закрылся. Магазин разорился очень быстро, и это стоило нам больших денег. Его расположение наверху Afflecks, буквально на последнем этаже, было невыгодным.

И мы не могли презаложить здание Хасиенды из-за обвала манчестерского рынка недвижимости и состояния счетов компании. Никто не хотел давать нам ссуду. Когда мы покупали здание, сделку финансировали New Order и Factory, заплатившие 700 000 фунтов. Оставшиеся 500 000 считались кратковременной ссудой. Мы платили четырнадцать процентов по базовой ставке и предполагали, что кто-то одолжит нам деньги после, но часть заложенного имущества в результате разорения оказалась недостаточной, и никто не мог предоставить нам кредит.

Те же ошибки мы допустили с офисами Factory. Вместо того чтобы занять пустующие комнаты в здании Хасиенды, Тони нашёл для звукозаписывающей компании другое место. Это была развалюха рядом с BBC на Чарльз-стрит, которую я, по иронии судьбы, тоже пытался купить, чтобы перевезти туда из Рочдейла студию звукозаписи Suite 16. Мне сказали, что на это помещение претендует другой клиент. У него было много денег, и он

предложил гораздо более высокую цену — 72000 фунтов. Я сдался на 110000. Но я понятия не имел, что торговался с Аланом Эразмусом и Factory, которые использовали деньги New Order, чёрт их дери.

Затем они пригласили Бена Келли, чтобы обновить здание. Проект превысил бюджет. В какой-то момент пожаловался аэропорт Манчестера, так как лампочки, которые Бен поместил на крышу, сбивали с толку пилотов во время приземления. Ха, Бен всегда старался всё сделать по полной программе. Но здание и офисы выглядели чудесно. Красиво, должен признать. В 1990 году строительство обошлось в 695000 фунтов. Здание попытались перезаложить, но опять же разорение не позволило этого сделать.

В случае с Dry и с альбомами Revenge (прости, Тони) также вышел перерасход, как и с Happy Mondays и New Order, что изрядно сократило бюджет Factory.

Причиной всему были ошибки управления, но я должен про это сказать, не так ли? Допустим, превышение бюджета на Technique было виной всех, но никто не хотел, чтобы вечеринка заканчивалась. Когда после следующего тура мы распались в первый раз, прибыль, которую Factory имела с продажи записей New Order, стала падать, а долги лейбла при этом только росли.

Я принимаю обвинения в тратах на Revenge: Тони предоставил нам более-менее свободный бюджет на альбом «One True Passion», и никто не проверял расходы, пока всё не вышло из-под контроля. Это был большой урок.

А Happy Mondays продолжали рушить свою репутацию, давая интервью в нетрезвом виде и позволяя себе другие странные выходки. Это плохо повлияло на их продажи в Америке и уменьшило прибыль по лицензиям Factory.

Карьера группы целиком пошла под откос. Их альбом «Yes, Please» провалился, продажи упали с 175 000 до 1000 копий, и покрыть расходы, таким образом, оказалось невозможно. Factory была передана в конкурсное управление.

Примерно в то время New Order собрались снова, чтобы записать альбом «Republic». Тони и Роб надеялись, что это позволит им выбраться из долгов, и торопили нас. Давление не повлияло на динамику процесса, которая обычно была низкой (большинство из нас были в полном неадеквате).

Я считаю, что этот опыт позволил нам создать нашу последнюю великую песню того периода «Regret» и одну из моих любимых песен — «Ruined In a Day» (на которую K-Klass сделали прекрасный ремикс). Обе песни стоили того, но записывать их в тех обстоятельствах было ужасно. Мы сделали это нехотя, проблемы на Factory и в Хасиенде спровоцировали конфликты в

группе; честно говоря, удивительно, как мы вообще завершили запись. Это был замкнутый круг, и нам нужно было выбираться из него.

Когда всё развалилось, Тони и Роб начали сильно конфликтовать. Тони негодовал, что в клуб уходили деньги Factory. Помню, как он сказал мне: «Если бы не ваш клуб, у меня всё ещё был бы лейбл».

Когда Factory разорилась, Тони ничего не оставалось, как бросить Хасиенду, так как у него больше не было ни денег для инвестирования, ни желания общаться со мной и Робом. Он сосредоточился на серии музыкальных семинаров *In the City*, которые он проводил в Манчестере. Встречи директоров он посещал редко, совсем немного высказывался насчёт новых идей, даже в конце, когда не мог предоставить денежные средства. Но я думаю, что он просто потерял интерес.

Разорение Factory не только принесло разочарование, но и непосредственно повлияло на Хасиенду, так как деньги лейбла перестали поступать на счёт клуба. Однажды Энг сказала, что всё за время работы в клубе через её руки прошло по меньшей мере шестнадцать миллионов, но Хасиенда всё ещё нуждалась в регулярном дополнительном финансировании. Выручка с билетов и продажи алкоголя была недостаточной, чтобы покрыть расходы.

Куда всё уходило? Энг открывала двери в девять вечера (очередь начинала выстраиваться в семь пятнадцать) и через сорок минут запирала здание, потому что оно уже было переполнено народом. Она наблюдала за восемнадцатью работниками, восемью кассами в баре, тремя сменами персонала на входе и выручкой с билетов. В первый час её работа состояла в том, чтобы доставать из кассы однофунтовые банкноты и класть в неё сдачу. Потом она заполняла деньгами ящики шкафа, не успевая их считать. После этого относила деньги в сейф. С ума сойти!

Нас окружали деньги, которые мы не могли сберечь, и упыри, которых мы не могли контролировать. Когда бандит из Солфорда что-то праздновал в Хасиенде, у Энг случился шок. В тёмном месте он подошёл к ней сзади с бутылкой шампанского в руке и сказал: «Однажды я скажу своему сыну, что это всё достанется ему».

Этот случай заставил её поинтересоваться, какое влияние тут имеют банды — или, по крайней мере, думают, что имеют.

***

РАСПИСАНИЕ МЕРОПРИЯТИЙ ХАСИЕНДЫ ЗА 1992 ГОД

Январь

3 января, пятница: SHINE! Майк Пикеринг; Russ; приглашённые гости

4 января, суббота: Грэм Парк; Том Уэйнрайт

9 января, четверг: BEAUTIFUL 2000 Дэйв Хаслам; Джейсон Бордман

29 января, среда: FLESH «QUEERSEXY» Tim; Luke Howerd; PA by MC Kinky

Февраль

7 февраля, пятница: SHINE! Майк Пикеринг; Mr Fingers

12 февраля, среда: Sasha; Майк Пикеринг; PA by Joey Negro

14 февраля, пятница: VALENTINE SHINE! Майк Пикеринг

19 февраля, среда: The Brand New Heavies; Ashley and Jackson Marco; Dean

21 февраля, пятница: SHINE! Майк Пикеринг; Аллистер Уайтхед

26 февраля, среда: FLESH Tim; Luke Howerd

28 февраля, пятница: SHINE! Майк Пикеринг; PA by E-lustrious

Март

4 марта, среда: ROBS RECORDS PARTY ACR; Anambi Джон Деизилва; Энди Робинсон; Dave Rofe; Питер Робинсон. **Сет-лист (ACR):** Manic — «Good Together», Shack Up — «Won't Stop Loving You», Spirit Dance — «Teckno 4 An Answer», Wonder Y — «Mello», 27 Forever — «Be What You Wanna Be», Si Firmi — «O Grido». **Сет-лист (Джон Деизилва):** Sounds of Blackness — «The Pressure», Tramaine — «Fall Down», Gypsymen — «Stoppin' Us», Lisa Lisa & Cult Jam — «Let the Beat Hit «Em' (The Paradise Garage Club Mix), Cookie Watkins — «I'm Attracted to You», Photon Inc. — «Generate Power», Blow — «Cutter», New Grooves Vol. II — «2 A.M.», Joey Negro — «Do What You Feel», The Emotions — «I Don't Want to Lose Your Love», Korda — «Move Your Body", Simone — «My Family Depends on Me», Little Louie Vega and Marc Anthony — «Ride on the Rhythm», S.L.Y. — «I Need a Freak», Clubhouse — «Deep in My Heart» (Red Zone Mix), Joman-da — «Got a Love for You», D-Rail feat. Randy B — «Bring it on Down' (Dub Mix), Cool House — «Rock this Party Right», Julian «Jumpin' Perez — «Relight My Fire' (Mike Dunn's Mixx), K Klass — «Rhythm is a Mystery», DSK — «What Would We Do», Ralphi Rosario — You Used to Hold Me», Chris Cue-vas — «Hip Hop' (MAW Dub), DSK — "What Would We Do' (Eight Minutes Of Madness Mix), Ralphi Rosario — "You Used to Hold Me», The Bassheads — "Who Can Make Me Feel Good», Kym Sims — Too Blind to See It», Ce Ce

Peniston — «Finally», First Choice — «Let No Man Put Asunder», Members of the House — These Are My People' (Rainbow Mix), Rochelle Fleming — «Love Itch' (Aca-pella), Band of Gypsies — Take Me Higher'

6 марта, пятница: SHINE! Дэвид Моралес; Майк Пикеринг; Russ

13 марта, пятница: Sasha

18 марта, среда: FUNK WITH A SHORT FUSE Dean; Peter

19 марта, четверг: LAST OF BEAUTIFUL 2000

20 марта, пятница: Sasha

25 марта, среда: FLESH Tim; Luke Howerd PA — Дэрил Панди; фэшн-шоу: Billy of Emporium

27 марта, пятница: Sasha

28 марта, суббота: Грэм Парк. **Сет-лист:** Bump — «I'm Rushing' (Acapel-la), Shawn Christopher — «Don't Lose the Magic' (Morales Mix), Little Louie Vega and Marc Anthony — «Ride on the Rhythm», Sounds of Blackness — «The Pressure», Frankie Knuckles — «Workout' (Workin' Dub), Sinnamon — «I Need You Now' (Disco Brothers 7" Remix), Todd Terry — «I'll Do Anything», Partners Inc. — «Hustle Ain't Over», Fire Island — «In Your Bones», Double FM — «Illusion», Queen Latifah — «How Do I Love Thee' (Extended Club Mix), Daisy Dee — «Pump it Up All the Way* (Pumped Up Mix), PM Dawn — *Watcher's Point of View' (Todd Terry Melody Remix), Eleanore Mills — «Mr. Right' (The Superb Park-side Mix), Kathy Sledge — Take Me Back to Love Again' (Shelter Me Mix), Bump — «I'm Rushing' (Big Bump Mix)

Апрель

1 апреля, среда: APRIL FUSE DAY Dean; Peter; Норман Джей

3 апреля, пятница: SHINE! Sasha; Майк Пикеринг

10 апреля, пятница: Майк Пикеринг; Sasha

12 апреля, воскресенье: Sasha; Altern 8

17 апреля, пятница: Майк Пикеринг; Sasha

20 апреля, понедельник: BANK HOLIDAY FLESH Tim; Luke Howerd; Kinky Gerlinky

24 апреля, пятница: Майк Пикеринг; Sasha

29 апреля, среда: FLESH WITH LOVE FROM LIVERPOOL PAs by Liverpool's «8' Records; Coloursex; Whole New Dream; Connie Lush; Jane Casey Tim; Luke Howerd; Princess Julia

МАЙ

4 мая, понедельник: TEN: THE FASHION Том Уэйнрайт; фэшн-шоу: Мичико Кошино; Вивьен Вествуд; Джон Ричмонд; Body Map

6 мая, среда: FUSE Don-E Dean; Peter

8 мая, пятница: SHINE! Sasha; Майк Пикеринг

13 мая, среда: Pet Shop Boys; Дерек Джармен; Cicero Sasha

21 мая, четверг: TENTH BIRTHDAY PARTY Майк Пикеринг; Грэм Парк; Дэвид Моралес; Фрэнки Наклз

22 мая, пятница: BIRTHDAY SHINE! Майк Пикеринг; Russ; Фрэнки Наклз

23 мая, суббота: Грэм Парк; Том Уэйнрайт; Дэвид Моралес

27 мая, вторник: Том Уэйнрайт. **Сет-лист:** Perception — «Feed the Feeling' (Slam Mix), Black Sheep — «Stro-belight Honey», Little Louie Vega and Marc Anthony — «Ride on the Rhythm' (MAW Dub), So Damn Tuff — «Pleasure & Pain», Lil Louis — «Club Lonely», Underground Mass — «Music (Takes Control)' (Pucci Mix), Blake Baxter — «One More Time' (Red Planet Mix), Soul II Soul — «Move Me No Mountain' (Dum Dum Dub), Grace Under Pressure — «Make My Day», Code Red — «Deep Beats Vol.1 Track ВГ, Urbanized — «Helpless (I Don't Know What I'd Do)», Tito Puente — «Para Los Rumberos (Kenlou Remix)», Frankie Knuckles — Workout' (1992 Vocal Mix), A Man Called Adam — «Bread, Love and Dreams' (Parkside Mix), Virgo — «Mechanically Replayed», Inner City — «Pennies from Heaven' (Tony Humphries Norty Boy Mix), Joey Negro — «Love Fantasy», Clubland — «(I'm Under) Love Strain' (Lost in the Jungle Mix), Pet Shop Boys — «Where the Streets Have No Name' (Red Zone Mix), MK — «Burning' (MK Extended Remix), Degrees of Motion — «Shine On'

Июнь

26 июня, пятница: SHINE! D-Influence, Sasha; Russ

Август

8 августа, суббота: Грэм Парк

22 августа, суббота: Грэм Парк. **Сет-лист:** Nightmares on Wax — «Set Me Free», Kathy Sledge — «Heart' (Hardubb Mix), Nightcrawlers — «Push the Feelin' On' (MK's Dub of Doom), Double F.M. — «Illusion», Planet X — «Once Upon a Dancefloor», Sunscreem — «Love U More' (Parkside Mix), Sheer Bronze — «Walkin' On», Mombassa — «Cry Freedom», The Reese Project — «Colour of Love' (Deep Reese Mix), Mental In-strum — «Bott-ee Rider' (Smack that Bott-ee Mix), Pamela Fernandez — «Kickin' in the Beat' (Acapella), Pamela Fernandez — «Kickin' in the Beat' (AIM Dub), Meli'sa Morgan — «Still in Love With You' (Meli'sa in the House Mix), Malaika — «So Much Love», Kathy Sledge — «Heart' (Revival Mix), FPI Project — «Feel It», TC 1992 — «Funky Guitar», Urban Jungle — «Bad Man», Solution — «Feels So Right», Club Z — «I Wanna Be Someone' (12" Vocal Mix)

28 августа, пятница: SHINE! Майк Пикеринг; Russ; Дэвид Моралес

Сентябрь

11 сентября, пятница: SHINE! Tyrrel Corporation; Майк Пикеринг; Russ

14 сентября, понедельник: FANTAZIA COMES TO THE HAÇIENDA (часть музыкальных семинаров *In the City*)

Ноябрь

7 ноября, суббота: Грэм Парк. **Сет-лист:** Suzanne Vega — «Blood Makes Noise' (MAW Mix), House of Gypsies — «Samba», Lionrock — «Lionrock», DV8 — «C'Mon», Nightmares On Wax — «Happiness!», KXP feat. Cybil Jeffries — «Ain't No Mountain High Enough' (The Accapella), The S.O.U.L.S.Y.S.T.E.M. — «It's Gonna Be a Lovely Day" (Palladium House Anthem I), Trilogy — «Good Time' (Robi Robs House Anthem Mix), Bizarre Inc. — «I'm Gonna Get You' (Todd Terry Rave Dub), East Side Beat — «Alive & Kicking' (The Ken Wood Dub), Cynthia M — «Everything I Do», Rap-ination feat. Kym Mazelle — «Love Me The Right Waˆ, Kathy Sledge — «Heart' (Uplifting Dub Mix), MK — «Always», UFI — «Understand this Groove», Uncanny Alliance — «I Got My Education'

13 ноября, пятница: SHINE! Daniele Davoli; Майк Пикеринг; Russ

23 ноября, понедельник: Factory Communications Limited переходит в конкурсное управление

Декабрь

4 декабря, пятница: Sasha; Altern 8

18 декабря, пятница: SHINE! CHRISTMAS PARTY Uncanny Alliance; Майк Пикеринг; Russ

***

ИЗ СЧЕТОВ КОМПАНИИ ЗА 1992 ГОД

FAC 51 Limited

Торговая марка: the Haçienda

ПЛАН ПО ПРИБЫЛИ И УБЫТКАМ (ПРОГНОЗ НА ПЕРИОД С ФЕВРАЛЯ ПО АПРЕЛЬ 1992 ГОДА)

Торговый счёт

Средняя валовая прибыль за все три месяца определена как 53 %.

1. Торговый счёт за февраль составлен на основе данных за первые три недели месяца. На основе этих данных пропорционально вычислены результаты за четыре недели.

Актуальные данные за первые три недели включают открытие двух мероприятий по средам (Sasha и The Brand New Heavies).

Данные за четыре недели включают аренду на мероприятие по вторникам Flesh с учётом лицензии на работу до четырёх часов утра и ограничение по посещаемости (1400 человек при стоимости билета 6 фунтов) и пятое субботнее мероприятие месяца с посещением 1400 человек при стоимости билета 8 фунтов.

2. Торговый счёт за март основан на следующих данных по посещаемости.

Среды: три мероприятия

ACR/Robs Records Party (3 марта): 950 посетителей при стоимости билета 7 фунтов.

Sasha (18 марта): 850 посетителей при стоимости билета 6 фунтов.

Flesh (25 марта): 1400 посетителей при стоимости билета 6 фунтов с учётом лицензии на проведение мероприятий до четырёх часов утра.

Четверги: четыре мероприятия

Средняя посещаемость 550 человек на одно мероприятие, стоимость билета 2 фунта.

Пятницы: четыре мероприятия

Средняя посещаемость 700 человек на одно мероприятие, стоимость билета 6 фунтов. (За март, диджей Sasha.)

Субботы: четыре мероприятия

Средняя посещаемость человек на одно мероприятие, стоимость билета 8 фунтов.

3. Торговый счёт за апрель основан на следующих данных по посещаемости.

Понедельник, пасха: 1200 посетителей при стоимости билета 10 фунтов с учётом лицензии на работу до четырёх часов утра.

Среды: три мероприятия

Fashion Cabaret: 900 человек при стоимости билета 6 фунтов. Sasha: 800 человек при стоимости билета 6 фунтов. Flesh: 1400 человек при стоимости билета 6 фунтов с учётом лицензии на работу до четырёх часов утра.

Четверги: четыре мероприятия

Средняя посещаемость 560 человек за мероприятие при стоимости билета в 2 фунта.

Пятницы: четыре мероприятия

Средняя посещаемость в 750 человек на одно мероприятие при стоимости билета 6 фунтов.

(Диджеи Майк Пикеринг и Sasha.)

Субботы: четыре мероприятия

Средняя посещаемость 1400 человек на одно мероприятие при стоимости билета 8 фунтов.

Выручка бара вычислена на основе показателей посещаемости и средних показателей за три прошедших месяца. Субботние цены бара приведены с учётом дополнительных 20 пенсов на все напитки.

Расходы и надбавки

Расходы и надбавки за три месяца основаны на:

1) средних данных за три прошедших месяца с пропорциональным расчётом;

2) количестве мероприятий, в том числе всех запланированных особых мероприятий.

FAC 51 Limited

Торговая марка: the Haçienda

ИЗ ОТЧЁТА И СЧЕТОВ (23 ИЮНЯ 1992 ГОДА)

На момент отчёта клуб прекратил функционирование в связи с производственными затруднениями. Процедуры по закрытию проводились в январе 1991 года. Предполагается, что закрытие будет временным, поэтому никакого постоянного сокращения объёмов деятельности компании не ожидается.

Лицензия на ведение деятельности также была изъята незадолго до отчётной даты. Однако была подана апелляция, и вопрос о временном продлении и пробном периоде ведения деятельности будет решаться в первой половине 1991 года. В случае, если ночной клуб не будет в состоянии открыться снова или если лицензию отберут навсегда, компания перестанет функционировать.

***

ЦИТАТЫ И ФАКТЫ

В этом году состоялось примечательное событие в жизни кошки, обитающей в Хасиенде, фото которой было опубликовано в *NME* в материале о Factory. Вместо имени животному дали номер в каталоге — FAC 191. Фотографию сопровождал заголовок «Кошки балдеют в Хасиенде».

1993. «Вы платите мне недостаточно, чтобы я тут кровью истекал»

После долгого ожидания снова встал вопрос о подвале.

Стоимость переустройства была оценена в 250 000 фунтов (относительно дёшево для Хасиенды, но на этот раз Бену Келли нужно было уложиться!).

Не помню, как мы достали деньги. Были ли это деньги Роба / New Order? Как бы то ни было, дело пошло, работы были закончены, но... Это никак не повлияло на выручку.

После работ по переустройству вместительность клуба увеличилась, и это сулило немалую выгоду в случае больших концертов. Но минус состоял в том, что в клубе стало гораздо сложнее поддерживать порядок, появилось больше потаённых уголков.

Несмотря на усилия Хасиенды, посещаемость снижалась. Преступность отпугивала посетителей.

Даже работавший с нами продавец хот-догов был напуган. Этот милый старикан, сколько я его помню, был неотъемлемой частью клуба. Я ничего у него не покупал (о здоровье заботился), но все его любили. Однажды Дэмиен вышвыривал из клуба солфордского парня за нарушение порядка, и продавцу хот-догов не посчастливилось оказаться на пути. Его тележка перевернулась, а сам он получил сильные ушибы. Такого он точно не ожидал.

Охранник бросился ему на помощь, но тот исчез и больше не возвращался. «Всё, Хуки, это конец», — говорили мне.

Как будто вороны покинули лондонский Тауэр. Начинался крайне унылый период, за который клуб слишком изменился, чтобы вернуться к своим корням. Мы постепенно растеряли всё, к чему так стремились. Добродушие, дружелюбие, уникальность — всё ушло.

Время настало очень беспокойное. Однажды сотрудники обнаружили весивший не меньше тонны сейф брошенным посреди подвала, через который его пытались вытащить к каналу. Воры, должно быть, изрядно вымотались. И похоже, неплохо побухали, судя по количеству оставленных пустых бутылок.

Мы сообщили об этом в полицию: «Знаете каких-нибудь здоровяков? Каких-нибудь тяжелоатлетов, которым мог быть известен код сигнализации».

«Хм, нет».

«А, ну спасибо. Всего доброго».

Одним словом, стабильность.

В 1993 году взлёт популярности танцевальной музыки подарил Манчестеру два выдающихся заведения. В мае на Чарльз-стрит, в старом здании Factory, открылся Paradise Factory, изначально бывший гей-клубом. А в сентябре — Home, владельцем которого был Том Блоксхем, а управляющим — Пол Конс.

Антон Розак, слушавший на момент поступления к нам The Smiths, за что его трудно винить, не мог больше выносить это безумие. Он никогда не упоминал о клубе в статьях, так как не был директором, но свою работу делал очень хорошо. Он был отличным парнем, знал свои обязанности. Редкость для нас. В 1989 году, в свой восемнадцатый день рождения, он устроился к нам мойщиком посуды. И дорос до ассистента. По вторникам на Stone Love он играл свои диджей-сеты. Они с Энг делали всю работу вместе, и, когда она уезжала в отпуск, он руководил без неё. Также он оставался за старшего по четвергам, когда Энг в свой выходной ходила со мной в Paradise Factory (по четвергам был выходной у нашего водителя автобуса).

Антон всегда боялся оружия. Однажды в здание нагрянула полиция, заявив, что они ищут тело. Что случилось? Это известно только мне, долгая история...

Она про парня, который пытался войти в клуб. Он был явно упорот, так что охрана послала его куда подальше. Все охранники из соображений безопасности припарковывали машины прямо перед входом — тем ближе, чем выше была должность владельца. Автомобиль Дэмиена стоял совсем близко. Тот придурок начал было огрызаться, но охранники его игнорировали. Тогда он проявил изобретательность и запрыгнул на капот ближайшей машины и, пытаясь обратить на себя внимание, принялся прыгать на нём.

К несчастью, машиной, на которую он запрыгнул, оказался новенький Ford Cosworth, который Дэмиен берёг как зеницу ока. Он схватил паренька и отделал по полной на глазах у изумлённой очереди. Тот, не в состоянии подняться, лежал на земле несколько минут. Очередь загудела. Прикидывая, как лучше поступить, охранники подняли бедолагу за ноги и потащили в клуб. Мы никогда не узнаем, почему они это сделали. Между тем, очевидно, кто-то в очереди запаниковал и позвонил в полицию, сообщив, что охранники в Хасиенде убили человека и занесли его в здание, чтобы избавиться от тела, сбросив его в канал или вроде того.

Полицейские не на шутку всполошились и прибыли

вооружёнными до зубов. Дэмиен задержал их на входе, пока парня на кухне умывали и перевязывали. Энг вместе с работником бара (парнем, который, вы не поверите, оказался засланным шпионом из Солфорда) надела на него пальто и шляпу и провела прямо мимо полиции как якобы уставшего и перебравшего посетителя. Ему вызвали такси, сунули в карман двести фунтов и велели водителю отвезти его домой в Суинтон. Таким образом они избавились от улик и сняли подозрения с охраны.

Потом Энг разбиралась с полицейскими, которые не верили, что парень просто взял и ушёл. Они выгнали всех из клуба, оцепили здание на ночь и обыскали его полностью. Мы были в курсе того, что случилось, но Антон проявил энтузиазм и решил обследовать подвал. К несчастью, там он нашёл пистолет, и у него случилась истерика. Он бросился с этим к Энг, которая уже привыкла к подобным сюрпризам, и она сказала, что если он не трогал пистолет, то всё в порядке, пусть успокоится, чем-нибудь его прикроет и оставит на месте.

Ему пришлось весь вечер держать себя в руках перед полицейскими, а те в итоге устали, включили сирену и уехали на новый вызов.

Антону всегда хотелось посещать встречи директоров по четвергам. Когда в конце концов ему позволили присутствовать на одном, он пришёл, всерьёз собираясь предложить инвентаризацию, сыпал разными идеями вроде расписания дежурства для персонала, учёта потерь и т. д. Тони чуть ли не сразу встал и заорал, чтобы он убирался на фиг со своим выступлением, которое не имеет к нам никакого отношения.

Больше его туда не допускали. Он запаниковал ещё больше, чем когда обнаружил пистолет и думал, что его посадят. На самом деле Тони позже отвёл его в сторонку и успокоил: «Не волнуйся, дорогуша, вот такие мы тут».

Никто не ожидал услышать на этих встречах разумные предложения. Ребята хотели выпивать, обсуждать футбол и девушек, спорить и делать ставки на то, сколько придёт посетителей в действительности, а не в запланированных цифрах.

Я называл эти встречи чаепитиями у Безумного Шляпника. Они были полным, просто полнейшим нонсенсом, который продолжался с двух часов дня до раннего вечера в отсеке Хасиенды, который называли Round House. В комнате было так накурено, что ощущение времени могло быть потеряно целиком. В этом дерьмовом Round House зимой было холодно, помещение совершенно не прогревалось. Мне кажется, что мы собирались там, чтобы почувствовать хоть какую-то пользу от этой части

здания. То, что мы её не сдавали, всегда выводило из себя Алана Эразмуса, и он, в свою очередь, пил кровь из Пола Мейсона. Сейчас подобные помещения в центре Манчестера можно сдавать под офисы за большие деньги, но в то время такой возможности не было.

Начинали мы ещё трезвыми. Но когда уставали от сказок, Роб заказывал и оплачивал ящик «Саппоро». Мы обсуждали разные скучные рабочие моменты типа того, какие бургеры и туалетную бумагу покупать, после чего маразм только крепчал, и Роб, скручивая косяк, всех критиковал. Тони, по обыкновению приходящий позже всех, сваливал первым, за ним, как правило, уходили Энг и Пол Мейсон, а мы с Робом озадаченно допивали пиво.

С этого обычно начинались мои выходные. Я шёл в Dry, затем в Paradise Factory, после чего около полуночи в пятницу возвращался домой, чтобы прийти в себя и забрать детей на субботу.

Однажды в четверг на совещании мы обсуждали наш НДС. Казалось, что наши долги перед банком выросли настолько, что все вложенные деньги идут на их погашение. Когда учитывались ежеквартальные выплаты НДС, на перевод не оставалось.

И я, тупень из Солфорда, смотрел в менеджерские записи и пытался понять хоть что-нибудь. На бумаге всё выглядело прилично. Выручка с билетов? Есть. Прибыль от бара? Сколько угодно. Выручка от гардероба? Есть!

«А где НДС?» — спросил я.

«Эти данные включают НДС», — ответил кто-то. Они не вычитали НДС из наших цифр.

«Тогда никакая это не прибыль».

«Ой, да, вы правы. Мы это поменяем».

Чёрт возьми, и это продолжалось двенадцать лет.

Никто и не думал представлять данные отдельно с НДС, чтобы убедиться, что строгие типы из HM Customs & Excise получили свои деньги и были довольны (это невозможно, я знаю, но попробовать в любом случае стоило). На одной стадии мы пропустили девять месяцев (три выплаты), накопив за это время пени: 17,5 % от трёхмесячного оборота в 300 000 фунтов, которые составили около 40 000 за квартал плюс штрафы.

Тем временем мы, насколько это вообще возможно, пытались уживаться с бандитами. В действительности некоторые наши сотрудники брали беспроцентные кредиты, вместо того чтобы пользоваться услугами банка. Они забирали наличные деньги, иногда до двух тысяч, на месяц, и им сообщалась дата выплаты. Благодаря связи с Хасиендой, им не начислялась ставка, но зато и

способа не вернуть долг не было. Это перед банком они могли не выполнить свои обязательства, а с бандами подобное не прокатывало.

Мы были свидетелями неописуемой и немотивированной жестокости, творившейся перед входными дверями. Наши охранники устраивали настоящий беспредел, да и другая сторона была не лучше, в результате чего на следующий день Дэмиену приходилось разрабатывать соглашение, как настоящему бизнесмену, чтобы всё уладить и сохранить лицо.

Например, один раз на нашего охранника напали члены банды Бротона. У нас был установлен гидравлический механизм, опускающий дверь при нажатии кнопки (храни Господь тех, кто попадал под неё). Охранники захлопнули дверь, но бандиты стали тыкать в щели ножами и мачете. Наши ребята отвечали тем же, что привело Сюзанну в бешенство, так как они взяли лучшие кухонные ножи.

Всё уладилось, но нужно было отстоять честь и достоинство, так что один из охранников, прихватив своих друзей, отправился мстить. Позже мы узнали, что друзей этих было четверо и они были вооружены. На всякий случай они ждали в припаркованной за углом машине каждую ночь, когда клуб был открыт.

Ребята из враждебной банды находились в клубе Ноте — это сообщил специально подосланный парень.

Знакомый пропустил нашего охранника через чёрный ход. Он зашёл один, чтобы расквитаться, а его товарищи должны были появиться, если что-то пойдёт не так. Бандитов предупредили о том, что он придёт. Они были готовы и первыми открыли огонь. Начался сущий ад, люди кричали и в панике ломились к выходу. Наш охранник попробовал открыть ответный огонь, но пистолет дал осечку, тогда он побежал к выходу, но был ранен в бедро, когда собирался нырнуть под машину. Его подкрепление было сильно занято прослушиванием кассеты с миксом Грэма Парка, так что стрельбу они не слышали (легендарные записи Грэма Парка) . Охраннику пришлось отлёживаться под машиной, пока все не успокоились. Когда его отыскали напарники, он пришёл в ярость. У него была феноменальная способность переносить боль. Парень реально пришёл домой, принял душ, сжёг одежду, переоделся и только потом отправился в больницу. С пулями в ноге.

Тони, Роб, Алан и я навестили его ночью в больнице (нам сообщили по телефону), и там он рассказал о том, что случилось. Как раз перед нами с допросом приезжали копы. Он избавился от них, подняв стул и заявив, что выбросит его в окно, если они не свалят. Пока он выздоравливал, был подписан договор о

компенсации в 30000 фунтов. В случае отказа могло последовать возмездие. Но деньги были уплачены. Суровая справедливость.

Энг Мэттьюс спросила одного из охранников, как они могут так жить.

Он ответил: «Самое страшное, что со мной могут сделать, — пристрелить. А мертвому уже будет всё равно».

Ему было пофиг. Вероятно, вы назовёте это храбростью. Это были крайне суровые парни, которые действовали резко и сильно рисковали. Но что забавно — они могли дать слабину, но не многим позволяли видеть это. Как ни странно, они бывали очень приветливыми и обходительными. Я знаю про это, потому что сдружился с ними. Они отключали при мне свою защитную реакцию, но, когда было нужно, всегда вовремя включали её обратно. Если честно, мне нравилось тусоваться с ними. Я чувствовал себя посвященным, что было опасно, но ужасно интересно. Помню, как один из них сделал своей девушке сюрприз и отвёз её на выходные в Грецию. Они прибыли в намеченное время и достали спрятанные семь грамм. Какое-то время всё шло нормально, но потом произошла какая-то ничтожная размолвка, в результате чего парень разгромил весь номер. Девушка с криками выбежала и привела наверх сотрудников бара. Он побил их всех, всех семерых. Чтобы арестовать его, потребовалось десять отрядов полиции быстрого реагирования со слезоточивым газом. На следующий день его депортировали. И кто сказал, что романтика умерла?

Наши охранники были настолько сильными и свирепыми, что нас везде ассоциировали с ними. Помню, как однажды ходил в Paradise Factory (клуб, построенный в здании, где располагался офис Factory, после того как оно было продано из-за банкротства компании) с более молодым охранником из Хасиенды. Назовём его Джек. Он был в таком же неадеквате, как и я. Мы подружились, но, чёрт возьми, он втянул меня в неприятности.

Охранники в Paradise Factory были чертовски дотошны, реально омерзительны. После десяти минут я спросил: «Чувствуешь здешнюю энергетику? Тут реально неуютно».

«Ой, нет-нет. Не волнуйся, всё будет хорошо».

Он вернулся к разговору со своими знакомыми, а я подумал, что не могу больше это терпеть. Я уговорил своего приятеля уйти.

Мы вернулись в Хасиенду, и я сказал: «Блин, охрана там дружелюбностью не отличается».

«Ну да, но на прошлой неделе я прижал одного из них к стене и приставил мачете к горлу. Возможно, поэтому».

Они не пропустили наших людей по флаерам, а мы ответили тем же, так что ребята спустились, чтобы разобраться.

«Ага, понятно».

Прогулки по опасным районам были способом показать себя. Подобные вещи происходили всё время, когда мы тусовались. О его репутации я всё понял, когда увидел, как внезапно меняются лица людей, где бы мы ни появлялись. «Господи, как же здесь неуютно», — думал я и уходил.

В другой раз мы встретились у здания Corn Exchange в Манчестере, которое сейчас называется Triangle. Там он купил в киоске нож — большую фигню типа SAS для выживания с зубцами на лезвии. Я спросил его, зачем он ему.

Он ответил, что нож нужен для домашней коллекции, и предложил пойти выпить в Conservatory.

Разумеется, я согласился. Там мы стали выпивать с ещё одним знаменитым бандитом. Приехал управляющий, так что я решил свалить. Как вдруг вижу у моих приятелей новёхонький нож Джека. И я тут как тут посреди них сижу. Я вспылил: «Ты почему мне не сказал? Мне не нужны проблемы!»

Он просто рассмеялся.

Мне оставалось лишь усиленно извиняться перед менеджером на следующий день. Он сказал, что всё в порядке и он уже привык.

Блин, а ведь мы с ним были в одной упряжке.

Думаю, что Джек считал меня своим другом. В Хасиен-де он стоял рядом со мной и был учтив. Однажды два парня подошли и сказали: «Привет, Хуки, мы из Чикаго. Мы проделали весь путь лишь для того, чтобы увидеть New Order в своём клубе».

Джек принялся орать: «Какого хрена вам надо! Оставьте его!»

Я сказал, что всё в порядке, но он не замолкал: «С фига ли вы такие дерзкие!» — и вышвырнул их, не слушая меня. Слишком надёжная охрана, как пёс со своей костью.

Несмотря на подобные случаи, мы хорошо ладили и ходили вместе на множество вечеринок. У нас был один круг общения, поэтому были общие темы. Если он подозревал, что я что-то с собой принёс, то покидал своё место и стоял возле меня весь вечер. Как будто у меня был собственный неконтролируемый, психопатичный (но очень дружелюбный) телохранитель.

Некоторым историям про охранников вы просто не поверите. Например, накануне Рождества они «попросили» посетителей сдать по одному фунту и все собранные деньги отнесли в местную детскую больницу. Очень трогательно.

Многое можно сказать про Дэмиена Нунана, но он был очень предан своей семье. Однажды к нам пришёл Райан Гиггс из футбольного клуба «Манчестер Юнайтед». «Задержите его здесь», — велел Дэмиен охранникам.

Он сбегал домой, разбудил детей, одел их в форму «Манчестера» и привёз к клубу. Это заняло около часа. Они сфотографировались с Райаном, и только после этого его впустили.

Каждый раз, когда мне, чтобы уехать из клуба, нужно было такси, Дэмиен останавливал первое попавшееся и вышвыривал оттуда пассажиров, игнорируя наши с водителем протесты. К своему огромному стыду я никогда не отказывался от такси. Знаете, как тяжело его поймать в три часа ночи в канун Нового года на Уитворт-стрит? Однажды я вытаскивал своего приятеля Кена из коктейль-бара (он был ужрат и разговаривал со стеной), и Дэмиен настоял на том, чтобы найти нам такси.

«Всё в порядке, — сказал я ему. — Я прогуляюсь до "Риц", там на Уитворт-стрит есть ещё один клуб, а ему нужен воздух».

Дэмиен ничего не хотел слышать: «Оставайся тут». С ним невозможно было спорить.

Он вызвал такси, с криком: «Убирайтесь отсюда, ублюдки, эта машина для Питера Хука» — выгнал оттуда людей, посадил нас с Кеном в машину и закрыл за нами дверь.

Когда мы отъехали, водитель спросил: «Это был Дэмиен Нунан?»

«Да».

«Едь и не болтай, урод!» — выпалил Кен.

«Закрой рот и оставь его», — сказал ему я.

Не обращая на Кена внимание, водитель продолжал: «Мы с Дэмиеном в тюряге сидели».

Зная, что о таком не спрашивают, я всё же поинтересовался: «А за что сидели?»

«Убийство».

«Бог ты мой», — подумал я.

Кен орал: «Да заткнись ты уже, козёл, вези меня домой! Мне нужно добавить!»

«Заткнись, Кен!»

Мне пришлось двинуть ему, чтобы водитель не прибил нас обоих.

«Да, я сидел за убийство, — продолжал таксист. — Я убил парня и нахрен отрезал ему голову. Да, я сделал это. Его жена была мне благодарна. Он был конченый ублюдок. Мне кажется, все сказали мне спасибо».

Я мог думать только об одном: и как только мне удаётся попадать в такие истории? Я выглянул на улицу. Было пять утра, и солнце поднималось. Ну и жизнь.

Клуб продолжал свою борьбу. Ребята Нунана некоторое время отлично следили за входом, но со временем наркотиков

становилось всё больше и банды делались всё свирепее. Жестокость возрастала.

И правда. Доминик Нунан, работавший с братом в клубе, позже рассказал режиссёру документального фильма Доналу Маклнтайру про то, что вход в Хасиенду был тем ещё местечком, и про то, как банды Мосс-Сайда, Читэм-Хилла и Солфорда хотели пройти бесплатно: «Мы с ребятами решили, что надо знать меру и пора устроить проблемы им. Так мы и сделали». Он и ещё один охранник наведались в некий паб. У Доминика был мачете, а его приятель имел при себе дробовик. «Там была собака одного из бандитов [любители собак и вегетарианцы, вероятно, предпочтут пропустить эту часть], я просто отрубил ей голову, поднял, внёс в бар и положил на стол для пула. Я как бы сказал им: держитесь подальше от Хасиенды, а то в следующий раз тут будет человеческая голова. Больше они не возвращались».

Одиннадцатый день рождения клуба прошёл невесело. Кто-то ударил бутылкой Дэвида Моралеса (у нас есть подозрения кто), умудрившись оставить ему глубокую рану на спине.

«Вы платите мне недостаточно, чтобы я тут кровью истекал», — заявил он.

То, что должно было стать торжеством, обернулось полной анархией. Бандиты клеились к девушкам, шныряя до подвала и обратно. Они чувствовали свою неприкосновенность. В этом смысле всё было ужасно. Бандиты рулили в этом курятнике, и наши охранники при всём старании не могли им помешать.

В тот вечер кто-то из солфордских похитил мою подругу. Они сказали, что забирают её на вечеринку, но вместо этого продержали два дня у кого-то из них дома, кормя кислотой и безнадёжно пытаясь уговорить её стянуть джинсы. Они ушли, когда вернулась бандитская мамочка. Ещё как-то они похитили парня, торговавшего экстази без их ведома. Они отвезли его в Ордсолл, посадили в мешок и в течение трёх дней периодически пинали. Как и в случае с девушкой, ему давали кислоты, чтобы он дольше держался. Это был их любимый трюк, так они показывали, что с ними лучше не связываться.

А наши долги тем временем продолжали копиться. Не упоминавшиеся с середины года на встречах руководства данные были приведены в анонимном докладе, который описывал ситуацию с судебными приставами. Там перечислялись различные кредиторы, без которых «управлять клубом становится практически невозможно. Приставы стали проблемой недели. Трёх за одну

неделю мы не ожидали. Те, кто заинтересован в доле прибыли, были очень агрессивны (я знаком с ними ещё со времён Factory, и в случае неуплаты они способны забрать всё, что может покрыть долг). Те, кто работает за зарплату, представляли собой меньшую проблему, но и им нужно было угождать каждую неделю. Третьи работают от имени суда и занимаются мелкими делами, и их тоже нужно учитывать».

В последующие четыре года Хасиенда отнимала у меня слишком много времени. По требованию Роба я даже отодвинул музыку на второй план и стал полный день заниматься управлением клубом. New Order в основном прекратили гастролировать после тура в 1993 году. Группа, правда, собралась снова в 1998-м, но до тех пор мы вообще не общались. До нашего реюниона я видел Бернарда лишь дважды за пять лет, а со Стивом и Джиллиан не встречался ни разу. Перестав думать о New Order, Роб развивал свой лейбл Robs Records, подписывая такие проекты, как Gabrielle's Wish и Sub Sub, которые он представлял в клубе. Большую часть времени он проводил в офисе, занимаясь делами или глядя в окно. Сотрудники уважали его, считали умным и способным заметить великие группы, но, помимо прочего, учились не разочаровывать его. Обнаружив на флаерах орфографическую ошибку, он приходил в ярость и настаивал на том, чтобы их перепечатали или исправили от руки. Эстетическая сторона его очень волновала.

В августе New Order в качестве хедлайнеров выступили в последний день фестиваля Reading, после чего для группы на некоторое время наступило затишье.

В сентябре участникам New Order было направлено письмо из бухгалтерии относительно финансовых гарантий Хасиенды и Dry. Сообщение было строгим:

«Текущее положение дел в Хасиенде и баре Dry в данный момент является неудовлетворительным, и, хотя предприятия продержались в течение лета, они были убыточны (прогнозировалась прибыль в 15 000-20 000 фунтов в месяц), что было ожидаемо, учитывая снижение посещаемости Хасиенды по вечерам пятницы. Даже при том, что пока существует небольшой денежный оборот, а в сентябре и октябре, когда студенты вернутся в Манчестер, ожидается улучшение, средств для уплаты долгов будет недостаточно.

.. .Если предприятия не добьются успеха в поиске средств, единственным выходом для FAC 51 и FACT 201 останется ликвидация или передача управления».

Это письмо давало понять, что обстоятельства могут привести к вынужденной продаже здания на Уитворт-стрит по цене ниже рыночной и что гаранты New Order, в частности компания-учредитель Gainwest и несколько частных лиц, призываются к ответу.

Gainwest и New Order имели потенциальный счёт в сотни тысяч фунтов.

Спустя всего несколько дней после того, как это письмо было направлено руководству Хасиенды, команда снова собралась в Round House, где составлялись планы, как улучшить ситуацию с пятничными мероприятиями, которые были причиной всех бед.

Там были диджеи Buckley и Russ, а также Тим Леннокс и Аллистер Уайтхед. Оптимистично настроенный Роб Греттон спросил, привлечёт ли Тим Леннокс гей-коммьюнити. Пол Мей-сон предположил, что, к сожалению, не привлечёт. Команда рассмотрела другие варианты получения денег. Обсуждались Bhangra Nights, но мы оставили эту идею из-за их репутации, подпорченной атаками со стороны радикальных религиозных сообществ. Решили в следующий раз поговорить о возможности проведения концертов с музыкой соул и субботних утренних мероприятий, хотя уверенности, что это получится, не было. В срочном порядке была назначена встреча с Whitbread, на которой выдвигалось предложение о сотрудничестве.

Пока ничего не случилось, было решено, что нужно закончить оформление соглашения с London Records, и тут все повернулись к Тони Уилсону. Он ответил, что все важные моменты согласованы и осталась «лишь бумажная работа». В этом месте все заухмылялись.

Мы не могли объявить о банкротстве, поскольку боялись, что кредиторы, будучи владельцами акций Хасиенды, придут за нашими персональными гарантиями.

Мы пытались продать клуб много, даже очень много раз. Но никто не хотел его покупать, поскольку в счетах была масса несоответствий. Например, заёмные счета директора, крупные вложения, которые не могли быть выплачены, и другие фантастические статьи вроде содержания охраны, составлявшего 365 000 фунтов в год — в десять раз больше, чем в любом английском клубе.

Ричард Брэнсон из Virgin собирался рассмотреть вариант Хасиенды в качестве дополнения к своей империи клубов. Казалось, что он был сильно заинтересован в покупке и почти на неё решился, но потом понял, что из-за слишком высоких затрат на охрану извлечь прибыль будет невозможно. Всякий раз, когда

перспективный покупатель знакомился с нашими делами, выяснялась правда о бандах, и, осознавая масштаб преступности, он поспешно исчезал. Он понимал, что не сможет обеспечить безопасность посетителей. Просматривая счета, он думал, что указанная сумма расходов на охрану ошибка, опечатка, но, погуляв пару вечеров вокруг клуба, менял своё представление. Любой разумный бизнесмен скажет, что это «настоящее безумие». Да, это было безумие. Мы просто привыкли к нему.

Я, должно быть, ожидал, что инвестор с достаточно большим эго решит: мол, в этом клубе кипит жизнь, я наведу здесь порядок. Но общеизвестно, что так не бывает. Основатель Direct Line поначалу очень сильно заинтересовался, а потом умчался на полной скорости. Вжжж!

Бандиты между тем переключались с «ночной экономики» (бары и клубы) на «дневную» («нормальная» работа и бизнес), начинали наниматься в транспортные компании и, само собой, в охрану.

Интересная ремарка. Охранная компания выставляла нам счёт, и мы производили оплату с учётом НДС. Когда в процессе специальной инспекции нас попросили предъявить счета за охрану, оказалось, что охранное предприятие не платило НДС. Вот это поворот! Они реально ни разу не заплатили этот налог. Предоставленный ими номер НДС принадлежал B&Q, они просто забирали деньги себе.

Налоговая служба хотела, чтобы мы заплатили просроченный НДС (во второй раз), и мы, естественно, направили их в охранное предприятие. Думаете, они туда пошли? Нет. Может, охранников боялись.

Тем временем открылся клуб Home, и его ждали те же проблемы...

Я был в Home в тот вечер, когда из-за беспорядков клуб закрыли. Ребята из Читэм-Хилла просто забрались за барную стойку, сгребли бутылки шампанского и ушли. Прямо как в Хасиенде, никто не мог с этим справиться. Драки на улице продолжались часами, никто не мог выйти. Забавно, но я всегда думал, что Том Блоксхем выбрал название, слишком похожее на наше: Хасиенда — по-испански «усадьба»... И, похоже, это вышло ему боком.

Просматривая отснятый для телевидения материал с празднования Нового 1995 года в Хасиенде, я заметил, что с одиннадцати вечера никто из посетителей не платил за вход и не предъявлял билет. Охранники активно наполняли свои бутылки

из-под энергетика шампанским. Вот это я понимаю — деловая хватка. Это была тяжёлая ночь с кучей неприятностей. Энг вошла в коктейль-бар и увидела, как Дэмиен спорит с каким-то подростком, она взбесилась и начала орать: «Просто выведи его!» Из-за проблем она была просто взвинченна в тот вечер. Следующее, что она помнила, — как она, ошарашенная, поднимается с пола внизу лестницы и как рядом оказывается Дэмиен и спрашивает: «Ты в порядке?»

Оказывается, когда она начала кричать, парень выхватил пистолет и направил ей в лицо. Дэмиен, защищая, схватил её за воротник и швырнул с лестницы. Он отметелил напавшего, спустился и, как настоящий джентльмен, помог ей встать.

Позже, оглядев клуб и ещё не отойдя от произошедшего, она осознала, что никого не узнаёт. Все, кто тусовался в Хасиенде в лучшие годы клуба, ушли — кто из-за страха, кто повзрослев.

С Новым годом.

***

РАСПИСАНИЕ МЕРОПРИЯТИЙ ХАСИЕНДЫ ЗА 1993 ГОД

Февраль

2 февраля, вторник: OPEN HOUSE Том Уэйнрайт; Russ; Miles Holloway

16 февраля, вторник: OPEN HOUSE Том Уэйнрайт; Russ; Buckley

Май

5 мая, среда: BOY'S OWN PRODUCIONS Энди Уэтеролл; Пит Хеллер; One Dove

20 мая, четверг: A NIGHT IN THE LIFE OF... Дэвид Моралес; Фрэнки Наклз; Тони Хамфрис; Buckley; Angel; Danny Hussein; Аллистер Уайтхед; Marshall; Том Уэйнрайт

Июль

21 июля, среда: SOAK Аллистер Уайтхед; Marshall; Danny Hussein; Энди Уорд; Nightmares on Wax

Август

5 августа, среда: GRAEME PARK'S THIRTIETH BIRTHDAY PARTY

Сентябрь

12 сентября, суббота: HEAVENLY IN THE CITY St. Etienne;

Espiritu; The Rockingbirds; White Out; Энди Уэтеролл (часть музыкальных семинаров *In the City*)

13 сентября, понедельник: ROB'S PARTY Sub Sub; A Certain Ratio (часть музыкальных семинаров *In the City*)

14 сентября, вторник: MIXMAG/MINISTRY OF SOUND PARTY Тони Хамфрис; CJ Mackintosh; Джастин Беркман; D:Ream; Джулиет Роберте (часть музыкальных семинаров *In the City*)

Октябрь

2 октября, суббота: Грэм Парк

Ноябрь

5 ноября, пятница: Тодд Терри; Russ; Buckley; Дэйв Роуф

Декабрь

1 декабря, среда: JAZZMATAZZ

2 декабря, четверг: OPEN HOUSE Том Уэйнрайт; Danny Hussein

3 декабря, пятница: SHINE! Trannies with Attitude

9 декабря, четверг: OPEN HOUSE

10 декабря, пятница: Лоран Гарнье; Джуди Чикс

16 декабря, четверг: OPEN HOUSE

17 декабря, пятница: DIY

23 декабря, четверг: FLESH (присутствовало 1380 человек)

24 декабря, пятница: CHRISTMAS EVE PARTY Джон Дейзилва; Jose; Herbie; Buckley; Джон Мак-Криди; Mark Tabbener (присутствовало 808 человек)

27 декабря, понедельник: CHRISTMAS BANK HOLIDAY SHINE! Alex P; Аллитер Уайтхед; Тим Леннокс; Дэйв Роуф; Сэм Моллинсон (присутствовало 978 человек)

31 декабря, пятница: NEW YEAR'S EVE PARTY Том Уэйнрайт; Роджер Санчес; Тим Леннокс; Аллистер Уайтхед; Buckley; Herbie; Jose; Mark Tabbener

***

ВЫПИСКА ИЗ СЧЕТОВ КОМПАНИИ ЗА 1993 ГОД

FACT 51 Limited

Торговая марка: The Haçienda

Примечания

Без различных кредиторов, включая Swivel, Sandypress и Clean-Machine, управлять клубом становится практически невозможно.

Всю неделю нас доставали приставы. Трёх за одну неделю мы

не ожидали. Те, кто заинтересован в доле прибыли, были очень агрессивны (я знаком с ними ещё со времён Factory, и в случае неуплаты они способны забрать всё, что может покрыть долг). Те, кто работает за зарплату, представляли собой меньшую проблему, но и им нужно было угождать каждую неделю.

Третьи работают от имени суда и занимаются мелкими делами, и их тоже нужно учитывать.

Мы всегда можем, как и ранее, попробовать передать страховку имущества, несмотря на очевидные недостатки и риски. Но мы не можем не выплатить страховку.

Денежный оборот не позволяет собрать деньги для очередной выплаты НДС 31 октября 1993 года.

Выручка в баре и на входе вычислена за пять месяцев, при этом наблюдается рост прибыли за счёт поздней работы клуба в сентябре.

Работники налоговой службы теряют терпение. Если бы мы не связались с приставами, то, полагаю, мы бы справились, но сейчас проблема не в этом.

Есть вероятность, что нам удастся не погашать задолженность перед банком каждую неделю, но мы рискуем лишиться их поддержки.

На данный момент я не знаю, получим ли мы Stella Dry и превысит ли НДС 700 фунтов.

У нас также отсутствует резерв для дальнейших платежей PLT (строительная страховая компания).

Входной билет по субботам в сентябре подорожал до 12 фунтов. Относительно вечеров пятницы решение не принято.

Общие расходы были начислены на основе недавних счетов и применён для работы клуба в позднее время в течение сентября.

Мне хочется думать, что это «худший случай», но когда мы просим людей вложить в клуб ещё больше денег, нужно быть готовыми ко всему.

Напоследок скажу, что если бы не внезапное появление приставов, то я бы оценил ситуацию как поправимую к осени, когда у нас начнётся самый загруженный период, а проблема с правами собственности (надеюсь) будет решена. Но сейчас проблема не в этом.

(Автор неизвестен)

***

БАЙКИ ПРО ЧАЕПИТИЯ У БЕЗУМНОГО ШЛЯПНИКА

Выдержка из еженедельного совещания управляющих в

четверг, 23 сентября 1993 года

Хасиенда

Открытие Home никак не повлияло на посещаемость по субботам. По пятницам мероприятия не проводились, но бар был открыт допоздна. На последней вечеринке Flesh Пол Коне раздавал рекламный материал на тему их субботнего мероприятия. Как только об этом стало известно, такую практику прекратили.

Полицейские затребовали план клуба, чтобы проверить пожарные выходы и потенциальные входы. В результате Пол Мейсон пропустил меньше народу, чем в прошлую субботу, опасаясь, что полицейские будут вести съёмку.

Роб Греттон спросил, работает ли исправно металлодетектор. Пол Мейсон ответил, что он либо работает слишком хорошо, либо не работает вовсе. Было решено иногда приставлять к нему охранников, чтобы посетители думали, что он работает, и, таким образом, предотвращать возможные неприятности.

Прочее

Пол Мейсон поспорил с Робом Греттоном, что Манчестер получит право проведения Олимпиады. [Пол Мейсон победил, право получил Сидней.]

Выдержка из еженедельного совещания управляющих в четверг, 30 сентября 1993 года

Другие потенциальные инвесторы

Обсуждалось, кто станет инвестором в случае отказа Whitbread и других пивоваренных компаний.

Был составлен следующий список компаний (порядок не отражает наличие здравого смысла):

Эллиот Рашман/Энди Додд
Messrs Jabez & Clegg
Том Блоксхем
Пит Уотерман
Гарет Хопкинс
Джим Рамсботтом
Ричард Брэнсон
Эд Бикнелл
Куинси Джонс
Кэрол Айнскоэ
Питер Гэбриэл
Крис Блэкуэлл

Тони Уилсона считали лучшей кандидатурой для

переговоров с этими людьми в случае необходимости.

Выдержка из еженедельного совещания управляющих в пятницу, 28 октября 1993 года

Альбом Хасиенды

Энг Мэттьюс сказала, что её друг слышал запись и вознамерился издать её, если мы этим заниматься не собираемся.

Роб Греттон заметил, что дело не в том, что у нас нет заинтересованности. Когда альбом был готов к изданию, у нас было недостаточно средств для финансирования проекта. Он хотел издать запись силами своего лейбла, но был вынужден вложить все свободные деньги в Хасиенду. Помимо этого, все композиции должны были получить лицензию от Polygram. Мы не намерены позволять Polygram вмешиваться в наше издание, поэтому [возможно] мы заключим «одну сделку», и пока эта «сделка» не будет заключена, проект не сдвинется с места.

По поводу финансирования проекта Тони Уилсон сказал, что Вини Рейли получил немного денег и, вероятно, их можно вложить в издание альбома.

Роб Греттон спросил Тони Уилсона, почему деньги нельзя вложить в Хасиенду. Тони Уилсон ответил, что не может предложить это Вини, поскольку это слишком рискованно.

Роб Греттон с удивлением отметил, что он и Питер Хук, сильно рискуя своим благосостоянием, вложили в клуб крупные суммы своих собственных денег.

Решили, что альбом должен выйти на нашем лейбле, но только после того, как будет достигнуто соглашение между Factory и Polygram.

Прочее

Роб Греттон поспорил с Аланом Эразмусом на пять фунтов, что «Манчестер Юнайтед» вылетит с чемпионата Европы.

Выдержка из еженедельного совещания управляющих в четверг, 18 ноября 1993 года

Канун Нового года

Энг Мэттьюс сообщила о возможной проблеме с Роджером Санчесом, поскольку нам, возможно, придётся оплатить перелёт, но мы можем поделить расходы, поскольку он также играет в Hard Times.

Роб Греттон сказал, что его удивляет тот факт, что он играет в тот же вечер в другом клубе. Пол Мейсон сказал, что помимо Тома Уэйнрайта все диджеи, выступавшие в канун Нового года, выступают в других клубах в этот же вечер.

Вечеринка On-U-Sound

Это мероприятие в понедельник было отменено, поскольку были проданы лишь сорок билетов. Единственными затратами клуба стали флаеры, которые оплатил организатор.

Flesh

Тут никакого прогресса, так как Пол Коне был в отъезде. Питер Хук спросил, не кажется ли нам, что Пол Коне может сильно разозлиться и перенести мероприятие в Ноте, но поскольку всё бьшо хорошо организовано, проблем быть не должно. Тем более, согласно договорённости, название остаётся за Хасиендой.

Выдержка из еженедельного совещания управляющих в пятницу, 17 декабря 1993 года

Мероприятия по четвергам

Было решено, что проводимое по четвергам мероприятие не может больше существовать в прежнем виде и в новом году должно быть пересмотрено. Бьшо также решено, что к следующей встрече присутствующие подготовят новые предложения, но и тут возникла дискуссия.

Роб Греттон посетил мероприятие с музыкой транс в Airdri и сказал, что оно прошло крайне успешно, хотя многие открыто курили дурь. В Хасиенде бы это не прокатило.

Энг Мэттьюс и Лерой Ричардсон были на трансовом мероприятии в Heaven и заявили, что там было то же самое.

Роб Греттон поддерживал связь с Trance Europe Express, но до февраля они были недоступны, хотя обращаться к ним для организации нового регулярного трансового мероприятия в новом году было слишком поздно.

Было отмечено, что по четвергам другие клубы арендуют сторонние организаторы.

***

ЦИТАТЫ И ФАКТЫ

Фундаментальная неопределённость:

Компания зависит от доступных средств и постоянной поддержки акционеров в отношении задолженностей. Продолжение финансирования необходимо как для того, чтобы компания была способна выполнить свои обязательства в срок, так и для функционирования без срочной реализации фондов.

Директора полагают, что постоянные средства станут доступными и счета можно привести в надлежащее состояние.

Из сообщения Ernst & Young's 'Fac 51 Limited, выписка из сокращённых счетов на конец года, 30 июня 1993 года

1994–1996. «Альберт — восьмифутовый удав. Возможно, под диваном прячется»

Клубная культура продолжала развиваться. Это было начало новой эпохи транса и диджеев-суперзвёзд. Эпоха Cream, Renaissance и Ministry of Sound. При этом Хасиенда уже имела свою историю и сохраняла былой шарм. В течение примерно трёх лет она была максимально похожа на «нормальный» ночной клуб. Мы работали «по инерции».

Худшими по организации стали вечеринки Jolly Roger в 1994 году. В них принимали участие два диджея, выступавшие как Luvdup. Они договорились с нами о строительстве пиратского корабля в клубе, и это стоило нам целое состояние. При этом мы подписали контракт на шесть выступлений. Мероприятие стало самым убыточным проектом Хасиенды. Всего мы потеряли около 30000 фунтов. Я тогда рассвирепел — всё накрылось медной звездой, посетителей было буквально человек шесть. Эта печальная ситуация стала темой наших еженедельных встреч.

Посещаемость клуба упала. Провальным оказалось не только мероприятие Jolly Roger. На вечеринку Transform (попытка Хасиенды предоставлять площадку для музыки транс) пришли 452 человека, не многие из которых заплатили.

Забавно, но из-за того, что я принимал так много наркотиков, восприятие реальности у меня было сильно искажено. Думаю, что многие из тех, кто был связан с Хасиендой, имели пониженную чувствительность. Мы привыкли к странностям, и безумие воспринималось как норма. Я часами тусовался в солфордском уголке, придерживая пожарную дверь, чтобы не пропустить тех, кто хотел пройти бесплатно. «Охрана! Охрана!» — орал я, а вокруг все смеялись. Это был настоящий галлюциногенный сюр.

Однажды, собираясь на вечеринку, Кормак сказал, что хочет заскочить домой за заначкой. Мы добрались до него, и тут он спросил: «А где Альберт?»

Я, совершенно обдолбанный, сидел на небольшом диване, пока Кормак искал Альберта. Я подумал, что это его ДРУГ.

«Странно, я уже несколько недель его не видел», — заметил он.

Наконец я спросил, кто такой Альберт.

«О, это моя змея. Альберт — восьмифутовый удав. Он, возможно, под диваном прячется».

Я вскочил в ужасе. Мы заглянули под диван — удав и правда был там, в спячке. Я же говорю, что, когда мы были под кайфом, происходили странные вещи.

Ещё более странно, что я в тот год женился, и в следующие восемнадцать месяцев моя нога буквально не переступала порог Хасиенды. Я продолжал посещать встречи руководства, но трезвому они мне нравились не больше, хотя...

Господи, о чём я только думал! Там были мои лучшие годы: новая девчонка каждую ночь, бесконечный кайф, собственный ночной клуб, одно из самых классных мест на планете. И всё это я променял на то, что казалось мне любовью.

Запомните: если эта книга вас чему-нибудь научит, то уясните главное: не открывайте клуб вместе с друзьями. И второе: не женитесь на актрисе.

Поспешишь жениться — раскаешься на досуге, — так говорила моя мама, и, чёрт побери, она была права.

Поначалу всё было неплохо. Разумеется, иначе бы мы не поженились. Но вскоре всё изменилось. Она очень быстро поняла, что хватит с неё клубов, наркоты, бандитов, и завязала. А поскольку я был на ней женат, завязал и я. И не важно, что я владел этим чёртовым клубом. Как-то так. Мне пришлось выбирать между женой и клубом, и я сделал выбор, который казался мне правильным.

Минусом было то, что по семейным обстоятельствам я перестал ходить в клуб и покорно попрощался со всеми своими друзьями. Сумасшедшие вечеринки остались в прошлом, а ночной клуб был заменён юмористическими шоу.

А плюс (по крайней мере один) заключался в том, что я слез с наркоты класса А. Жена ненавидела наркотики и никогда их не принимала. И всегда останавливала меня. Узнав, что я под кайфом, она свирепела и слетала с катушек, а это было ужасное зрелище. Если честно, я слишком боялся не завязать.

Но минус состоял в том, что наркотики я заменил алкоголем, мы оба стали заядлыми пьяницами, и с этим нам обоим пришлось нелегко.

Я так скажу: музыка — пустяки по сравнению с телевидением. Там все жополизы. Я знаю, о чём говорю, поскольку меня там все боялись. Не знаю, почему, но их пугала моя репутация (муа-ха-ха!). Играя в группе, ты можешь слать людей куда подальше денно и нощно и оставаться безнаказанным. Но комики... Им нужно основательно

подлизываться, иначе они могут распрощаться со своей карьерой. В среде юмористов если ты перешёл кому-то дорогу, ты влипнешь по уши и уже не сможешь работать. Я видел, как многообещающие комики навсегда исчезали из поля зрения, сказав не то слово не тому человеку. Ужасный мир, тут нет преданности и верности. Рок-н-ролльная среда — ещё цветочки.

Мы с женой развелись, и начались судебные процедуры. Казалось, им не будет конца, для меня это был очень и очень тяжёлый период. Шумная вышла сцена, когда я влетел в ресторан Билла Уаймена Sticky Fingers, где она была со своим новым бойфрендом, — лучше об этом не рассказывать. Но история имела последствия. Ещё один совет: если вы хотите напасть на владельца клуба, убедитесь, что с ним нет одного из главных охранников. Оказалось, что фотографов предупредили, что назревает скандал, и нас окружили. Но старина Лерой отделал их. Я даже ни до кого дотянуться не смог. Их вышвырнули, а менеджер потом присматривал за мной всякий раз, когда я заходил (на фиг такую известность). Интересно, что подумал Билл? Я считаю, что басисты должны держаться вместе.

Меня окружали друзья, храни их Господь, но когда я вернулся в Хасиенду, там всё изменилось. Стоило отлучиться на восемнадцать месяцев, как всё стало по-другому. Атмосфера была не та, исчезла качающаяся и потеющая масса, поднимавшая вверх руки. И, к сожалению, я снова никого не узнал. В клубе были сплошь новые лица...

Вспышки насилия в «Ганчестере» продолжались. В апреле 1995 года Терри Ферримонд, охранник Хасиенды, был убит из огнестрельного оружия рядом со своим домом в Суинтоне. В то лето случаи применения оружия на драм-н-бэйс-вече-ринках достигли своей кульминации, когда в PSV посетитель стал стрелять из пневматического дробовика. Потолок был так продырявлен, что во время дождя клуб затопило. В следующем месяце три девушки были ранены рикошетными пулями, из-за чего дальнейшие мероприятия были отменены. В июне полиция устроила рейды на клубы Equinox, Cheerleaders и Home. Она искала наркотики, и на это время музыка выключалась. Home по-прежнему страдал от разборок, а после стычки, в которой столкнулись человек сорок из банды Солфорда, одетых в балаклавы, и полицейские, находившиеся на танцевальной площадке, владелец Том Блок-схем в сентябре навсегда закрыл двери клуба. Дела Хасиенды были не намного лучше. Строгие меры безопасности не годились для среднего законопослушного посетителя клубов, да и не похоже было, что они сокращали

случаи насилия. Посещаемость продолжала снижаться, а клуб изо всех сил пытался соответствовать современным музыкальным трендам. Опоздав на поезд музыки транс и упустив драм-н-бэйс, мы не смогли извлечь прибыль и из нового жанра трип-хоп, не подходившего к огромному пространству Хасиенды.

Роб, храни его Господь, сохранял надежду. Он появлялся в Хасиенде почти каждый вечер. Он был оптимистом, для него стакан всегда был наполовину полон, он всегда был уверен, что со следующей недели всё будет по-другому. Роб всё время выдумывал какую-нибудь схему, по которой всё будет работать.

Ему нравился риск. Он был настоящим игроком, верил, что всегда можно отыграться. Хасиенда также была его игрой.

Он обладал неиссякаемым энтузиазмом. Ну, по крайней мере, я так считал. Именно поэтому и соглашался со многими его предложениями. К описываемому моменту на борту тонущего корабля были только мы двое. Тони после закрытия Factory, похоже, потерял интерес. Он был занят возрождением лейбла. Остальные члены New Order уже давно перестали участвовать в делах клуба, а Алан Эразмус был по-прежнему Аланом Эразмусом — загадочным и неуловимым.

Так что оставались только я и Роб. Казалось, на наших плечах лежит будущее Манчестера и Хасиенды.

Прикидывая так и этак, что может помочь клубу, мы снова вернулись к его положительному влиянию на город. Только подумайте: после 1989 года Манчестер был переполнен студентами, мы приносили городскому бюджету миллионы, но благодарности за это не получали. В то время, разумеется, никто не слышал о том, что можно привлечь городской совет или правительство. А сейчас они, например, вкладывают деньги в Manchester International Festival. Но тогда все, кроме балета, были в пролёте.

Но мы всё равно считали, что о наших заслугах (организация досуга, поддержка городской экономики, привлечение туристов) должны узнать. Мы обратились в Манчестерский городской совет, чтобы получить необходимый для ремонтных работ грант. Мы привлекли Бена Келли, на этот раз против воли Тони. Дизайн был утверждён, грант полностью одобрен. Но затем представители совета передумали, и наш грант в 150 000 фунтов был урезан наполовину. К тому времени мы оплатили счета, заказали строительные материалы и даже застроили всё лесами. Вдобавок мы допустили ещё одну ошибку. Наш грант, который, как мы думали, был сокращён со 150 000 фунтов до 75 000, в итоге оказался всего 37 500. Нам дали не половину изначальной

суммы, а лишь четверть.

Угадайте, кто должен был возместить нехватку?

Это ещё не вся беда. Посещаемость также снизилась в два раза. Каждую пятницу и субботу легально мы могли вместить 1600 человек (когда переделали подвал, вместительность возросла), да вдобавок мы ещё проводили тайком целую толпу. Но это продолжалось до того, как помещение застроили лесами.

В итоге посещаемость упала ниже 600 человек и, несмотря на наши усилия, выше уже не поднималась. Либо люди думали, что мы закрываемся, либо наступали слишком большие перемены. Конец эйсид-хауса? Не знаю. На совещаниях мы часами пытались выяснить, что пошло не так.

Решили, что поможет ещё одна встряска. Роб был уверен, что Энг себя исчерпала, поэтому предложил Полу Консу вернуться. На какое-то время это вроде бы сработало, посетителей прибавилось. Но позже мы обнаружили, что он многих впускает бесплатно (по крайней мере, они покупали напитки).

Тем временем Энг, считавшая, что сделала всё возможное, чтобы сократить случаи проявления насилия и не допустить закрытия клуба, была недовольна тем, что Пол её заменил. Она написала заявление об увольнении, но мы отказались его принять.

Больше всех упорствовал Роб: Энг была важным связующим звеном между нами и прошлым клуба. Она работала дольше остальных, и он ценил её знания и опыт. Ему нравилось, что она может точно сказать год выпуска любого показанного ей флаера. В проводимой в баре викторине она была демоном. Сотрудники помладше чёрта с два бы с ней сравнялись.

«Держи себя в руках, — сказал Роб. — Если тебя достало, как насчёт дневной работы? На вечер мы найдём кого-нибудь другого».

Энг перешла на работу в дневную смену, но вскоре ей это надоело. Она хотела большего, и в итоге мы нашли компромисс: она начала работать в Dry, а Лерой вернулся в Хасиенду. Она ненавидела Dry, и вообще не любила бары так, как клубы. Они слишком разные.

Помимо этого в клубе продолжались ремонтные работы. Наружные стены украсили цветные кирпичи, а также сделанные по специальному заказу витражи. Окна высотой в двадцать пять футов были поделены на двенадцать секций. Они стоили 32 000 фунтов и были красивы. Проблема заключалась лишь в том, что видно их было только с заброшенной дороги вдоль канала на задах здания, если задрать голову вверх. Изнутри красоты было не увидеть — они даже не подсвечивались. Кроме того, поскольку

окна были расположены над кухней, их быстро покрыл отвратительный слой жира, полностью их испоганив. Когда здание было продано, я нанял демонтировать эти витражи Питера Бурка, который их устанавливал.

Когда я теперь приходил в клуб, что случалось гораздо реже, чем раньше, я обнаруживал, как сильно он изменился. Мир не стоял на месте.

Когда-то я мог прийти один, зная, что здесь много друзей. С первых секунд я чувствовал себя как дома. Но теперь я перестал ощущать близость с тусующимися, они были чужими. Редко я встречал кого-то знакомого. Энг, Лерой и я стояли в углу, смотрели по сторонам и понимали, что не знаем никого. Мне не хватает того братства. Из-за передозировок, полиции и просто выгорания мы потеряли кучу друзей. Немногие поумнели и наслаждались семейной жизнью, многие другие боялись разборок. Их трудно винить, мы бы тоже свалили, если бы не были владельцами.

То же самое было в Dry. Когда-то мне нравилось чувство единства, но сейчас я общался только со старшими сотрудниками вроде Энди и Аманды, которые работали там годами. Но я всё равно продолжал ходить туда каждый день. Нельзя быть владельцем паба и не ходить в него.

Многие из тех, кто провёл конец восьмидесятых и начало девяностых под кайфом, возвращались на землю. Я вёл себя как урод, важничал, строил из себя главного. Это время прошло.

К счастью, примерно тогда я встретил свою жену Бекки. Нас познакомили мой друг и владелец Brassiere Saint Pierre Фрэнсис и его девушка Виктория. Мы нашли общий язык и с тех пор вместе.

Она несколько раз приходила в Хасиенду, но вместе мы там были редко. Стоило там появиться, как наваливалось столько проблем, что никакого приятного времяпрепровождения не получалось. Она быстро смекнула, что Роб пользуется моим добродушием (или тупостью — как вам больше нравится).

Роб был на нашей свадьбе 5 декабря 1996 года и, напившись, стал водить меня кругами по саду, пытаясь выбить из меня больше денег для клуба, а Бекки, видевшая всю эту картину из окна дома, кричала Энг: «Пустите меня туда, пока он не раздал все деньги!»

Жена начинала действовать. Я знал, что конец близок.

Клуб пытался зарабатывать, но не мог. Финансовое положение было по-прежнему слабым, а цены на недвижимость — низкими, что исключало возможность перезаложить здание. Мы не могли ни взять кредит, ни заработать достаточно, чтобы выплатить долги.

Мы превысили все лимиты. Не самое лучшее положение. В последние два года я спонсировал Хасиенду, и, поскольку Роб был на мели (у него тоже были проблемы с налогами, все деньги он вложил в клуб), это стоило мне 7000 в месяц. Он продолжал зудеть: «Если бы New Order поехали в тур...») но я был единственным, кто хотя бы допускал такую возможность.

Примерно тогда же бухгалтер задал мне каверзный вопрос: «Зачем тебе Хасиенда — для денег или для самолюбия?»

Это стало последней каплей. Я подумал и понял, что клуб был нужен моему самолюбию. Мне нравились возможности, которые он давал. Думаю, всякому бы это понравилось, но со дня открытия клуб так и не принёс прибыли. Ад это был или рай, но это было моё собственное место.

Мы всё глубже погрязали в долгах. Ещё оставались преданные клубу посетители, но гораздо больше было тех, кто исчез из-за его репутации. Культура поменялась, люди стали предпочитать клубам бары. В них не было входной платы, и они имели те лицензии на позднюю работу, за которые мы боролись.

Всё, что отличало Хасиенду от других заведений, осталось в прошлом, погребённое годами насилия и разборок.

***

РАСПИСАНИЕ МЕРОПРИЯТИЙ ХАСИЕНДЫ ЗА 1994 ГОД

Январь

7 января, пятница: A Man Called Adam (присутствовало 600 человек)

8 января, суббота: (присутствовало 797 человек)

14 января, пятница: Деррик Мэй (присутствовало 1145 человек; 44 билета продано в Dry)

15 января, суббота: ROB'S FORTY-FIRST BIRTHDAY PARTY Prime Time DJs — Andy Robinson & Nadine Andrews

21 января, пятница: (присутствовало 977 человек; 29 билетов продано в Dry)

22 января, суббота: (присутствовало 1576 человек; 71 билет продан в Dry)

26 января, среда: FLESH (присутствовало 1277 человек)

28 января, пятница: Кевин Сондерсон (присутствовало 857 человек; 24 билета продано в Dry)

29 января, суббота: (присутствовало 1633 человека; 112 билетов продано в Dry)

Февраль

4 февраля, пятница: NORTHERN EXPOSURE Sasha, Джон Дигвид (присутствовало 1794 человека)

5 февраля, суббота: (присутствовало 1458 человек; 138 билетов продано в Dry)

11 февраля, пятница: INDIA (присутствовало 620 человек)

12 февраля, суббота: (присутствовало 1404 человека; 147 билетов продано в Dry)

14 февраля, понедельник: PASSION (частная вечеринка) (присутствовало 1170 человек)

16 февраля, среда: TRANSFORM (присутствовало 452 человека)

18 февраля, пятница: Daniele Davoli; DJ Power (присутствовало 801 человек)

19 февраля, суббота: (присутствовало 1636 человек; 163 билета продано в Dry)

Март

2 марта, среда: LUVDUP PRESENTS JOLLY ROGERING AT THE HAgiENDA Adrian & Mark; Terry Farley & Pete Heller; Those Salty Sea Dogs; Moonboots; МакКриди; 6 Golden Nuggets («безумное веселье»)

4 марта, пятница: Роберт Оуэнс; Аллистер Уайтхед; Тим Леннокс

11 марта, пятница: CREAMY SHINE! Дэйв Симан; Пол Блисдейл; Джеймс Бартон; Аллистер Уайтхед; Тим Леннокс

18 марта, пятница: CHICAGO SHINE! Farley «Jackmaster' Funk; Felix Da Housecat; Аллистер Уайтхед; Тим Леннокс

24 марта, четверг: FOUNDATION

25 марта, пятница: Деррик Мэй; Аллистер Уайтхед; Тим Леннокс

Май

10 мая, вторник: ЧАСТНАЯ ВЕЧЕРИНКА

11 мая, среда: ЧАСТНАЯ ВЕЧЕРИНКА

18 мая, среда: TRANSFORM

20 мая, пятница: THE TWELFTH BIRTHDAY PARTY, PART I Sasha

20 мая, пятница: Джон Дигвид; Sasha. **Сет-лист (Джон Дигвид):** Nush — «U Girls», Hed Boys — «Girls + Boys», Rebound — «Make It Funky», Memphisto — «State of Mind», Bump — «House Stompin" (Ramp Stompin' Mix), E-Lustrious — «In Your Dance' (Bivouac Mix), Praxis feat. Kathy Brown — Turn Me Out' (Delormes UK Club Mix), Anna Din — «Angel», Taiko — «Echo Drop' (Original Hard Mix), Ascension — «Move to the Music», Sound of One — «As I

Am», Positive Science — «Soul Feel Free», Liberty City — «If You Really Love Someone' (Original Mix) Set-list (Sasha): Sasha — «Higher Ground' (Brothers in Rhythm Mix), Paz Pooba — «Hold Me Tight», Sandee — «Notice Me' (Afro Morning Mix), SLP — «Supernova' (Trance Mix), Underworld — «Dark & Long», Funtopia feat. Jimi Polo — «Do You Wanna Know», Asli Tanriverdi — «Eastern Lover», Jody Watley — «Ecstasy' (Morales Nocturnal Mix), Techno Bert — «Neue Dimensioned, F Machine — «Lost in America», Jump — «No Rich Fat Daddy", Fly Baby — «Fiesta' (Way Out West Mix)

21 мая, суббота: THE TWELFTH BIRTHDAY PARTY, PART II Джо Робертс

30 мая, понедельник: BANK HOLIDAY SPECIAL DJ Pierre

Июнь

1 июня, среда: JOLLY ROGER Джон Дейзилва
2 июня, четверг: The Charlatans
3 июня, пятница: SHINE! Ce Ce Rogers
7 июня, вторник: AMBIDEXTROUS
10 июня, пятница: IBIZA SHINE! Alex P; Пол Хадсон
14 июня, вторник: AMBIDEXTROUS
15 июня, среда: TRANSFORM Pollen
17 июня, пятница: SHINE! Angel
21 июня, вторник: AMBIDEXTROUS Cygnus Loop
22 июня, среда: Graham
23 июня, четверг: Fred the Cellar Man
24 июня, пятница: SHINE!
28 июня, вторник: AMBIDEXTROUS
29 июня, среда: FLESH
30 июня, четверг: HOTTER

Июль

1 июля, пятница: SHINE
2 июля, суббота: Пол Хадсон
4 июля, понедельник: STUDENT NIGHT
5 июля, вторник: AMBIDEXTROUS The Grind
7 июля, четверг: Карлин Андерсон; Corduroy; Freak Power
8 июля, пятница: SHINE! Cream; Джон Деизилва
12 июля, вторник: AMBIDEXTROUS
14 июля, четверг: COCKTAIL BAR PARTY
15 июля, пятница: SHINE! Маршалл Джефферсон
19 июля, вторник: AMBIDEXTROUS Strange Brew (спонсор — Robs Records)
21 июля, четверг: TRANSFORM Ричи Хотин
22 июля, пятница: SHINE!

23 июля, суббота: LOVE 2 INFINITY Пол Хадсон
25 июля, понедельник: COCKTAIL BAR PARTY
26 июля, вторник: AMBIDEXTROUS
27 июля, среда: FLESH
28 июля, четверг: HOTTER
29 июля, пятница: SHINE!

Август

2 августа, вторник: AMBIDEXTROUS
5 августа, пятница: SHINE!
9 августа, вторник: AMBIDEXTROUS
12 августа, пятница: SHINE! Paul «Trouble' Anderson
16 августа, вторник: AMBIDEXTROUS
18 августа, четверг: TRANSFORM
19 августа, пятница: SHINE!
23 августа, вторник: AMBIDEXTROUS
25 августа, четверг: HAÇIENDA CLASSICS: THE LAST FROM THE PAST Джон Дейзилва; Джон Мак-Криди
26 августа, пятница: SHINE!
28 августа, воскресенье: FLESH
29 августа, понедельник: SHINE! BANK HOLIDAY Майкл Уотфорд; DJ Disciple
30 августа, вторник: AMBIDEXTROUS

Сентябрь

2 сентября, пятница: SHINE!
5 сентября, понедельник: Oasis; The Creation
9 сентября, пятница: SHINE!
16 сентября, пятница: SHINE!
18 сентября, суббота: IN THE CITY (продолжение музыкальной конвенции)
19 сентября, понедельник: IN THE CITY (продолжение музыкальной конвенции)
20 сентября, вторник: IN THE CITY (продолжение музыкальной конвенции)
21 сентября, среда: IN THE CITY (продолжение музыкальной конвенции)
22 сентября, четверг: MC Teabag; Punishment Farm
23 сентября, пятница: SHINE! Кении Карпентер
28 сентября, среда: FLESH
29 сентября, четверг: POLLEN
30 сентября, пятница: SHINE!

Декабрь

17 декабря, суббота: Sasha. **Сет-лист:** Duke — «So in Love With You» (Pizzaman 5 a.m. Dub), Sharon Nelson — «Down that Road», Sade — «Pearls' (Remix), Prince — «Most Beautiful Girl in the World' (Marvin & Hornbostel Remix), BT — «Nocturnal Transmission», SLP — «Supernova' (Aquarius Mix), Buzzin' Cuzzins & Roman-thony — «Let Me Show You Love' (Bad Yard Club Mix), Histerya — «Love Nation' (Joy & Kaya Remix), Tenth Chapter — «Prologue' (Atlas 1st Addition Mix)

***

РАСПИСАНИЕ МЕРОПРИЯТИЙ ХАСИЕНДЫ ЗА 1995 ГОД
Февраль
5 февраля, понедельник: Hopper; Flinch

Июнь
20 июня, вторник: Raymond & Martha (игровое шоу: «по страницам романов о серийных убийцах»[10]) Пит Робинсон; Дэйв Роуф

Июль
1 июля, суббота: Грэм Парк
4 июля, вторник: Str8-Up
8 июля, суббота: Грэм Парк
15 июля, суббота: Грэм Парк
18 июля, вторник: Leaky Fresh; Semtex; Хьюэн Кларк
21 июля, пятница: SUNSHINE! Тодд Терри; Джон Дейзилва
24 июля, понедельник: FACTORY TOO SHOWCASE East West Coast; The Orch; Italian Love Party; K-Track
28 июля, пятница: SUNSHINE! Farley'Jackmaster' Funk; Барбара Такер
31 июля, понедельник: Том Уэйнрайт; Бобби Лэнгли (а также Carry On Down the Canal: водная прогулка)

Август
4 августа, пятница: Digit; Max Mistry
11 августа, пятница: SUNSHINE! Дэйв Симан
17 августа, четверг: DOMINA Andrew Weatherall; Мэтт Томпсон; Пит Робинсон
25 августа, пятница: SUNSHINE! Виктор Симонелли; CeCe Rogers
28 августа, понедельник: HAÇIENDA CLASSICS Джон Дейзилва; Nipper & Roy Baxter; Guru Josh

Сентябрь

1 сентября, пятница: ULTIMATUM RECORDS RELEASE PARTY Карл Кокс; Лоран Гарнье; Эрик Пауэлл; Daz Sound; Trevor Rockcliffe

3 сентября, воскресенье: DODGY: The National Band Register Throws a Chocolate Grenade' Arch Stanton; FTV; J. Fisher; Defacto; The Colour Wheel; The Free Agents

4 сентября, понедельник: THE IMMORTAL SHOWCASE: 5th Man Manchester Records Launch Party Toni DiBart; Love to Infinity; Sam Mollinson; Up Yer Ronson; New Industries; Gabrielle's Wish; Bad Man Wagon; Kill Laura; Pete Mitchell

5 сентября, вторник: Дэнни Рэмплинг; Грэм Парк; Дэйв Кларк; Ник Уоррен; Джеймс Лавель; Пол Блисдейл; Крис Нидс; Richard Fearless; Джеймс Бартон

8 сентября, пятница: DIGIT DJ Buck; Ra Soul; Max Mistry; Neon Leon

9 сентября, суббота: Бобби Лэнгли

14 сентября, четверг: Jean Daniel; Эрик Пауэлл

Октябрь

11 октября, среда: Marion; Northern Uproar; Gabrielle's Wish; Hopper; Disobey; Крис Картер; Gilbertpossstenger

29 октября, воскресенье: The Durutti Column. **Сет-лист:** «Collette», *What is it to Me (Woman)», The Next Time», "War Torn», Tangled», «Jacqueline», «Otis», «Organ Donor», «Guitar for Mother», The Missing Boy", "The Beggar'

***

РАСПИСАНИЕ МЕРОПРИЯТИЙ ХАСИЕНДЫ ЗА 1996 ГОД

Февраль

6 февраля, вторник: Gabrielle's Wish

Апрель

6 апреля, суббота: Armand van Helden

26 апреля, пятница: Manic Street Preachers

Май

20 мая, понедельник: Dub Syndicate; Freedom Masses; Joey J; DJ Manners

21 мая, вторник: Marion

30 мая, четверг: The Fall; Gabrielle's Wish

Июнь
30 июня, воскресенье: Gabrielle's Wish

Июль
5 июля, пятница: PLEASURE Стив Кобби
12 июля, пятница: PLEASURE DJ Krust
19 июля, пятница: PLEASURE Richard Moonboots
26 июля, пятница: PLEASURE Hidden Agenda
30 июля, вторник: Gabrielle's Wish

Сентябрь
25 сентября, среда: A Certain Ratio

Ноябрь
5 ноября, вторник: Gabrielle's Wish
13 ноября, среда: FEVER Sister Sledge; Джон МакКриди
18 ноября, понедельник: Jesus Loves You; Джастин Робертсон
20 ноября, среда: PLEASURE CHRISTMAS PARTY DJ Gusto; Nelson & McKinney; Пит Робинсон; DJ Rofe; Jay Brown

Декабрь
31 декабря, вторник: Бобби Лэнгли

***

ЕЩЁ БОЛЬШЕ БАЕК ПРО ЧАЕПИТИЯ У БЕЗУМНОГО ШЛЯПНИКА

Выдержка из еженедельного совещания управляющих в ROUND HOUSE в четверг, 6 января 1994 года

Новые мероприятия

Пол Мейсон и Анджела Мэттьюс составили календарь мероприятий, намеченных на первые два месяца 1994 года.

Кроме двух частных вечеринок в коктейль-баре, особых мероприятий на январь запланировано не было, и Крис Смит выразил своё разочарование по этому поводу, поскольку на прошлой встрече было установлено, что для гарантированной уплаты НДС в конце января нам необходимо организовывать как можно больше мероприятий.

Пол Мейсон объяснил, что для организации мероприятия на должном уровне требуется три недели, а из-за рождественских каникул организовать что-либо своевременно на январь было невозможно. Надеемся, что джазовый концерт SJM 27 января

состоится.

На февраль были запланированы три новых мероприятия по средам. Также намечается первая ретро-вечеринка и первая вечеринка музыки транс Jolly Roger от Luvdup.

Энг Мэттьюс и Пол Мейсон позже уточнили все детали по Luvdup.

Выдержка из еженедельного совещания управляющих в ROUND HOUSE в четверг, 13 января 1994 года

Новые мероприятия

Первый концерт Jolly Roger по техническим причинам был отложен до первой недели марта.

Ни одного подходящего диджея для проведения первой вечеринки Retro не нашлось. Обсуждалось, кто мог бы подойти, но никто ничего не придумал. Поступило предложение попросить диджея записать программу и поручить кому-нибудь ставить записи, но, как выяснилось, ни один диджей не мог это сделать.

Трансовое мероприятие по-прежнему намечалось на 16 февраля. Роб Греттон запросил для него лицензию на работу в позднее время.

Выдержка из еженедельного совещания управляющих в ROUND HOUSE в четверг, 27 января 1994 года

Транс-вечеринка

Энг Мэттьюс подготовила план бюджета по этому мероприятию. Было решено, что входной билет должен стоить 5 фунтов при покупке заранее и 6 фунтов в день вечеринки. Утвердили название — TRANSFORM.

Jolly Roger

Ежемесячное мероприятие Jolly Roger от Luvdup по-прежнему откладывалось, планы связать их с Dry оставались в силе.

Выдержка из еженедельного совещания управляющих в ROUND HOUSE в четверг, 10 февраля 1994 года

Transform

Были проблемы с подготовкой к первой вечеринке Transform. Название и даты на флаерах были напечатаны неверно, а в Airdri в тот же вечер проходила очередная Herbal Tea Party, в которой участвовал Чарли Холл из Drum Club DJing.

Пол Мейсон предложил отложить первую вечеринку до марта, опасаясь, что её возможный провал негативно отразится на нашей репутации. Роб Греттон был твёрдо уверен в том, что мы должны провести это мероприятие и на определённом этапе быть

готовыми к конкуренции. С марта у нас складывался очень сильный состав от Trance Europe Express.

Мероприятие решено было провести.

Улучшение подвала

Встреча с архитектором была запланирована на пятницу, 11 февраля. Присутствующие высказали идеи относительно будущей встречи. Тони Уилсон попросил записать, что мы сделаем ошибку, если не привлечём Бена Келли. Последовала долгая дискуссия по поводу бюджета и склонности Бена Келли его превышать, после чего Тони Уилсон попросил записать, что другую ошибку мы сделаем, если привлечём Бена Келли.

Выдержка из еженедельного совещания управляющих в ROUND HOUSE в четверг, 17 февраля 1994 года

Transform

При том что вечеринка не стала успешной в коммерческом отношении, посетившие говорили, что атмосфера была приятной, клуб выглядел потрясающе и не было проблем с наркотиками.

Пришло около 450 человек, почти все бесплатно, но на Herbal Tea Party при этом было около трёхсот человек. Их представители связались с нами и попросили следить, чтобы в будущем таких совпадений не случалось. Trance Europe Express в марте был отменён, но Энг Мэттьюс считала, что при помощи Джастина Робертсо-на в качестве резидента можно пригласить диджеев и проекты Andy Weatherall и Aphex Twin и это стало бы успешным сочетанием для ежемесячных мероприятий.

Выдержка из еженедельного совещания управляющих в ROUND HOUSE в четверг, 24 февраля 1994 года

Концерты и фэшн-шоу

Роб Греттон считал, что используется не весь потенциал клуба как концертной площадки. Два наших основных конкурента, Ноте и Paradise Factory, не могли устраивать шоу, и, по его мнению, мы были идеальным местом для многолюдных мероприятий, находящихся по масштабу между Academy и Boardwalk. При этом он признавал, что есть проблемы с размером сцены и освещением.

Пол Мейсон заявил, что он всё время пытался провести концерты, но не было возможности организовать их в пятницу или субботу. Из-за этого нам не удалось провести выступление Incognito.

Выдержка из еженедельного совещания управляющих в

ROUND HOUSE в четверг, 3 марта 1994 года

Jolly Roger

На первую вечеринку пришло лишь 190 человек.

Flesh

По общему ощущению вечеринка исчерпала себя, а Пол Конс, который прекрасно это осознавал, уже не вкладывал в неё столько, как раньше, и это создавало порочный круг. Тони Уилсон предложил, что если причина в этом, то мы должны сами организовать мероприятие, но все считали, что у нас не выйдет.

Решили устроить встречу с Полом Консом и обсудить дальнейшие действия.

Выдержка из еженедельного совещания управляющих в round house в четверг, 10 марта 1994 года

Jolly Roger

По мнению Тони Уилсона, одна из самых больших проблем состояла в том, что на первой вечеринке не было точно известно про участие Luvdup, при этом оформление и реклама на апрель уже были сделаны.

Пол Мейсон сказал, что нам нужно арендовать грузовик и демонстративно проехаться по городу с чёртовым пиратом в кузове, и всё время это откладывал.

Было решено распространить тысячу бесплатных билетов, что было частью соглашения с Luvdup.

Выдержка из еженедельного совещания управляющих в ROUND HOUSE в четверг, 24 марта 1994 года

Transform

Энг Мэттьюс подготовила план расходов на апрельское мероприятие Transform. Решили, что диджеев (Alex Patterson, David Holmes и Fabio Paras) больше, чем нужно, поэтому одного из них необходимо вычеркнуть из программы. Постановили также, что слишком много ресурсов уходит на охрану и необходимо по возможности сократить одного охранника и одного наблюдающего.

Classics 88

Пол Мейсон спросил, можем ли мы потратить 750 фунтов на декорации для мероприятия и, что важнее, купить новый бассейн. Его попросили подождать окончания выходных, чтобы стало ясно, можем ли мы себе это позволить.

Выдержка из совещания руководителей ХАсиенды и DRY

в апреле 1994 года

Дела Хасиенды

Classics 89 — продано 196 билетов. Тысяча фунтов за июнь, июль и август.

Счета будут готовы в следующий четверг.

Подтверждены данные о мошенниках.

Oasis могут перебраться в Хасиенду из University. Энг Мэттьюс следует держать руку на пульсе. [Мероприятие прошло по плану. В июне Oasis играли в University, а в сентябре в Хасиенде.]

Тони Уилсон объяснил Энг Мэттьюс, как пользоваться CD ROM.

Роб Греттон назначил Тони Уилсона ответственным за CD ROM Хасиенды.

Билеты на концерты в рамках тура Ministry of Sound продались плохо. Цена на входе по-прежнему составляла 8 фунтов, для учащихся — 6 фунтов.

Выдержка из короткого еженедельного совещания управляющих в ROUND HOUSE в четверг, 24 марта 1994 года

Энг Мэттьюс сообщила, что, по мнению охранников, слишком много человек не пропустили на Flesh по причине их традиционной ориентации.

Роб Греттон поспорил с Питером Хуком и ещё одним сотрудником на двадцать фунтов, утверждая, что в пятницу придёт более пятисот человек.

Была предпринята последняя попытка организовать в июне Jolly Roger.

Было решено, что сейчас не лучшее время для покупки компьютера в Dry.

Из ежемесячной газеты Хасиенды за 1995 год

В 1995 году Хасиендой управляли:

Роб Греттон, финансовый директор

Пол Мейсон, директор-распорядитель

Энг Мэттьюс, главный управляющий

Энди Кинг, модный бухгалтер

Джон Рейд a.k.a. Fred, поддержание технического состояния

Антон Разак [так!], заместитель управляющего (Mr Lover Lover) Йон Дрейп, производство, светский лев Энди Джексон, королева пиара PC, художественный руководитель Мэл Даймотт, офис-менеджер, мерчендайз Бобби Лэнгли, диджей, туры Литтл Джон, связь с общественностью Гэвин Ричардсон, Cellar Dweller

Стивен Пейдж, освещение, организационные вопросы в турах,

кроссворд *Guardian* Томас Пайпер, звук Катрина Билл, кассир Джон Новински, поддержание технического состояния, покраска

1997. «Калькулятор сильнее оружия»

В июне 1997 года последовала ещё одна неудача. Нужно было обновить лицензию, и лицензионная комиссия решила взглянуть на печально известную Хасиенду и определить, стоит ли она того. Семь представителей комиссии приехали на микроавтобусе, их встречали с распростёртыми объятиями Роб и Лерой. Но, к сожалению, как раз в этот момент заявились четверо солфордских парней, которых перед тем вышвырнули из клуба. Они въехали прямо на тротуар, высунулись из машины и треснули охранника баллонным ключом, раскроив ему голову. Его кровь с ног до головы обрызгала представителей комиссии.

Скажем так: получению лицензии это не помогло.

«За этим последовало ещё одно распоряжение о закрытии от самого-самого главного отделения полиции Манчестера, — писал Тони Уилсон в „Круглосуточных тусовщиках“. От этого [нас] не мог спасти даже Джордж Карман».

Постепенно всё становилось хуже и хуже. Мы были должны Whitbread огромную сумму, и за неуплату они перестали поставлять нам пиво. Однажды в субботу мы закрыли двери клуба. Мы ещё не знали, что это последнее мероприятие в Хасиенде. Не было ни прощальной вечеринки, ни сообщения. Мы просто закрылись.

Спустя пару дней Роб организовал встречу потенциальных инвесторов — каких только мог собрать. Их пригласил специалист по финансовому планированию New Order. На встрече присутствовали крупные инвесторы, в том числе примерно восемь самых богатых людей города. Они из вежливости выслушали нас, и было очевидно, что им нравится атмосфера этого места, его история, его рок-н-ролльная суть. Но они были бизнесменами, а рок-н-ролл не приносит прибыль. Никто из них не инвестировал в клуб.

Роб был в отчаянии. Когда Пол Коне предложил ему свои деньги, он увидел в этом выход. Закрытие Хасиенды было очень невыгодно Полу: охранники теряли тысячи фунтов каждую неделю, пока клуб не работал.

Пол мог одолжить Робу деньги, чтобы рассчитаться с Whitbread и погасить другие важные долги, составлявшие приблизительно 40 000 фунтов.

Роб и Энг встретились за пределами клуба, куда он принёс наличность в большом мешке (Энг просунула в него голову,

недоверчиво разглядывая эту кучу). Роб тут же пошёл в банк и договорился со служащим, что положит деньги на счёт и потратит их на то, чтобы открыть клуб, без учёта нашей задолженности перед банком. По идее это была сумма залога, необходимая для открытия клуба. Но руководство банка испугалось закрытия клуба и незаконно забрало деньги в счёт уплаты долга. Наш лимит по кредиту сразу же был урезан.

У Роба были необходимые средства, и он все их потерял. В тот же день. Для нас это даже не было началом с чистого листа, мы ещё глубже увязли в проблемах, так как внезапно оказались должны кредиторам, пивоваренным компаниям и долбаным бандитам... Мы не могли заново открыть клуб.

Пол был в ярости. Роб сказал ему: «Я не могу снова открыть клуб. Деньги забрали».

Пол, естественно, потребовал: «Верни мне мои деньги».

«У меня их сейчас нет. Их забрали».

Тогда Робу было предложено несколько вариантов, ни один из которых невозможно воспроизвести в книге для семейного чтения.

Роб позвонил мне и рассказал, что произошло.

«Господи Иисусе!» — только и мог я ответить.

В итоге я выдал ему наличные деньги, чтобы он смог вернуть их Полу. Забавно, поскольку Пол уже позвонил мне и сообщил, какая Роб скотина, как он в нём разочарован и т. д. Он посоветовал мне не давать ему денег, чтобы проучить.

Ну, по крайней мере, с этим было покончено.

В то же время у нас были проблемы с Companies House.

Мы три года не оплачивали счета, по которым каждый месяц копились пени. Companies House грозились ликвидировать Хасиенду и Dry, если мы немедленно не выполним обязательства.

Всего-то и нужно было, чтобы наши бухгалтера привели дела в порядок и всё уладили. Они выбрали подходящий момент, чтобы сообщить, что хотят сперва получить 10000 фунтов, чтобы выполнить работу. Мерзавцы. Они знали, что мы сворачиваемся, ведь они видели счета.

Это была крошечная сумма по сравнению с тем, что мы платили им все эти годы. Они получили сотни тысяч фунтов от Хасиенды, New Order, Joy Division и Factory, но всё же решили вырвать у нас эти десять тысяч. Спасибо вам, мистер Эрнст и мистер Янг.

Ситуация была безнадёжной. Клуб был закрыт, а мы не могли выплатить долги и открыть его снова. Companies House собирались обанкротить нас.

Нужно было либо прыгать, либо падать. Мы решили

прыгнуть.

Мы согласились на добровольное управление, иными словами, добровольное банкротство.

Ликвидатор говорил, что всё будет легко, что мы сможем открыть клуб под другой торговой маркой и начать заново, а аренда вновь перейдёт к владельцам здания, то есть к нам. Пожалуйста, никогда не верьте ни единому слову ликвидаторов.

Я считал, что это плохая идея, и думал, что нужно завязывать. Но Роб, как обычно, хотел продолжать, чувство долга его не покидало. Он думал, что мы сможем снова открыться, избавиться от долгов и заработать денег, чтобы выплатить их кредиторам.

Я по-прежнему любил клуб, но мне надоело выбрасывать деньги в «яму под названием Хасиенда» (как говорил Мартин Хэннет) без малейшего шанса увидеть их снова.

И я всё ещё платил арендную плату за клуб, чтобы не потерять здание — 7000 фунтов в месяц. А работы тогда вообще не бьшо: New Order взяли перерыв. Всё валилось из рук. Я находился на грани банкротства.

Бухгалтер говорил, что решить вопрос невозможно, вариантов просто нет.

В итоге не банды, не драки и не наркотики погубили Хасиенду. Сделали это те, кто складывает цифры, — они постарались больше всех. Так и получается: калькулятор сильнее оружия.

Как бы ни щемило сердце, но я решил уйти. Мы с Робом поговорили по телефону.

«Закрывай уже это дерьмо, — сказал я ему. — Сил моих нет. Достало. Больше я своих денег не вложу. Всё зашло слишком далеко, и перспектив тут нет».

Он был сильно разочарован. «Иуда! Ты предал меня! — орал он громко. — Ты меня просто кинул!»

Дальше было ещё тяжелее, особенно во время встреч, где обсуждалась продажа здания. Мы схлёстывались много раз, но, думаю, он хотел поговорить со мной, так как всё ещё был менеджером New Order / Joy Division. От нас зависело его благосостояние, нравилось ему это или нет.

Для многих последнее «настоящее» мероприятие в Хасиенде произошло в пятнадцатый день рождения клуба, 15 мая. Клуб был забит до отказа, было трудно передвигаться. Более двух с половиной тысяч посетителей пришли послушать Sasha и Дигвида, игравших в главном зале, и Джона Дейзилву и Лорана Гранье, игравших внизу.

С этого концерта началась работа над долгожданной компиляцией на трёх дисках. Она была выпущена с помощью Deconstruction и смикширована Дэйвом Роуфом, Джоном Дейзилвой и Питом Робинсоном. Диск был качественно и красиво оформлен, но стоил заоблачно (цена в 27 фунтов отталкивала большую часть покупателей, зато сейчас этот диск — мечта коллекционеров).

Релиз состоялся 26 мая и назывался «Viva Haçienda!». Чудовищная ирония.

Всего лишь месяц спустя клуб был закрыт навсегда.

Естественно, мы слишком сильно идеализировали положение дел. Мы не хотели, чтобы Хасиенда была бизнесом, мы хотели иметь площадку для себя и друзей. Чтобы управлять клубом как бизнесом, нужен совершенно другой подход к делу, особенно если вы собираетесь преуспеть. Мы не могли заставить себя мешать сотрудникам отлично проводить время. Мы хотели, чтобы все веселились с нами, поэтому относились к работе как к большой вечеринке. Лучшей во всём Манчестере.

Последнее мероприятие в Хасиенде состоялось 28 июня 1997 года. Выступал диджей Дэйв Хаслам, который даже не подозревал, что это выступление последнее. Клуб был заполнен до отказа, и в кои-то веки не было потасовок.

Помню, как после закрытия один из бандитов остановил меня на Маркет-стрит в Манчестере, чтобы выразить свою скорбь: «Блин, чувак, нам и сходить-то теперь некуда. Манчестер скатывается».

Вот это прикол. На языке вертелось: «Да из-за таких уродов, как вы, клуб и закрылся». Произнести это вслух я, естественно, не мог. Да и в любом случае это было не совсем так.

Когда Хасиенда закрылась, прописавшиеся тут ребята из Солфорда вышли и устроили беспредел во всех других клубах города. Они ломились прямо сквозь охранников и делали своё дело.

Отчасти я был рад, если честно, поскольку до сих пор только мы имели с ними дело, в то время как остальные клубы Манчестера находились в безопасности. Никто не выразил нам благодарности за это. Теперь, когда банды стали ураганить в городе, руководство других клубов навалило полные штаны.

Через какое-то время всё успокоилось, поскольку лишь Хасиенда имела свой шарм. Кроме того, подобно эпидемии распространилось употребление кокаина. Многие бандиты теперь

предпочитали оставаться дома и ловить кайф. В этом разница между кокаином и экстази: под кокаином вам не хочется музыки, а хочется сидеть дома и молоть всякую хрень.

Сотрудники не верили, что мы обанкротились. Некоторые были невероятно преданны. В нашем клубе текучка кадров была относительно низкой не из-за хороших зарплат, а потому, что сотрудникам нравился дух Хасиенды и Factory, нравились Роб и Тони. В закрытое здание никто не мог войти, поэтому все собрались в Dry и сидели там потрясённые.

Насколько я помню, Dry мы продали Hale Leisure в октябре. Энг передала мне ключи и разрыдалась. Я спросил её, что не так.

«А ты сам как думаешь? Всё кончено, нам конец».

Потом обнаружилось, что Антон был нанят в Hale Leisure управляющим. Сам он был немало этим смущён, хотя никто не возражал. На самом деле многие остались работать. Думаю, что они были в шоке от того, что новые владельцы обращаются с ними как с подчинёнными, а не как с друзьями. Они всё время звонили Энг и жаловались, что им не разрешают выпивать больше одного стакана апельсинового сока за смену. Работая у нас, они привыкли выходить из себя по пустякам.

Hale Leisure наконец справились с проблемой натирания медных перил: они покрасили их в чёрный цвет. Почему мы до этого не додумались? Потому что это выглядело дерьмово, вот почему.

Даже когда Хасиенда закрылась, требовалось устранить недоработки. За проданное имущество мы получили 1,2 миллиона фунтов минус издержки, а покупали в 1992 году за 1,2 миллиона плюс издержки. Продавать его пришлось во время спада на рынке недвижимости. Два года спустя здание было перепродано за пять миллионов, а затем ещё раз вдвое дороже компании, перестроившей его в апартаменты.

Продажа здания позволила выплатить краткосрочную ссуду, портившую нам жизнь с самого дня его покупки. Роб также выплатил долг директорам.

В итоге мы с друзьями взяли из Хасиенды всё, что смогли. Роб забрал лишь знак «FAC 51» рядом с входной дверью.

Я взял шестифутовый зеркальный шар, двери, коврики, барные стойки, перила, столбы и тарелку у входной двери, мимо которой все проходили (и под которой я нашёл записи с камер наблюдения от вечеринки Нового 1995 года с New Order: у нас в ту ночь были неприятности с полицией, и охранники, должно быть, спрятали их там, где полицейские не могли найти. Я собираюсь издать их на DVD).

У меня было чувство утраты чего-то ценного. Реально, чёрт

возьми, ценного. Я хотел сберечь всё, что мог. Не знаю, что бы я делал с танцплощадкой, но, к счастью, нанятые Тони строители вынесли её (а потом выбросили).

Под сценой было закрытое помещение, которое использовалось как хранилище для вещей Factory, а позже для пивных бочек. Бочки помещались на платформу, и, чтобы создать нужную высоту, кто-то подсунул под неё кассету.

Я достал её. Это была одна из мастер-копий первого альбома Joy Division «Unknown Pleasures», покрытая засохшим пивом, потом и конденсатом.

Я улыбнулся. Лучшей метафоры для Хасиенды не придумать.

Всё держалось на Joy Division.

***

РАСПИСАНИЕ МЕРОПРИЯТИЙ ЗА 1997 ГОД

Март

4 марта, вторник: Gabrielle's Wish

5 марта, среда: Gabrielle's Wish; High Society

18 марта, вторник: Hopper

Июнь

24 июня, вторник: Дэйв Хаслам

28 июня, суббота: Дэйв Хаслам

***

С МОЛОТКА

Аукцион Хасиенды состоялся в Richard Conrad Building в Манчестере в субботу, 25 ноября 1997 года. Был создан официальный сайт www.hacauction.com, на котором были выставлены на продажу артефакты, имеющие отношение к истории клуба. Вырученные деньги шли на благотворительность в пользу несовершеннолетних. Ниже приведён полный список лотов.

Одна диджейская кабинка.

Восемь центральных железных колонн (RSJ) яркой полосатой раскраски.

Десять фрагментов танцевальной площадки (по одному квадратному метру), почищенные, ошкуренные, покрытые лаком и установленные на 18-мм деревянной подставке.

Пять фрагментов сцены, почищенные и установленные на 18-

мм деревянной подставке.

Одна примерочная кабинка.

Одна кабинка звукооператора и световика.

Бар Kim Philby.

Бар Can на первом этаже.

Один набор стульев для банкетов.

Одна «сломанная» арка (висела перед лестницей, ведущей в бар Сап).

Одна арка перед танцплощадкой.

Две колонны рядом с аркой (продаются как один лот).

Различные фрагменты сцены.

Различные части сцены, завёрнутые в чёрно-белые яркие полоски.

Различные фрагменты стульев Mondays' Corner (на самом деле принадлежавших Солфорду).

Один отпечаток руки и подпись на бетоне («Тони 94»).

Один отпечаток руки и подпись на бетоне («Хуки 94»).

Различные связки флуоресцентных наборов для освещения стен.

Различные связки электронных частей и наборов для освещения.

Три синих и красных фонаря внешнего освещения.

Пять чёрных и жёлтых звукоизолирующих перегородок.

Три блока из двухсот зелёных, синих и красных глазурованных внешних кирпичей.

Три блока из двухсот обычных кирпичей.

Четыре части балюстрады балкона.

Различное сантехническое оборудование из туалетов (из нержавеющей стали).

Различные двери из туалетов.

Кухонная посуда.

Холодильники.

Четыре монитора.

Один кассовый аппарат.

Один журнал заказов напитков.

Шесть батарей Victorian из Хасиенды и Round House.

Различные зеркала из туалетов и барные приспособления.

Доски для объявлений.

Один платный телефон.

Различные подставки для колонок.

Товары на продажу.

Оставшиеся ленты с танцевальной площадки.

Отдельные зелёные, синие и красные глазурованные кирпичи.

Эпилог. Пятнадцать лет круглосуточных тусовок

Как же мы смогли протянуть пятнадцать лет?

За счёт упорства. Главным образом, Роба. Он был свиреп, как питбуль, даже когда все вокруг лупили его палками, он не сдавался.

Иногда я думаю: каково было его семье? Он был настолько предан своему делу, что близкие наверняка страдали. Хасиенда не могла не стать частью их семьи.

В то время мы не осознавали этого — настолько были заняты собой, что забывали про других людей. Теперь я думаю о них и обо всём, через что они прошли. Простите меня.

Когда я оглядываюсь назад на все эти годы, ощущение такое, словно наблюдаешь дорожную аварию, в которой погибли люди, и дивишься, что сам в ней не пострадал. Лучшее время в Хасиенде для меня наступало в конце мероприятий, когда мы закрывались и всех выгоняли. Адреналин бурлил, поскольку мы были на грани, и это было опасно, нам нравилось оттягиваться всей группой, так как мы (наш персонал и некоторые главные охранники) были записными любителями веществ. Мы сидели и выпивали, наслаждаясь тем чувством, что пережили ещё одну ночь. Фух.

После того, как здание ушло с молотка, мы стали распродавать сувениры. Заведение заполонили фанаты и коллекционеры, были разные люди. Один парень купил дверь от туалетной кабинки, где у него был секс, о чём он хотел иметь вещественное напоминание. Продавался также кусок бетона за дверью, на котором мы с Энг вырезали наши имена. Аукционеры поместили его в рамку, довольно мило получилось. Я предложил цену, и она стала повышаться. После этого Энг собственной персоной выбежала на подиум, схватила микрофон и закричала: «Перестань делать ставки, Хуки! Это я!» Именно она хотела купить лот. И мы оба подняли цену. Типично для нас.

Бобби Лэнгли, бывший диджей Хасиенды, купил диджейскую кабинку. Он услышал сплетню, будто Cream собираются её купить, и заранее сказал мне, что его начальство в Bench установило ему лимит в 8000 фунтов, чтобы лот остался в Манчестере («не дай ливерпульцам получить его!»). Я проводил аукцион для этого лота.

Помню, как Бобби предложил вначале сто фунтов. После этого таинственный участник объявил двести.

Других заинтересованных нашлось. Ставки повышались до тех пор, пока конкурент не сдался на 7900 фунтах. Бобби купил кабинку за восемь тысяч.

Когда спустя годы я поведал ему, что на самом деле никакого соперника не было, он пришёл в ярость. Выяснилось, что начальник шутил, а самого его чуть не уволили.

Хороша была бы причина. Тони поинтересовался вслух: «Что он собирается с этим делать? Открыть бургер-бар?» (На самом деле Бобби принёс кабинку на Tribal Gathering в Southport в 2002 году, где её представили как главную достопримечательность. Последний раз её видели разваливающейся в автопарке где-то в Нортен Куортер.)

Я купил две балки, которые держали потолок, и множество других вещей, которые мне негде было хранить. Они пропали. Удивительно, сколько аппаратуры из Хасиенды мне предлагают сейчас — это всё сворованные из клуба вещи. Замечательно — я должен заплатить за них дважды.

Даже перед закрытием люди говорили, как важен для них клуб и какую важную роль он сыграл в их жизни. Я обычно просто отвечал: «О, хорошо. Прошу меня извинить», после чего убегал, смущённый, но улыбающийся.

Время прекрасно лечит. Вы принимаете положение вещей. Сейчас мне проще говорить о клубе. Эрик Бейкер, танцор 808 State, как-то сказал мне в Гластонбери: «Самое время забить на это, Хуки». Он был прав.

Роб умер от сердечного приступа 15 мая 1999 года (он неделю не дожил до предполагаемого семнадцатого дня рождения Хасиенды).

Именно Роба Греттона, идейного вдохновителя, следует винить и благодарить за всё, что было в Хасиенде хорошего и плохого. Клуб воистину был его детищем.

Тони Уилсон тоже может считаться основателем клуба, но на самом деле он был помощником Роба. New Order никогда бы не решились самостоятельно открыть клуб. Только энтузиазм Роба и любовь Манчестера помогли всё осуществить. Он хотел, чтобы все веселились с ним. Он любил компании и был чрезмерно щедр. Однажды на рождественской вечеринке Factory Records он обнаружил, что проще отдать что-либо, чем продать. Он шёл без оглядки.

Роб постоянно думал о делах, о клубе или о группе. Его блокнот был заполнен планами и схемами, целые страницы были исписаны на тему, что нужно сделать и чего делать не нужно, какие проблемы необходимо решить. Он всё это фиксировал. У

него всегда был позитивный настрой, он был готов действовать, а для меня это признак хорошего бизнесмена. Он ненавидел формальности в работе, терпеть не мог связываться со звукозаписывающими компаниями. Всё это он считал дерьмом. Он никогда бы не сказал: «Привет, я Роб Греттон, менеджер New Order». Если у кого-то было к нему дело и его удавалось найти, он отвечал: «Ну ё-моё, оставьте меня в покое!»

Если у вас великая группа, вы способны на всё. Робу сильно повезло: у него их было две.

Сегодня на территории клуба квартиры. Мне это нравится. Если бы там был новый клуб, это было бы то же самое, что видеть свою бывшую с другим. Это обитель. Все ругались, что я позволил использовать название Хасиенды, но я считаю, что клуб дал городу отличный ориентир. Через десять лет люди могут спросить, откуда название Haçienda Apartments. Они узнают нашу историю и будут весьма озадачены.

Строительная компания Crosby Homes заплатила целое состояние за здание и снесла его. Мы с Тони запустили бульдозер. Затем, разрази меня гром, три недели спустя кинокомпания решила воссоздать клуб для съёмок «Круглосуточных тусовщиков». Это стоило 280000 фунтов.

Мы увидели воссозданный клуб. Возможно, в фильме представлена искажённая картина успеха и разорения клуба, но это позволило нам должным образом с ним попрощаться, устроить несостоявшуюся вечеринку по случаю закрытия, как сказал Барни.

Это было уму непостижимо. Вернуться в Хасиенду, детально скопированную (разве только кое-где изюминки не хватало), было одновременно мечтой и кошмаром. Это было самое странное, что я пережил.

Все были там, включая Пола Мейсона. В тот вечер, пока шли съёмки, я поднялся к Барни и сказал: «Чёрт подери, как же не хватает Роба Греттона».

Он повернулся и сказал: «Смотри...»

И я увидел актёра Пэдди Консидайна, одетого как Роб.

Мне хотелось напиться, хотелось плакать. Это было так странно, тяжело, так выносило мозг, что терпеть не было сил.

Но у всего этого был один ужасный и весёлый эпилог.

Декорации обошлись Manto Group в 100000 фунтов, их планировали поместить на складе и использовать для открытия клуба, чтобы заработать на ностальгии. Если бы мерзавцам это удалось, меня бы это сильно задело. Они не имели права эксплуатировать память о Хасиенде. И не стали.

Когда мы, заново побывав в Хасиенде, крепко заснули утром,

монтировщик сцены спросил по рации руководителя производства: «Оставляем декорации? Да или нет?»

Начальник производства ответил: «Нет, их уже продали», но монтировщик расслышал только слово «нет».

Он разобрал все декорации.

Меня переполняло счастье.

Хасиенда осталась частью жизни всех, кто в ней проводил время или работал. Некоторые бывшие сотрудники до сих пор не в накладе от того, что были связаны с клубом. Лерой может поехать в Нью-Йорк или Амстердам, и там его встретят как короля, потому что он был менеджером Хасиенды.

Тони Уилсон всё время говорил, что для Factory искусство важнее денег. Интересно, если бы он заявил это в самом начале, работали бы мы с ним до сих пор? Этого я никогда не узнаю, но не могу сказать, что особенно жалею об этом моменте в череде безумного хаоса.

У Тони нашли рак почки. Когда Национальная служба здравоохранения отказалась финансировать его лечение, друзья собрали средства и спасли его.

Мы оставались большими друзьями до конца. Наши судьбы были так сильно связаны, что я считал его близким человеком. Он умер в 2007 году. Это было так неожиданно. В феврале он объявлял наш выход на сцену и был в полном порядке, а к августу его не стало.

Мне очень его не хватает.

Энг перебралась в Солфорд. Работает менеджером в магазине «Вивьен Вествуд». Она большая их поклонница, так что её мечта сбылась.

Сюзанна тоже переехала в Солфорд. Она подруга Твин-и, так что я часто её вижу. Она была замужем за Тимом, который снимал в клубе группы на видео. У неё двойняшки. Эти детишки — самые безбашенные дьяволята, каких я только видел. Интересно, в кого они такие. Она работает в сфере выездного ресторанного обслуживания и садового дизайна, сейчас трудится в Salford Reds.

Твинни и его брат Пол остаются моими лучшими друзьями. Все Беллингхемы сыграли важную роль в моей жизни.

Пол Кэрролл исчез.

Дэмиен и Дэсси Нунаны мертвы, боюсь, что и некоторые другие из охранников тоже. Каких-то ребят, которые у нас работали, я всё ещё вижу. Я ходил на открытие клуба Cheshire, куда был приглашён одним из них. Очень мило.

Слим, заметный персонаж в Манчестере, работает в Academy и Apollo. На нём держится наш город, как на Сержанте.

Кормак стал парикмахером после того, как вышел из тюрьмы. В 2007-м, впервые за долгие годы, я случайно встретился с Гордоном «Шефом». Он всё там же, работает в Trafford Centre.

Дэбби и Баузер по-прежнему готовят еду. Они являются владельцами Little Red Courgette, снабжали едой съёмочную группу «Круглосуточных тусовщиков». Томмо так же связан с едой. Он готовил для Эми Уайнхаус, пока та не попала в реабилитационный центр.

Жасмин, которая работала на входе, обрела Бога и стала в некотором роде религиозной фанатичкой.

Джек переехал в Шеффилд. Он занимается реконструкцией военных действий Кромвеля. Играет сторонника парламента.

Антон Розак уехал из Манчестера, общается только с Энг. Владеет магазином детской одежды в Лидсе.

Оглядываясь назад, я понимаю, что неуязвимость, которую мы ощущали, была тупостью. Некоторые люди, включая меня, стали алкоголиками и наркоманами. Когда я оказался в реабилитационном центре, ко мне подошёл парень и спросил: «Привет, помнишь меня?»

«Нет, а ты кто?»

«А ты не помнишь? Я тебе в Хасиенде экстази подгонял».

Оказалось, что он мой психотерапевт. И я знаю много таких примеров. Другой парень, с которым я общался в реабилитационном центре, был близким другом Баузера. Раньше он владел отелем в Уитингтоне, где люди собирались на несколько дней нюхнуть кокаина у бассейна в подвале. Не нужно объяснять, скольких из нас поломало, но, по-моему, никто не употреблял так же, как мы.

Теперь, по трезвости, я полагаю, что многие сотрудники пережили эпоху эйсид-хауса благодаря тому, что не употребляли. Под кайфом кажется, что все остальные тоже об-долбанны. Теперь

всё видится иначе. Мы полагали, что нам необходимы наркотики для сцены, думали, что без них не протянем. Это верный залог стать зависимым: вы путаете причину проблем с избавлением от них.

Это всё стереотипы о рок-н-ролле. Наркотики в жизни Happy Mondays, New Order и других групп сформировали ложное представление. На самом деле большинство посетителей клуба не были под кайфом. Они любили тусоваться в клубе, напиваться, слушать хорошую музыку и веселиться.

Открыл ли бы я клуб снова? Нет. Слишком много ответственности, да и жена меня убьёт.

Другие клубы и бары переняли некоторые черты Хасиенды, её тенденцию поддерживать искусство в ущерб здравому смыслу.

Можно пройти мимо мест, украшенных металлическими дверями, канделябрами и розовым мрамором, который замечаешь, только если кто-то впечатает тебя в него лицом. Такие дизайнеры интерьеров, как Бернард Кэрролл, работавший в манчестерских ресторанах Reform и Panacea, зарабатывают деньги тем, что создают схожий визуальный эффект. В конечном счёте, можно самим использовать такие находки. Помню, как Росс Маккензи, открывший с Лероем Ричардсоном в 2002 году One Central Street, говорил мне о доске, которую он установил. Я сказал ему: «Никто её и не заметит. Чувак, покрась её в чёрный».

Посетителям пофиг. Они приходят лишь для того, чтобы убраться в хлам. Кто-нибудь обращал внимание на проекции на стенах в Хасиенде? Или на копьё, выступающее из Dry и указывающее на Спир-стрит? Эти детали были настолько ненавязчивы, что большинство людей их не замечали. Барни всякий раз ругает Бена Келли за то, что тот перебарщивает. Вполне заслуженно.

Манчестер не самый лучший город, чтобы открывать в нём клуб. Когда я просматриваю членские карточки, то вспоминаю, сколько задумок провалилось. То, что Хасиенда просуществовала с 1982 по 1997 год, — реальное достижение. Насколько мне известно, на таком уровне никто столько не продержался.

Чтобы оценить роль клуба в моей жизни, потребовались годы. Каждый раз, когда я напивался или упарывался, я жаловался, как же меня всё достало. Это продолжалось долго, думаю, что я стал местным занудой.

Что касается моих сольных проектов Revenge и Monaco, в которых участвовал Поттси, то в некотором роде они оказались успешными. Мы выпустили три альбома, которыми я очень горжусь.

После закрытия Хасиенды New Order собрались снова и

записали ещё два альбома («Get Ready» в 2001 году и «Waiting for the Siren's Call» в 2005-м), но длилась эта радость недолго.

Я не виню своих коллег за распад группы. Я достаточно пожил, чтобы понять, что причина во мне. И я достаточно нахлебался всего этого дерьма.

При том что играть живую музыку — моя первая любовь, мне также нравится играть диджей-сеты. Путешествия и исполнение музыки — то, что до сих пор приносит мне удовольствие.

Летом 2007 года манчестерский музей Urbis Centre организовал выставку в честь двадцать пятого юбилея Хасиенды, которая одновременно и порадовала меня, и серьёзно озадачила. Когда я увидел экспозицию, для которой люди пожертвовали предметы из своих коллекций, я подумал: «Минуточку, а где вы это взяли?»

Открытие прошло замечательно — я встретил старых знакомых. Там были Бен Келли и Питер Сэвилл. Я сто лет не видел Бена. Я не таил обиду. Ведь, честно говоря, ему предоставили полную свободу, он мог творить что угодно, но я люблю глумиться.

Мой любимый момент связан с диджей-сетом Sasha, когда у него сломался компьютер. Музыка внезапно оборвалась.

После двух часов смутившей всех тишины я подошёл к нему и спросил, в порядке ли он.

«Блин, Хуки, нет, не в порядке. Там все мои данные».

«А на диск не скопировал?»

«Нет. Тебе нужно продолжить».

Моя мечта сбылась. Я играю вместо Sasha. Офигеть. Эта странная ситуация меня ужасно веселила. Я пришёл на помощь лучшему диджею в мире. Оказался в нужное время в нужном месте. Но давайте будем честными: поставить записи —дело нехитрое. Я слышал, что Sasha потом ходил по выставке и плакал от нахлынувших воспоминаний.

У меня было такое чувство, будто семья воссоединилась. Я взял с собой сына и дочерей и с удовольствием прогулялся с ними по выставке. Она мне понравилась. Я сказал им: «Наследства не будет, Роб всё потратил».

Легендарная Хасиенда спровоцировала народное творчество. Двадцать пятый юбилей, в 2007 году, позволил народу продемонстрировать, какое влияние оказал на них клуб. «Адидас» выпустили лимитированную партию кроссовок «Хасиенда», дизайн которых разработал Ёдзи Ямамото (Сэвилл работал с ним с конца восьмидесятых, создавая каталоги и рекламные материалы).

Их продавали за 345 фунтов, но люди с ночи занимали место

в очереди, чтобы войти и купить их первыми. Кроссовки были распроданы за двадцать минут.

Хасиенды больше нет физически, но она всегда будет жить во мне, будет темой разговоров, будет присутствовать в мечтах и кошмарах. Интерес среди людей и СМИ заставляет предположить, что меня всегда будут спрашивать о клубе.

Люди и мероприятия тоже всегда будут жить во мне. Поклонники не дадут забыть.

Бернард любит подкалывать меня за меланхолический настрой. Он считает, что мне нравится жить в прошлом, и он прав. Я зацикливаюсь, не могу просто забыть пройденный этап и двигаться дальше. Я смотрел «Круглосуточных тусовщиков» три или четыре раза. Это бред, но бред весёлый. Скучный фильм о Хасиенде сделать просто невозможно.

Сын Тони Уилсона Оливер не понимает, как же мы умудрились всё потерять. Он не верит, что можно было упустить такую возможность.

Упустили ли мы возможность? Нуда, думаю, что упустили. И не одну. Мы изрядно преуспели в этом. И если вы решили упустить свою возможность, запомните некоторые важные вещи: делайте это стильно, публично и, главное, в Манчестере.

Послесловие. The Factory FAC 251

Встречаясь с аудиторией в рамках тура Unknown Pleasures, я чаще всего слышал примерно такой вопрос: «Вы опубликовали книгу „Как не следует управлять клубом“, в которой подробно описали стресс, страх, разочарование, опасности и риски как в смысле денег, так и вообще, которые ждут того, кто захочет открыть клуб в Манчестере. Так какого же чёрта вы открыли ещё один?»

Ответ: «Уф, поверьте, для меня это был шок не меньше вашего». Но если уж отвечать на вопрос толком, то нужно, как в кино, сквозь кружащиеся туманы времени перенестись на шесть лет назад, в тот самый летний день…

Дзыннъ!

«Алло».

«Хуки! Дело есть».

«О, привет, Мэнни! Как жизнь?»

«Потихоньку, не важно. У меня к тебе дело. Тут кое-кто подвёл меня, и теперь мне нужен диджей-знаменитость для концерта в Razzmatazz в Барселоне».

К тому моменту я отчаянно отказывал всем, кто пытался уговорить меня заняться диджей-сетами. А пытались многие, особенно в начале девяностых, и все говорили, что это очень просто. Но я каждый раз отказывался. Я считал, что диджеи — эгоистичные, самолюбивые, бездарные и болтливые паршивцы с феноменально завышенным чувством собственной важности. Может, именно поэтому я без труда влился в их ряды, но тогда я ещё этим не занимался, так что… Немного придя в себя, я разузнал некоторые подробности, в частности: мы получаем по 500 евро, билеты на самолёт и две оплаченные ночи в пятизвёздочном отеле, еда и напитки включены.

«И что же мне нужно делать, Мэнни? Ты же знаешь, я не могу играть диджей-сеты».

«Ну просто постой с достойным видом, а потом расскажи, почему New Order не поедут в тур, — сказал он, усмехнувшись. — Отличная возможность убраться на халяву! Давай попробуем!»

Давайте перенесёмся в ту ночь в Барселоне. Мэнни, Имельда, Бекки и я, подкрепив силы надлежащим образом, проходим в расположенную в большом зале диджейскую кабинку клуба Razzmatazz и наблюдаем оттуда, как человек восемьсот — тысяча отрываются по полной. За ужином, выпив пару бутылок вина, Мэнни объяснил мне, в чём заключается роль известного диджея.

«Ничего особенного от тебя не ждут. Они просто хотят увидеть старого хрена, который когда-то играл в группе».

Таким образом, мне предстоит прекрасно провести время, дать несколько автографов, рассказать, почему New Order не гастролируют и т. д. и т. п. Я моментально почувствовал себя прекрасно. Я потребовал микрофон, чтобы зачитать рэп, как Без: «Manchester in your area!» К счастью, когда микрофон появился, момент оказался упущен. Зато чуть позже танцую я на подиуме (соблюдая осторожность, так как Имельда уже грохнулась и была поймана одним из охранников), смотрю вниз и вижу Мэнни, который пытается делать скрэтчи на выключенной аппаратуре, так что никакого звука скрэтчеи нет. Хлопаю его по плечу и кричу сквозь шум: «Установка выключена».

Мэнни смущён. Он что-то кричит мне в ответ, пытаясь понять, что происходит. К сожалению, в этот момент очередной трек заканчивается, и зал остаётся в полной тишине. Долго ждать не приходится: сперва толпа начинает гудеть, затем раздаются свист и улюлюканье, после чего в диджейскую кабинку летят стаканы — и пустые, и полные.

«Ах вы чёртовы чесночники!» — вопит Мэнни.

Ошибся страной, точно. Он наклоняется, аккуратно снимает пластинки с проигрывателей и запускает их в зал, как летающие тарелки. Затем берётся за коробку с записями. Настоящая бойня. Люди вопят, пригибаются и бегут, спасая свои жизни, никто не хочет быть обезглавлен двенадцатидюймовым виниловым диском «I Am the Resurrection». А я смотрю с восхищением… Эврика!

Я тоже так могу. Я могу быть диджеем!

В тот самый момент я стал настоящим диджеем, которому и море по колено. Тем временем, однако, появляются охранники, успокаивают собравшихся, а нам удаётся включить новый трек до того, как нас прогоняет настоящий диджей. Прекрасная ночь. Спасибо, Хосе.

Перенесёмся теперь на две недели позже, в тот день, когда я отыграл свой второй концерт, на этот раз организованный Клинтом Буном (Inspiral Carpets/XFM), который был просто на седьмом небе от счастья от того, что я стал диджеем: «Наконец-то ты один из нас!»

Местом проведения был Castle в Олдеме. Раньше там находился паб, который переделали под музыкальную площадку. Меня слушал приятель Клинта Аарон, новый владелец клуба. Последний раз я играл в Олдеме в 1977 году, когда Joy Division давали концерт в клубе Tower. Нам организовали выступление, так как все билеты в Sad Cafe были проданы за неделю до

мероприятия, и владелец клуба решил, что на любом панк-концерте будет аншлаг. К сожалению, вышло иначе, мы получили в знак уважения свои тридцать фунтов, а на концерт никто не явился. И вот я нервничаю, но при этом преисполнен чувства, что я ди-джей-знаменитость. Я приехал, когда вечеринка была в самом разгаре. Здесь ещё один старый приятель — Джилли, диджей в манчестерском South и по совместительству барабанщик в Inspiral Carpets.

Он представляет меня Аарону, и я спрашиваю: «Кто ставит мои записи?» (треки записаны на CD).

«Что?»

«Кто запускает треки? Я же диджей-знаменитость, я не могу это делать, моя задача — выкрикивать поверх музыки».

«Вот блин!» — вскипает он.

К этому времени Джилли, который, оказывается, тоже был одним из диджеев заведения, исчез, и Аарон нехотя соглашается заняться этим. Мы идём в диджейскую кабинку, я передаю ему первый диск, он его запускает. Всё проходит успешно, на очереди следующий диск.

«Блин! Делай это сам. У тебя две минуты тридцать четыре секунды».

«Чего? Не глупи, ведь я же...»

Но прежде чем успеваю договорить, он уходит. Мне предстоит работать одному. Смотрю на показывающий время дисплей на CD-плеере: две минуты и двадцать восемь секунд, двадцать семь секунд... Вот дерьмо! Я в панике начинаю носиться как угорелый, но кое-как мне удаётся справиться. Чёрт возьми, я понял, как быть диджеем. Ну, в какой-то степени. Я успешно ставлю следующую запись. Уф. Дальше лучше, так что я прощаюсь со своим новым статусом диджея-знаменитости и начинаю веселиться.

В течение следующих нескольких лет я много раз играл у Аарона: в Ньюкасле, Брайтоне, Манчестере, Хаддерсфилде, Олдеме. Он был очень влиятелен, а ещё любил музыку Joy Division и New Order. Мы с ним подружились (здесь в вашем воображении пусть вступят скрипки и появятся падающие сердечки).

Он часто спрашивал, не хотел бы я снова открыть клуб. Он слышал о моей причастности к бару Cuba в Маклсфил-де; возможно, это его и подстегнуло. Мы уже чуть было не занялись поисками подходящего места в Нортен Куортер, но я не особо горел этой идеей. Разве что моё самолюбие зашевелилось, но об этом в другой раз.

Итак, снова вообразите этот осточертевший туман времени: и вот он я — подписываю книги в Ньюкасле, а тут как раз появляется Аарон.

Я вручаю ему подписанную книгу, и он спрашивает: «Ну, мы уже откроем клуб или как? У меня отличная идея, тебе понравится. Я позвоню тебе на следующей неделе!»

И исчезает.

Дзыннь!

«Это Аарон. Я купил место! Уверен, тебе понравится. Приезжай в город — я тебе покажу».

Я приезжаю и вижу разрушенное, но очень знакомое здание на Чарльз-стрит в Манчестере, которое я однажды пытался приобрести и за которое в конце концов так или иначе заплатил.

Старый главный офис Factory. Чёрт возьми! Я говорил, что жена меня прибьёт, если я куплю ещё один клуб, и в тот момент понимаю, что так оно и будет. Оказывается, здание пострадало из-за кредитного кризиса. Его купила компания-застройщик, чтобы сделать из него многоквартирный дом (именно то, что нужно Манчестеру: больше квартир), но в итоге разорилась. Здание сдали в аренду и выставили на продажу за огромную цену —целых три с половиной миллиона фунтов. И это при том, что Factory заплатила за него 103 000 фунтов до строительства и 674 000 фунтов после. (Factory разорилась в пятницу, а когда в понедельник мы с Робом Греттоном пришли в компанию, занимающуюся ликвидацией, чтобы купить это здание для New Order, нам сообщили, что оно уже продано. Прямо-таки загадка. Здание обошлось нам в 674 000 фунтов, а продано было за 225 000. От этого хочется кричать!) Кэролайн Эйнскау, ставшая владельцем здания после того, как Factory разорилась, успешно управляла им как Paradise Factory со своим партнёром Питером Долтоном с 1993 по 1996 год. Закончились мои любимые мероприятия по четвергам. Сумасшедшие деньки.

На этот раз моё сердце последовало за моим самолюбием. Не буду утомлять вас деталями бизнеса, но вот теперь я счастливый партнёр (акционер) в новом проекте Factory, FAC 251, вместе с моим другом Ааароном. В офисе моего бывшего начальника. Сам не могу поверить. Мы бились над названием, ставшим причиной многих споров...

Доводы за	*Доводы против*
История	То же
Наследие	То же
Тяжёлая работа	То же

Споры и сейчас продолжаются. Конечно, мы использовали прошлое как основу для будущего, и на этот раз хотелось избежать ошибок и неудач. Хотелось создать новую площадку со старыми и опытными управляющими. Ведь, допустив столько ошибок, разве мы не набрались опыта? Мы могли бы помогать новым музыкантам, новым промоутерам, новым группам и т. д. Меня подстёгивало не только это. Я много слышал про то, что группы вынуждены платить за возможность играть в Манчестере под предлогом реализации билетов на концерты: если билетов было продано мало, концерт отменялся. Это распространялось даже на новых диджеев: продав двадцать или тридцать билетов, они могли выступать, а если меньше — нет. Мне это было омерзительно. Такие дела явно не делают городу чести. С таким отношением далеко не уедешь. И, взвесив все за и против, тщательно всё обсудив с юристами и получив почти всеобщее одобрение, мы решили взяться за дело.

Старый офис Factory получил второе рождение.

Мы немедленно привлекли Бена Келли, желая вернуть былую славу, но на этот раз уделяя внимание расходам и в целом подходя ко всему более серьёзно. Бен пришёл в восторг, и вот что он собрался сделать...

КАК ПОДОШЁЛ БЕН КЕЛЛИ К ВОССОЗДАНИЮ БЫВШЕГО ГЛАВНОГО ОФИСА FACTORY

Клиент хотел получить скрытые отсылки к истории Factory. Решили, что дизайн должен это учитывать, но при этом отражать наше устремление в будущее. Мы попытались достичь этой цели за счёт использования соответствующих материалов, оттенков и графики. Первое и самое главное — вернуть зданию оригинальный облик. Долгие годы оно разрушалось, его не поддерживали должным образом. Прежде всего нужно было заделать проём на уровне второго этажа. Таким образом, мы создали максимально вместительную площадку для нового клуба. Далее, мы хотели, чтобы со входа на первом этаже было видно находящуюся на втором этаже новую диджейскую кабинку. Мы добились этого, сделав кабинку частично остеклённой и вдвое увеличив в высоту вход в здание.

Диджейские кабинки и бары должны были располагаться на всех трёх этажах. Благодаря этому мы могли использовать каждый этаж по-особому. Мы хотели внедрить новый язык на различных уровнях здания. Синие глазурованные кирпичи обрамляли увеличенный вход; такие же кирпичи мы повторили при возведении низких стен на ресепшене, вокруг каждой диджейской кабинки и вокруг находящегося на первом этаже

микшерного пульта. Эти кирпичи обеспечивали хорошую защиту. Также были разработаны единые для всех трёх баров опорные конструкции с порошковым покрытием. Все верхние части барных стоек были выполнены из тёмных сине-серых досок, которые сочетались с установленными во всём здании оригинальными сине-серыми подоконниками. На первом этаже для строительства интерьера был использован материал AIR-board, а в дополнение была предусмотрена подсветка. В баре на втором этаже были наклеены жёлтые и белые полосы из особого материала, который при освещении даёт восхитительное отражение и сияние. Такой же материал есть на дверцах полицейских машин и машин скорой помощи. При оформлении третьего этажа была сделана отсылка к обложке альбома Orchestral Manoeuvres in the Dark, дизайн которой разработали Бен Келли и Питер Сэвилл. Конверт пластинки имел отверстия. В передней части бара мы проецировали его увеличенную версию с помощью зеркала и вырезанных лазером ромбов.

Все колонны были полосатыми. Публику встречали неоновые жёлтые полосы в духе Хасиенды, обёрнутые вокруг окрашенных серебряной краской колонн первого этажа. Для лестничного проёма, в котором располагалась большая часть лестницы, использовался оттенок International Orange. Основная часть клуба была окрашена в Pigeon Blue; таким образом, по цветовой гамме новый клуб соответствовал Хасиенде.

Аарон считал, что нужно привлечь как можно больше наших бывших коллег, чтобы вместе работать над будущим клубом. Кевин Камминс должен был заняться документацией строительных работ, Питер Сэвилл — давать консультации по оформлению, Лерой Ричардсон — управлять баром и всё теми же счетами. По поводу последнего: это была шутка. Кто-то мог помочь, кто-то — нет. Начинать работу было очень волнительно, и когда вы заявили о себе, реакция оказалась фантастической. Объявились какие-то интернет-герои, но у нас просто не было времени с ними связываться. Критика в интернете, эта чума нашего времени, не на шутку напугала людей по всему миру. Мы усердно трудились, но при этом видели результат и прогресс, видели, как наши идеи, пройдя сложный путь, воплощаются. Не буду рассказывать, кто за что отвечал. Пятого февраля 2010 года состоялось торжественное открытие клуба. Возможно, немного впопыхах, но что тут удивительного? Среди владельцев клубов считается, что если вы лихорадочно не прикручиваете держатели для туалетной бумаги за пять минут до открытия клуба, значит, что-то вы делаете не так. Рад сообщить, что у нас всё получилось

«так». Вот ещё бы недельку на подготовку, и всё было бы идеально (уже подумываю выбить эти слова на своей чёртовой могиле, они меня сопровождают, чем бы я ни занимался).

Бен Келли прекрасно поработал и много сотрудничал с нами уже после открытия клуба. Следующим масштабным проектом было создание места для курения на улице над каналом возле находящегося по соседству туалета Викторианской эпохи (переделывать этот туалет было нельзя, поскольку он значился в списке охраняемых государством объектов).

Я очень горжусь клубом. Мы вложили всю душу в реконструкцию здания и сформировали прекрасную команду. Многие работали у Аарона много лет — большое свидетельство в пользу организации, в которую к тому же входили дети первых владельцев и музыкантов. Я счастлив, что мне представилась возможность поучаствовать в создании клуба в новом Манчестере 2010 года, это настоящее удовольствие по сравнению с прежним опытом. Мы действуем в полном согласии с полицией и можем быть уверены в безопасности персонала и посетителей. Европейские иммиграционные стандарты сказались на нашей работе интересным и при этом положительным образом: у нас есть команда польских охранников. Замечательная вещь: когда приходят местные негодяи, наши славные верзилы понятия не имеют, кто тут Гортон, кто Мосс-Сайд, Гуч, Лонгсайд и даже Солфорд, — никакой территориальной дискриминации, это сразу решило проблему с бандами. Повседневное управление клубом я доверяю профессионалам, но иногда люблю встрять со своими идеями по улучшению, которые, похоже, скорее мешают работе, чем помогают. Мне кажется, что постарайся я чуть больше — и мог бы вообще разрушить всю империю Аарона. У нас уже набрался добротный список диджеев и групп, в нашем зале проводится Haçienda Saturday Night, где появляются и старые лица, и новые. Аарон предложил мне поучаствовать в открытии клуба. Я думал, он имеет в виду исполнение диджей-сетов, но он задумал нечто другое.

«Как насчёт сыграть живьём? Как с Monaco в Ritz, когда вы собирали деньги для "Оксфам". Сделать ретроспективу твоего долгого и замечательного творческого пути».

Я прямо остолбенел. Такое мне в голову точно не приходило.

Идея заинтриговала. В Ritz мы с Дэвидом Поттсом уже играли мелодии Monaco, перемежая их темами из Joy Division и New Order, так что почему бы в самом деле не сыграть? Я позвонил ему. Телефон не отвечал. Я позвонил его маме, и она сказала, что он в Аргентине, себя ищет. Блин! Нужно было всё делать самому. Я обзвонил своих соотечественников и собрал следующий состав:

Пол (Leadfoot) Кехо, барабаны, Monaco
Энди Пул, клавишные, Monaco
Нэт Уозон, гитара, Haven/Freebass
...и я!

Если я собирался петь, нужно было найти басиста. Это было совсем непросто. Мэнни? Слишком занят. Рурк? Сейчас живёт в Нью-Йорке. Так кто же? И тут меня снова осенило. Мой сын Джек. Он к тому времени уже довольно хорошо играл, хотя и разбил мне сердце в прошлом году:

«Папа, у меня для тебя плохие новости».

«В чём дело?» — спросил я, перепугавшись.

«Я ухожу из группы, чтобы сосредоточиться на учёбе».

И где я что сделал не так?

Как член семьи он в добровольно-принудительном порядке был записан в состав группы Light, и начались репетиции. Я всегда чувствую вину, когда играю эти песни не с Joy Division или New Order. Не могу сказать почему, просто чувствую, что делаю что-то не то. Конечно, разрешение на их исполнение у меня есть, ведь я участвовал в их написании, но во мне будто бы работает какая-то программа, которая запрещает играть песни без остальных ребят. Мы уже проходили через подобное с New Order, когда исполняли песни Joy Division. Но я не сдавался. Я хотел, чтобы на открытии были представлены все мои проекты, включая новый Freebass. Сет-лист был подобран соответствующим образом: «Dark Starr' (вокал Ховард Маркс, бас-гитара Мэнни); «Dark Starr' (вокал Гэри Бриггс, бас-гитара Мэнни); «You Don't Know This About Me'; «Dreams Never End'; «Ceremony1; «Sister and Brother'; «Shine'; «What Do You Want from Me'; «Atmosphere' (вокал Роветта); «Insight' (вокал Роветта); «Shadow-play'; «Pictures in My Mind'; «Interzone'; «Warsaw'; «Transmission'; «Sunrise'; «Love Will Tear Us Apart'; «Blue Monday».

Примерно тогда же я стал сотрудничать с преданными поклонниками. Эти ребята, Closed Order, преуспели в собирании редких и неизвестных репетиционных и концертных записей. У них скопилась внушительная коллекция, но часть её попала в чужие руки, и ребята попросили меня остановить бурное распространение материалов. Это оказалось как нельзя кстати, потому что на встречах (довольно приятных, хотелось бы добавить) с участниками Joy Division и New Order мы как раз обсуждали создание специального сайта, с которого осуществлялась бы продажа наших редких материалов, ремиксов, мерчандайза, так что именно с этой темы мы могли бы открыть

наш сайт. Американец, владевший нашей «редкой» записью, оказался очень приятным человеком и просто вернул её законным владельцам. При этом он показал мне песню Joy Division, которую, клянусь вам, я никогда не слышал. То есть я её вообще не помню. «Pictures in My Mind' была почти законченной композицией, которую мы, должно быть, отложили до лучших времён. Мы были очень плодовиты в то время и, хоть и играли пару часов в неделю, легко могли сочинить минимум одну песню за репетицию. Йен Кёртис говорил, что работу над каждой песней нужно доводить до конца, потому что всегда найдётся тот, кому она понравится. Не понимаю, почему мы её забросили. Опасаясь жутких критиков из интернета и копания в прошлом, я всё же решил завершить её для концерта, а взявшись за нее, вспомнил про одну из моих любимых неизданных песен New Order «Brother and Sister' с альбома «Waiting For The Sirens' Call». Репетиции проходили отлично, благодаря работе моего сопродюсера и звукорежиссёра Филипа Мёрфи программа стала звучать по-настоящему здорово.

Должен признать, что мне было страшно как перед открытием, так и во время него, но при этом я ощущал радость поддержки близких по духу людей всей планеты... Вас. Ещё раз спасибо вам за эту поддержку. Концерт имел огромный успех, предвещавший прекрасное будущее Factory. Ну, за будущее. (Нас уже критиковали за то, что клуб часто бывает набит битком, — ещё одно доказательство того, что всем не угодишь, ведь Хасиенда пустовала первые шесть лет.) Если FAC 251 займёт место в сердцах людей, повлияет на историю музыки так же, как FAC 51, Хасиенда, я буду правда счастлив. Наследие будет жить вечно.

Я бы хотел поблагодарить за вдохновение и поддержку Аарона Меллора, а также Найджела Майлса, Кирка, Роба и Кэролайн, Дениз, Стива, Jase@A2, Джеймса и Джоанну, Тони Эндрюса и всех из Function One, Мартина из Pioneer, Дейва, Стива и всех из FullSpec и, конечно же, Бена Келли.

И напоследок: мы завезли в клуб напитков из расчёта на десять дней, основываясь на богатом опыте Аарона. Всё было продано в первую же ночь. Мы заказали столько же — и во вторую ночь снова всё продали. Мы создали чудовище...

Питер Хук, июль 2010

Благодарности

Я бы хотел поблагодарить...

Свою маму Ирен, её сестру Джин, мою жену Бекки за её бесконечную любовь, поддержку и наставления, моих детей Хизер, Джека и Джессику за всё.

Майкла и Кэрол Джонс.

Клода Флауэрса, который задумал эту чёртову книгу. Дружище, я надеюсь, что книга о Joy Division пойдёт у нас легче.

Эндрю Холмса за то, что проделал прекрасную работу, за доведение сырого материала до нужной кондиции.

Лесли Торн за помощь в решении целой кучи проблем.

Анжелу Херлихи из Simon & Schuster за то, что решила напечатать это!

Дайану Борн из Manchester Evening News за то, что стимулировала к работе и подала идею названия.

Эрика Баркера за то, что показал мне, каким занудой я стал.

Твинни и Карла за то, что были лучшими друзьями, о которых можно только мечтать.

Фила Мёрфи за отличную работу со звуком.

Эндрю Лиддла за его прекрасные иллюстрации.

Энг Мэттьюс за неоценимую помощь, терпение и знания.

Лероя Ричардсона за его поддержку в самую трудную минуту.

Пола Флэтчера и Натали Пламридж с One Love Music за их подлинные усилия вернуть Хасиенде её законное место.

Пола Чедвика за его огромные познания в музыке.

Терри Мейсона.

Стивена Ли за предоставление документов.

Клэр из Lea & Co.

Уэнди Фонэроу (от автора автору).

Энтони Эддиса за здравомыслие.

Стивена Джонса из Addis & Co.

Всех из Addis & Co за то, что терпели мои заскоки.

Тима и Тома из New State за успех диска «The Haçienda Classics».

Пола Брауна за то, что предложил это первым.

Фила Бэкетта за существенную помощь в составлении книги.

Джеймса Мастерса за то, что был кладезем знаний.

Грэма Парка, Майка Пикеринга, Джона Дейзилву, Sasha, Джастина Робертсона, Артура Бэйкера, Аллистера Уайтхеда, Дэйва Хаслама, The Whip, Дэвида Моралеса, Тома Уэйнрайта, Деррика Мея, Тодда Терри, Эндрю Уиттеролла, Джона Дигвида, Кевина Сондер-сона, Джона Картера, Фрэнки Наклза, парня по имени

Джеральд, Дэнни Рэмплинга.

Sasha и всех с Warehouse Project.

Джона Дрейпа из Ear To The Ground.

Дэвида Винсента и всех из Sankeys.

Рики из Colours.

Оливера Уилсона.

Кена Ниблока и Дэвида Поттса за сумасшедшие ночи в Хасиенде.

Клинта Буна за то, что научил меня диджейству.

Мэнни за работу над качеством.

Имельде за концерты.

Энди Фишеру.

Гари Аспдена из «Адидас».

Бобби Лэнгли и Slipstream.

Kickers.

Сэма Финдлея.

Така Мотомура.

808 State и Happy Mondays.

Терри Кристиана за записи.

Алана Эразмуса, человека-загадку.

Питера Сэвилла. Здорово снова работать с тобой.

Бена Келли, великого человека — независимо от того, что я говорю. Спасибо за дизайн и оформление.

Билла и Бена из Morph.

Дэйва (Ди) Хармана. Покойся с миром.

Джилл Смит. Покойся с миром.

Всех из Urbis Museum Manchester.

Всех бутлегеров... Это комплимент, но всё же...

Наконец, всех посетителей Хасиенды в прошлом, настоящем и будущем, чудесных людей в Солфорде и Манчестере. Без вас у нас ничего бы не получилось.

Библиография

Все эти источники оказались неоценимым кладезем ссылок и очень рекомендуются читателям.

Книги

24 Hour Party People, Tony Wilson (Channel 4 Books)

Adventures on the Wheels of Steel: the Rise of the Superstar DJs, Dave Haslam (Fourth Estate)

Bernard Sumner: Confusion, David Nolan (Independent Music Press)

Energy Flash, Simon Reynolds (Picador)

From Joy Division to New Order, the True Story of Anthony H. Wilson and Factory Records, Mick Middles (Virgin)

Gang War: the Inside Story of the Manchester Gangs, Peter Walsh (Milo)

The Haçienda Must be Built, Jon Savage (ed.) (Independent Music Press)

High Life'n'Low Down Dirty, the Thrills and Spills ofShaun Ryder, Lisa Verrico (Ebury)

I Swear I Was There, David Nolan (Independent Music Press)

Joy Division Piece by Piece, Paul Morley (Plexus)

Manchester, England, Dave Haslam (Fourth Estate)

My Magpie Eyes Have Seen the Prize, David Cavanagh (Virgin)

Plans and Elevations: Ben Kelly Design, Catherine McDermott (ed.) (ADT Designfile)

Rip it Up and Start Again, Simon Reynolds (Faber and Faber)

Shake, Rattle and Rain, C. P. Lee (Harding Simpole)

Touching from a Distance, Deborah Curtis (Faber and Faber)

Who Killed Martin Hannett? The Story of Factory Records'Musical Magician, Colin Sharp (Aurum)

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

Ben Kelly Design (www.benkellydesign.com) Cerysmatic (www.cerysmaticfactory.info)

DJ History (www.djhistory.com)

Manchester District Music Archive (www.mdmarchive.co.uk)

New Order Online (www.neworderonline.com)

Pride of Manchester (www.prideofmanchester.com)

ТЕКСТЫ НА ОБЛОЖКАХ ПЛАСТИНОК

Discotheque Volume 1: The Hagienda (бутлег, сукины дети), текст — Tim Lawrence (Gut Records)

Chicago Acid and Experimental House 1985-1995, текст — Tim

Lawrence (Soul Jazz Records)

ТЕЛЕВИДЕНИЕ

24 Hour Party People (Dir. Michael Winterbottom)

A Very British Gangster (Dir. Donal Maclntyre)

New Order Play at Home (Dir. Don Coutts, Peter Orton, Dom Shaw)

Celebration: Madchester — The Sound of the North (Granada Television)

The Alcohol Years (Dir. Carol Morley)

Joy Division (Dir. Grant Gee)

Control (Dir. Anton Corbijn)

notes

Примечания

1

Согласно клубной системе цена билета варьировалась в зависимости от времени приобретения, то есть до 22:30 билет стоил дешевле, чем после.

2

Барни — Бернард Самнер, гитарист Joy Division и вокалист New Order.

3

Тедди-бои (англ. Teddy Boys) — субкультура, зародившаяся в Великобритании в 1950-е гг., объединяла выходцев из рабочего класса, стремившихся через щегольскую манеру одеваться подражать «золотой молодёжи». Несколько раз переживала возрождение в 1970-е и 1990-е гг.

4

Из работы французского философа русского происхождения Ивана Щеглова (1933-1998), оказавшего влияние на ситуационистское художественно-политическое движение. Цит. в пер. Э. Богдановой — за исключением последнего предложения, где вместо выражения «загородный дом» (hacienda) восстановлена отсылка к Хасиенде.

5

Большое яблоко (англ. Big Apple) — одно из прозваний Нью-Йорка.

6

Шерпы — представители народности в восточном Непале и Индии. Будучи прирожденными альпинистами и обладая отличным знанием высокогорной местности, традиционно работают проводниками и носильщиками в альпинистских экспедициях. В связи с чем шерпами называют также любого горного носильщика-проводника независимо от этнической принадлежности.

7

Стрейнджуэйз (Strangeways) — название манчестерской тюрьмы.

8

Исцеление.

9

Речь о поправке к британскому закону о местном самоуправлении, предписывающей противодействовать распространению и пропаганде гомосексуальности. Принята в 1988-м, отменена в 2003 г.

10

Речь идёт о паре серийных убийц Раймонде Фернандесе и Марте Бек, которые в течение 1947—1949 гг. убили двадцать женщин. Получили прозвище «Одинокие сердца» (связанная с ними история легла в основу одноименного фильма 2006 г.).